

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 3 (69), № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2017

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ №ФС77-61791 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского, протокол № 10 от 23 ноября 2017 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

1. *Непомнящий Андрей Анатольевич* – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» – главный редактор.
2. *Близняков Роман Александрович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»; заместитель декана исторического факультета по научной работе – ответственный секретарь.
3. *Борщик Наталия Дмитриевна* – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
4. *Герцен Александр Германович* – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», заведующий кафедрой древнего мира и средних веков.
5. *Ишин Андрей Вячеславович* – доктор исторических наук, доцент, и. о. профессора кафедры истории России Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
6. *Науменко Валерий Евгеньевич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
7. *Петрова Элеонора Борисовна* – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
8. *Платонова Надежда Игоревна* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).
9. *Романько Олег Валентинович* – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
10. *Тихонов Игорь Владимирович* – доктор исторических наук, профессор, заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета (г. Санкт-Петербург).
11. *Тункина Ирина Владимировна* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
12. *Хлевов Александр Алексеевич* – доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
13. *Храпунов Игорь Николаевич* – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
14. *Щевелев Сергей Стефанович* – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Подписано в печать 23.11.2017. Формат 70x100 1/16.
Усл. п. л. 14.3. Заказ № НП/108. Тираж 50. Бесплатно.
Дата выхода в свет 15.12.2017.

Отпечатано в Управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
Адрес: 295051, г. Симферополь, бульвар Ленина, 5/7
<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 930.1+01УДК 930.2

КОНЦЕПЦИЯ ГАНЬ У В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКИХ ТЕОРИЙ МУЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бонч-Осмоловская О.А.

*Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: olga.bonch.osmolovskaya@gmail.com*

Данная статья является логическим продолжением ранее опубликованной статьи, посвященной исследованию истоков концепции «гань у» («восприятие вещей»). Теперь анализируется ее роль в более широком контексте – в китайских теориях литературы и музыки. Поэзия, первоначально понимавшаяся как слово, лишённое личных человеческих чувств и гармонизирующее Поднебесную, постепенно выходит за эти рамки. Прослеживается, как к концепции *гань у*, в данном случае понимавшейся как процесс зарождения стихов, добавляются новые элементы или переосмысляются старые: так природа и назначение человеческих чувств стали пониматься как неотъемлемая часть поэтического творчества, вытеснив с этого места «волю». Взаимодействие двух параллельно существующих миров – внутреннего (чувства-цин) и внешнего (вещи-у) на века становится предметом содержательных дискуссий между поэтами и литературными теоретиками. Контекст использования теории «восприятия вещей» менялся постоянно в зависимости от убеждений авторов. Восприятие вещей, восприятие дел-событий, стимул и реакция/восприятие-ответный отклик, соприкосновение с вещами и взаимодействие с ними – все эти аспекты одной концепции *гань у* были активно задействованы в длительном процессе осмысления особенностей поэтического и музыкального творчества.

Ключевые слова: *гань у*, теория восприятия вещей, китайская философия, конфуцианство, неоконфуцианство, И цзин, Ши цзин, Канон песен, китайская теория музыки, китайская теория литературы.

ВВЕДЕНИЕ

Теория «восприятия вещей» нашла своё отражение и практическую составляющую в китайских теориях музыки и литературы. Эти варианты интеллектуального творчества (и одновременно ритуального действия) мыслились результатом столкновения сознания с «вещами». Музыка, что характерно для традиционных культур, рассматривалась как неотъемлемая часть ритуальной практики: «Совершенная-законченная музыка-ритуал имеет применение – с её помощью умеряют-размеряют [личные] пристрастия и устремления» [1, с. 190]. «Музыка идёт изнутри человека, обряды и ритуал создаются вне его. А раз музыка идёт изнутри человека, она безмятежна; раз обряды создаются вне человека, они изысканны. Большая музыка должна быть лёгкой, а большие обряды должны быть простыми» [2, с. 76]. «Музыка – это гармония, [дарованная нам] Небом и Землёй; обряды и ритуал – это порядок, [установленный] Небом и Землёй. Гармония приводит к изменению всего сущего; порядок позволяет различать всю массу существующего. Музыка создаётся, беря пример с Неба; обряды устанавливаются, опираясь на законы Земли» [2, с. 77]. Музыка, по удачному выражению Г. А. Ткаченко, являлась «пластическим выражением ритуала» [1, с. 183].

Под словом «литература» (*вэнь*), хотя семантическое поле этого понятия чрезвычайно широко, традиционно подразумевались канонические тексты (*цзин*), тексты ритуального характера, доклады императору. То есть те произведения, в которых находила своё выражение благая сила-дэ, которые должна была способствовать исправлению человека [3, т. III, с. 248]. «Канон песен», будучи одновременно и каноническим конфуцианским произведением, и древнейшим песенно-поэтическим сборником являл собою пример совершенной поэзии: «Если триста стихотворений “Книги песен” попробовать охарактеризовать одной фразой, то можно сказать так: “Их мысль не имеет изъяна”» (Лунь юй, II, 2) [4, т. II, с. 216]. Развившиеся позднее литературные теории в большей или меньшей степени опирались на этот древний памятник, его образный ряд и поэтические приёмы. В конечном счете, не могло не появиться разделение на «выправленную» (*чжэнь*) поэзию, авторство которой приписывалось древним совершенномудрым, и поэзию обычных людей, которая, в отличие от первой, не была лишена чувств потрясённого сердца. Процесс создания поэтических произведений этих двух типов, считалось, имел серьёзные отличия, что подверглось тщательному анализу в среде литературных критиков и конфуцианских мыслителей.

Таким образом, говоря о музыке, ритуале и их необходимой составляющей – поэзии (канонической, в первую очередь), мы имеем дело с особыми духовными практиками (как в масштабах отдельного человека, так и в масштабах целого государства), призванными быть гармонизирующими началами в обществе, способствовать выправлению нравов.

1.1. Рассмотрим некоторые аспекты влияния концепции *гань* у на теорию музыки. Трактат *Юэ цзи* («Записки о музыке», 19-ая глава из канонического текста *Ли цзи*, «Записки о ритуале»), об авторстве которого до сих пор ведутся дискуссии – его приписывают и Гунсунь Ни-цзы (V-III вв до н.э.), и Сюнь-цзы (313/290 до н. э. – после 238/215 до н. э.), отражает эстетические воззрения доциньской эпохи, а в основу музыки здесь полагается как раз процесс восприятия вещей. Сам текст открывается словами:

«Исток всех звуков (音 *инь*) – в сердце-сознании человека. Человеческое сознание движется, так на него влияют вещи. Воспринимает вещи и приходит в движение, поэтому оформляется в голосе (聲 *шэн*).¹ Голоса взаимно откликаются, поэтому рождаются изменения (вариации – *О.Б.-О.*). Звук (*инь*) называют [в соответствии с] законом доведенные до конца вариации. Настроенные звуки (*инь*) и сыгранные, [сопровождаясь плясками] со щитами, боевыми топорами, фазаньими перьями и бычачьими хвостами, – называют музыкой. Музыка – это то, откуда рождается звук. Ее основа в восприятии вещей человеческим сознанием» [5, Цз. 36, с. 16–26].

¹ Стоит отметить принципиальное различие двух иероглифов, переводимых на русский язык одним словом «звук». Инь (音), рождается в сознании. После соприкосновения с вещами и появления движения возникают шэн 聲, которые, перекликаясь, порождают изменения. Изменения, завершённые по установленным правилам (ритмики), – это инь.

Из текста следует, что основа музыки находится в сознании человека, представляя собой результат неизбежного соприкосновения сознания с вещами, о чем упоминает и Сыма Цянь, явно придерживаясь уже установленной традиции в своём «Трактате о музыке», цитируя то «Записки о музыке», то «Записки об обрядах»:

«Все мелодии возникают, рождаясь в сердце человека, а движения человеческого сердца порождаются внешними предметами [окружающего мира]» [2, с. 73].

Примечательно, что музыка, рассматриваемая здесь, должна была противодействовать страстям (防欲 *фан юй*), а ни в коем случае не наоборот. Ещё Конфуций наставлял своих учеников: «Начни подъём духа с “Книги песен”, осуществляй становление при помощи “Записей ритуала”, и заверши свое становление “Книгой музыки”» [7, т. II, с. 259]. Музыка приводится в ряду составляющих обрядового действия, а также соотносится с одним из этапов становления благородного мужа, на котором отвергаются общечеловеческие страсти. От неправильной музыки погибали даже государства.¹

В тексте «Записок о музыке», как и в предисловии Чжу Си к «Канону песен», подчеркивается, что изначальной человеческой природе присущ покой, а страсти и чувства появляются уже после взаимодействия с вещами.

«Если внутри любовь и ненависть ничем не ограничиваются, а познание направлено только на внешние вещи, то Небесный принцип (天理 *тянь ли*) угасает» [5, Цз. 36, с. 66].

Человеческая природа подвержена влиянию всевозможных страстей-юй, но благородный муж способен путем духовных практик и целенаправленного самосовершенствования перерасти их и вернуться к изначальному состоянию: «Цзюнь-цзы переворачивает (反 *фань*) чувства-цин посредством приведения своей воли в гармонию» [5, с. 136]. Задача мыслящего субъекта сводится к «выправлению сознания», и только когда оно будет выправлено, вещи и чувства не смогут пагубно влиять на него, появится возможность вернуться к «Небесной природе». Сыма Цянь заключает так:

«Ведь обряды и ритуал входят в нас извне, а музыка рождается внутри нас. Поэтому совершенный муж ни на мгновение не разлучается с обрядами, а если хоть на мгновение отстранится от них, то распущенные и дикие поступки истощат его извне; ему нельзя также ни на мгновение расстаться с музыкой, а если он хоть на мгновение отойдёт от неё, то гнусные и непристойные поступки истощат его изнутри. Вот почему с помощью музыкальных мелодий совершенный муж и воспитывает справедливость» [2, с. 95].

Поскольку считалось, что основа музыкальных композиций – в сознании человека, то любые личные чувства, которые возникают в нём вследствие восприятия вещей, повлияют на музыку и отклонят её в ту или иную сторону, поскольку не относятся к изначальной природе человека (非性 *фэй син*):

¹ Когда сила-дэ династии (и её отдельного представителя в лице государя или последних государей) исчерпывалась, музыка тоже портилась и превращалась в средство для увеселения и распутства, а не для управления народом, его сплочения и наставления. Смут в таких случаях не избежать, и династия скоро оказывалась повержена, а новый правитель, в свою очередь, исправлял музыку и ритуалы, символизируя тем самым начало нового «правильного» правления.

«Именно поэтому, когда их (вещи) воспринимают с печалью в сердце, то голос тихий и саднящий. Когда с радостью – то широкий и мягкий. Когда с весельем – то резкий и раскатистый. Когда с гневом – то грубый и жёсткий. Когда с почитательностью – то ясный и умеренный. Когда с любовью – то гармоничный и нежный. Эти шесть [чувств] – не свойственны изначальной Природе, [она] воспринимает вещи и затем приходит в движение. Именно поэтому прежние правители с осторожностью относились к тому, что воспринимают» [5, Цз. 36, с. 26].

Музыка как одно из гармонизирующих общество начал не зарождалась вне человека, но при этом требовала от него освободиться от всего собственно человеческого – ложного, наносного, не изначального и приобретенного из мира внешнего – будь то «вещи» материальные или умозрительные, как чувства. В приведенном фрагменте содержится перечисление шести основных человеческих эмоций, возникающих из-за размышлений о «внешнем». Но в ритуале, где музыка была обязательной компонентой, не должно быть привнесений личностного, он может воплотить только «волю» (*чжи*), которая не личностна, а общественна (*гун*). В связи с этим говорится, что древние правители были осторожны в восприятии вещей – это очевидно коррелирует с рассмотренными в предыдущем разделе положениями о том, что совершенномудрые привносят порядок в государство, освобождаясь от власти страстей и чувств, хотя и обладают индивидуальным сознанием, как обычные люди. Вот почему любое отклонение от этой тончайшей «золотой середины» было грозным предвестием грядущего хаоса и несчастий, ведь если музыка поработана чувственностью, то таков правитель и его двор. Процесс «упорядочивания» (*чжи*) не сможет быть осуществлен, нравы развратятся, начнутся смуты и волнения, которые приведут страну к неизбежной гибели.

1.2. Поэтическое творчество, как уже отмечалось, также считалось результатом восприятия сознанием вещей. Как эта теория применялась к канонической поэзии *Ши цзина*, мы уже говорили выше, поэтому теперь логично обратиться к более поздним примерам. В ходе развития литературной мысли поэзия постепенно обретала и светскую направленность, что обусловило появление различных точек зрения на характер «восприятия вещей» и роль составляющих процесса. Ко времени эпохи Шести династий (220–589) уже можно наблюдать активное осмысление и интерпретирование концепции *гань* у литераторами и литературными критиками. Так, влиятельный теоретик литературы Лю Се (466?–522?), автор знаменитого трактата *Вэнь синь дяо лун* (文心雕龍 «Резной дракон литературной мысли»), не раз обращался к ней, причем писал о необходимости и *вещи*, и *чувства* («чувство создается с помощью вещи, а вещь созерцается с помощью чувства») [7, с. 81].

В творчестве Лю Се переплелись тенденции, характерные для интеллектуальной среды эпохи Шести династий – с одной стороны, продолжающие существовать конфуцианские морально-этические идеалы, а также авторитет канонических текстов, а с другой – зарождающаяся свобода индивидуального творчества и выбора личной религии (буддизм, даосизм) вне службы. В такой ситуации Лю Се предпринял попытку найти некий компромиссный вариант литературной теории, которая позволила бы ему остаться в рамках авторитетной конфуцианской традиции, но при этом привнести новые элементы, которые, если вдуматься в их глубокий философский смысл,

этой строгой традиции не совсем соответствовали. В этой связи противоречивость многих суждений автора уже отмечалась в современной исследовательской литературе [6, с. 585]. Сам критик в заключительной главе так написал о собственном труде:

«В работе есть то, что схоже с речами предшественников, но я не просто так повторяю чужие слова, а их сила не позволила мне не согласиться. Есть и такое, что не схоже с суждениями предшественников, но это не произвольно выдвинутые оригинальности, а принцип не позволил мне написать согласное с ними. Я не пренебрегал ни старым, ни новым, детальнейшим образом анализировал и только старательно работал над компромиссом» [7, с. 535–536].

Большое влияние на развитие литературной мысли Китая оказало произведение Цао Пи (曹丕, 187–226) *Лунь вэнь* («Рассуждение об изящном слове») и, в частности, высказанная там мысль: «Стихи и оды требуют украшенности» – *ши фу юй ли* 詩賦欲麗. И это не в последнюю очередь обусловило то, что поэтические произведения того времени и времени, когда жил Лю Се, нередко были перегружены сложной лексикой, сложной композицией и длинными определениями и описаниями, в которых упражнялись скорее в угоду модной тенденции. Лю Се был противником шаблонного украшения и окрестил всё это «поклонением безвольной болтовне», полагая, что такой поэзии недостаёт глубокого смысла и она «теряется в поверхностности» [7, с. 49]. С этим и было, как нам кажется, связано стремление Лю Се как литературного теоретика и критика глубоко проанализировать основные исторические, философские и психологические аспекты литературного творчества. А как, безусловно, талантливый человек, принадлежащий своей эпохе и впитавший её дух, он сделал это, свободно привлекая различные взгляды, концепции и учения.

Одну из важнейших в трактате глав «Прояснение стихов» (*Мин ши*) Лю Се начинает в соответствии с китайской традицией, открывая её цитированием авторитетных источников («Канон документов», «Большое предисловие к Ши [цзину]», «Лунь юй») и размышляет, в целом, не выходя за рамки установившейся традиции:

«Великий Шунь говорил: “Стихи говорят о воле (*чжи*), песни продолжают речи”. То, что излагал совершенномудрый [в каноне], уже прояснено. Именно поэтому “то, что в сердце является волей, излагаясь в словах, становится стихами”. Излагая словами выражать действительность, в этом их смысл! Стихи – это “опора”, они удерживают в равновесии чувства и [изначальную] природу человека. [Если] кратко определить все триста песен [*Ши цзина*], то смысл сведётся к [тому, что они] “без изъяна”. Это так согласуется с тем, чтобы понимать их в качестве “опоры”!» [7, с. 48].

В этом фрагменте Лю Се признаёт, что в стихах говорится о «воле» (о которой кратко чуть ниже), т. е. то, что обычно говорится о канонической поэзии, представленной в *Ши цзине*. Однако труд Лю Се посвящён не только и не столько поэзии такого рода, ведь он осмысляет литературное творчество в целом, которое по большей части создается отнюдь не совершенномудрыми, а обычными людьми. А творчество последних неотделимо от чувств и эмоций, под влиянием которых большинство и сочиняет поэтические произведения. С этого момента критик привлекает теорию о восприятии вещей:

«Человек наделён семью чувствами. Он откликается на вещи, и тогда воспринимает [их]. Воспринимает вещи и это выражается в декламации воли. Нет ничего естественнее этого!» (Там же)

Здесь следует отметить один немаловажный факт – несмотря на то, что Лю Се внешне соглашается с «декламацией воли» как определением стихов (внешне не противореча этой мысли из «Большого предисловия к Ши [цзину]»), одновременно он придаёт огромное значение «чувствам» (*цин*) как неотъемлемому фактору поэтического творчества. По его мысли, окружающий мир будит в человеке разные эмоции, и именно они, при наличии таланта и знаний, могут быть облечены в прекрасное поэтическое произведение (гл. *Цин цай*, «Чувства и красота словес»). Лю Се полагал, что каноническое собрание *Ши цзин* отличается от более поздней поэзии именно искренностью чувств и непосредственностью их выражения: «Древние люди, чтобы [выразить] чувства творили произведения, а [позднее] литераторы, чтобы написать произведение, создавали чувства» [7, с. 347]. Однако если говорить с точки зрения конфуцианской философии и канона, любая поэзия, основанная на человеческих чувствах, будет неизбежно замутнена их «нев्यправленностью» и чрезмерностью. Так, Чжу Си в предисловии к «Канону песен» ясно высказывает своё мнение по этому поводу:

«Все стихи, которые называются “Фэн” (“Нравы”, 1-ый раздел канона – *О. Б.-О.*) во множестве своём происходят из деревенских и переулочных народных песен – это то, что называется песнями-переключками между мужчинами и женщинами. Каждая из них говорит об их чувствах (*цин*). Только в *Чжоу нань* и *Шао нань*¹ благая сила *дэ* доведена до совершенства, непосредственно оказавшись под воздействием преобразований Вэнь-вана. И все люди посредством этого обрели выправленность (*чжэн*) [изначальной человеческой] природы и чувств (*цин*). Поэтому проявления их чувств в словах “веселят, но не [заставляют вас] перейти границы; печалют, но не наносят [вам] ран”. Именно поэтому единственно первые две части в разделе *Фэн* составляют “выправленный канон”» [8, Сюй (Предисловие), с. 2а–2б].

Про остальные части раздела *Фэн* Чжу Си говорит, что они записаны «в царствах, где были смуты и хаос, где мудрость и глупость людей также была разной и в том, что они воспринимали [сердцем-сознанием] и облекали [в слова] не было уравновешенности между ущербным и выправленным, истинным и ложным» [8, с. 2б]. Как видно из приведённых рассуждений, «чувства» в подавляющем большинстве песен, содержащихся в *Ши цзине*, с точки зрения неоконфуцианского философа, не пример для подражания и дело вовсе не в их неискренности, а в том, что они чаще всего не были выдержанны, порождены беспорядочной работой сознания. Последнее, можно предположить, привносит свободу и красоту в поэзию как таковую, однако конфуцианская философия во главу угла ставила отнюдь не эти качества.

Здесь следует упомянуть знаменитую фразу из «Большого предисловия к Ши [цзину]» *ши янь чжи* – «стихи говорят о воле», не раз привлекавшую внимание исследователей [См. подробнее 9, с. 28–35; 10, с. 132–145]. Воля (*чжи*), по мысли конфуцианцев, была основным, что должны передавать и распространять стихи. Естественно, в первую очередь имелась в виду каноническая поэзия из «Канона песен»,

¹ Две первые части раздела «Фэн» в *Ши цзине*.

однако поначалу о других видах поэзии речь и не шла. О них заговорили намного позже, когда само представление о сакральной функции поэтических произведений стало в повседневной жизни уступать место важности индивидуального творчества, не имеющего целью «говорить о воле», а скорее наоборот.

Воля-*чжи* (также «стремление» или «стремиться»), о которой идет речь, в подавляющем большинстве случаев не являлась выражением личных чувств или эмоций. Если *чжи* и можно перевести «чувством» или «стремлением», то только возвышенным и общественным (*зун*), направленным на других людей или на высшие моральные идеалы. Судя по содержащимся в *Лунь юе* высказываниям Конфуция, он понимал это либо как должную установку сознания, например, на обеспечение покоя старшим или доверия между друзьями (V-26; XI-26). Либо как характеристику служилого человека-*ши*, достойного мужа, который волевым усилием направил свое сознание на поиск Дао-пути и морального совершенства, гуманности, но ещё не достиг его (IV-9; VII-6; XV-8). В этой связи закономерна «дидактико-прагматическая» [9, с. 28–35] функция поэтических произведений *Ши цзина*, распространяющих гармонию в обществе, воспитывающих нравы простых людей и наставляющих правителя посредством исторических примеров, порицаний и восхвалений.

Однако чувства-*цин* в истории конфуцианской философии этой «воле» как раз противопоставлялись. Они оценивались по-разному, но основными можно назвать два варианта – чувства как вторичный элемент (по отношению к изначальной человеческой природе-*син*) у Сюнь-цзы, и равноположенный природе у Дун Чжуншу и в немного измененном виде у Лю Сяна. В конечном счёте, возобладавшей можно считать первую позицию, разумеется, уже в неоконфуцианской редакции. И танский мыслитель Хань Юй [11, Цз. 11, с. 4а], и позднее Чжу Си полагали, что изначальная природа-*син* это то, что даётся от рождения, а чувства-*цин* – то, что возникает после «соприкосновения с вещами», по Чжу Си – это «деятельное проявление индивидуальной природы» [12, с. 262–266]. Многообразие и непостоянство чувств отличают всех людей от совершенномудрых, и Лю Се, взявшийся проанализировать и в какой-то мере оправдать в первую очередь творчество «земное», привносит необходимые для этого элементы в уже имеющуюся систему и, в целом, признает эмоции как неотъемлемую составляющую поэзии. В подтверждение этого можно привести одно из рассуждений, содержащееся в главе *Цюань фу* («Истинная суть фу»):

«Смысл [фразы] “подняться высоко и сочинить оду” в том, что увиденные вещи создают чувства. Чувство с помощью вещи появляются, поэтому смысл [произведения] непременно светел и тонок. Вещь с помощью чувств созерцается, и поэтому слова подбираются мастерски и изящно» [7, с. 81].

Лю Се отдаёт дань традиционному пониманию канонической поэзии, способу её создания и функционирования, но этим и проводит границу между ней и поэзией. «Нет ценности в наставлениях, нет пользы в предостережениях» [Там же]. Задаваясь вопросами о природе творчества, критик не смог принять подход, согласно которому поэзия была бы ценна только своей общественной ролью, где неуместны чувства, лирика и вдохновенный творческий порыв.

Как мы стремились показать выше, в рамках своей литературной теории Лю Се удалось многосторонне проанализировать творческий литературный процесс и закрепить чувства-цин в качестве одного из самых базовых его элементов. Хотя не он первый заговорил об этом (например, в произведении Лу Цзи «Ода изящному слову» уже высказывалась подобная мысль), именно в труде Лю Се содержится глубокое теоретическое обоснование такого подхода. Взятую им за основу традиционную теорию возникновения стихов (т. е. если шире – концепцию восприятия вещей), критик дополнил соответственно собственным на это воззрениям. И, несмотря на то, что «вещь» сохраняла свою изначальную позицию предмета, возбуждающего чувство (т. е., по сути, дающего ему рождение, нет вещи – нет чувства) акцент был сделан на том, что ценность этой вещи заключается в том, что она может быть описана и выражена посредством чувств.

В дальнейшем литературные критики и поэты, затрагивавшие в своем творчестве теоретические проблемы литературы и в частности поэзии, также не раз упоминали об обстоятельствах зарождения стихотворных произведений, но это уже стало скорее обязательной и стандартной частью, чем отдельным предметом для размышления. При этом чувства-цин твердо закрепились во всех вариантах такого анализа и к первоначальным конфуцианским взглядам на поэзию авторы возвращались лишь тогда, когда намеренно хотели подчеркнуть принадлежность старой традиции. Обычно выделялось две стороны – внешняя, где происходит столкновение с «вещами», и внутренняя, где по этому поводу начинают подниматься чувства. Отличия в позднейших рассуждениях на эти темы можно найти в статусе вещи (подчиненном или подчиняющем по отношению к человеческому сознанию) и трактовке функции чувств и степени их важности. Приведем несколько примеров.

Так, по-другому представлен процесс взаимодействия с внешним миром у литературного критика Чжун Жуна (鍾榮 468–518). Во введении к своему главному труду «Категории стихов» он пишет: «Энергия-ци движет вещи, вещи соприкасаются с человеком, поэтому природа и чувства колеблются и волнуются. Это проявляется в танцах и пении» [13, Цз. 1, с. 1а]. Чжун Жун также, как это сделано в «Записках о музыке», поменял местами того, *кто* воспринимает, и то, *что* воспринимают, указав на приоритетное положение внешних вещей, колеблющих природу человека и создающих чувства. Такой взгляд встречается и в других памятниках (хотя безотносительно литературы), например, в главе *Ю ду* («Имея меру») в тексте «Люйши чуньцю» («Вёсны и осени господина Люя»): «Прежние ваны не могли знать всего, поэтому придерживались одного, а все существующее приводилось в порядок как бы само собой. Если человеку не удастся держаться единого, причиной тому – смущение вещами-событиями» [14, с. 408]. Он иллюстрирует характерное для Китая понимание «внешних вещей» как основной причины нарушения покоя в сознании человека. Чжун Жун смог удачнее уклониться от конфуцианского взгляда на поэзию, чем Лю Се, не пытаясь трактовать стихотворчество в духе почитаемой традиции. *Гань у* в его понимании это то, что объединяет человека с космосом, это не просто реакция на внешние объекты, это и есть космический ритм, становящийся осязаемым в танцах и пении. Такой подход ярче и смелее подчеркивал свободу и естественность сочинения

стихов. Кроме того, «Предисловие» может послужить примером, где процесс «соприкосновения с вещами» выходит за рамки восприятия материальных объектов, на подобии луны или осенних листьев. Здесь слово «вещь» однозначно употребляется в широком смысле, близком к «событию», «случаю». Во-первых, это придавало ей процессуальный характер, а, во-вторых, давало возможность подвести под это примеры различных ситуаций общественной жизни [15, с. 343–344].

В этом контексте можно упомянуть, что один из величайших поэтов эпохи Тан (618–907) Бо Цзюй-и (772–846) напрямую сделал упор на активности процесса восприятия, заменив иероглиф «вещь»-у на «события»/«дела»-ши: «Всякий человек воспринимает *события* и непременно приводит в движение чувства. После этого возникают восклицания и вздохи, распространяются напевы и декламация и осуществляются стихи и песни» [16, с. 24а–24б]. Сама по себе такая замена не была редкостью, однако Бо Цзюй-и, будучи приверженцем течения *фузу* и почитателем древних традиций и ритуала [17, с. 661–662], вероятнее всего, выбрал иероглиф «событие» (тж. «дело») не случайно. Поэт придерживался мнения, что для управления государством нужно изучать настроения (букв. чувства) верхов и низов, а для этого необходимо возродить старинный обычай сбора стихов и песен – их необходимо анализировать [16, с. 24б]. *Гань ши* – выражение, свойственное социально-политическому дискурсу ханьского времени, подчёркивало взаимосвязь дел земных и небесных – например, связь недобродетельного управления государством и природных бедствий как кары за это (ярчайший пример – концепция *гань ин* «стимула и реакции/отклика» Дун Чжун-шу). Стихи, в этом контексте, приобретали особое значение, так как могли вовремя предостеречь правителя и помочь ему исправить положение, на чем настаивал Бо Цзюй-и и с чем связан сделанный им акцент на «делах».

Сунский поэт Ли Чжун-мэн (李仲蒙), оперируя только парой понятий «вещь» и «чувство», определил три литературных приёма *Ши цзина*, выдвинутых в *Ши да сюй*: «Описывать вещи, говоря о чувствах – называется *фу*; вещи и чувства исчерпываются до предела. Доискиваться о вещах, опираясь на чувства – называется *би*; чувства прикладываются к (помогают понять – *О.Б.-О.*) вещи. Соприкасаться с вещами, поднимая чувства – называется *син*; вещи приводят в движение чувства» [18, Цз. 3, с. 3а–3б].

Впоследствии данное определение трех приемов стало признаваться одним из самых удачных [30, с. 201]. Для нас же этот фрагмент важен тем, что он хорошо иллюстрирует отточившуюся к тому времени в китайской литературной теории диалектику вещи и чувства – поэзия стала пониматься как неделимый синтез этих двух составляющих.

Завершим этот обзор, приведя размышления другого значительного южносунского поэта и мыслителя Ян Вань-ли (楊萬里, 1127–1206). Идеи Яна, в основном, разбросаны по письмам, отзывам и предисловиям к поэтическим сборникам, однако их влияние на сунскую и позднейшую китайскую поэзию сложно переоценить. Среди теоретических проблем, интересовавших поэта, были проблемы природы стихов и принципов взаимодействия сознания человека с внешними объектами – что из этого важнее для творчества? *В этой связи краеугольным понятием поэтической теории Ян Вань-ли стало «вдохновение», т. е. самые лучшие стихи должны рождаться сами*

собой, непреднамеренно и просто. «Вначале у меня не было мысли создать стихотворение. Но тут вот эта вещь или вот это событие неожиданно затронули меня, и мои мысли тоже неожиданно коснулись этой вещи или этого события... Затрагивают, и [оно] рождается из этого, касаюсь, и [оно] следует из этого, затем стихи рождаются в этом. Как же мне это назвать? Небеса! Да это же называется вдохновением!» [19, с. 25]. Стихи, по Ян Вань-ли, безусловно, итог соприкосновения с вещами, итог восприятия сознанием неких вещей, но он перенес акцент на важность сознания, что отличает направление сунской литературной мысли от предшествующей. Мир очень многообразен, однако наполняющие его «вещи», по однозначному заявлению Ян Вань-ли, «не могут подчинить меня, но подчиняются мне» [19, с. 26]. Хотя без них поэзия и невозможна, творцом своих произведений остается поэт, и в его власти написать просто и искренне, вещи же представляют собой материал.

Таким образом, обогащенная новыми элементами и невероятным количеством прочтений, концепция восприятия и соприкосновения с вещами оказалась включена в широчайшее поле китайской теории литературы. Здесь можно выделить несколько этапов или, точнее, несколько способов её интерпретации. На раннем этапе влияние конфуцианской философии и понятийного аппарата выявляется без труда, однако постепенно пути канонической литературы и «изящной словесности» расходятся все очевиднее. Поэзия, первоначально понимавшаяся как слово, лишённое личных человеческих чувств и гармонизирующее Поднебесную, в период с III по VI вв. выходит за эти рамки. К концепции *гань у*, т. е. процессу зарождения стихов, тоже добавляются новые элементы или переосмысляются старые: так природа и назначение человеческих чувств стали пониматься как неотъемлемая часть поэтического творчества, вытеснив с этого места «волю». Взаимодействие двух параллельно существующих миров – внутреннего (чувства-цин) и внешнего (вещи-у) на века станет предметом содержательных дискуссий между поэтами и литературными теоретиками. Контекст использования теории «восприятия вещей» менялся постоянно в зависимости от убеждений авторов. Восприятие вещей, восприятие дел-событий, стимул и реакция/восприятие-ответный отклик, соприкосновение с вещами и взаимодействие с ними – все эти аспекты одной концепции *гань у* были активно задействованы в длительном процессе осмысления особенностей поэтического творчества.

1.3. Ко времени династии Сун конфуцианские философы, переключившиеся с исследований «внешнего» на познание «внутреннего», в первую очередь занялись проблемой человеческого сознания. Если рассматривать вопрос в данном ключе, то столкновение сознания с внешним миром, с вещами, будящими в нем беспокойство и желания, представлялся крайне нежелательным и даже губительным. Отсюда у основателя неоконфуцианства Чжоу Дунь-и и его последователей первостепенное значение приобретает достижение состояния «покоя» и отсутствия желаний: «Единство состоит в отсутствии желаний. Если нет желаний, то в покое будешь пуст, в движении будешь прям. Если в покое будешь пуст, то будешь просветлен. Если будешь просветлен, то будешь проникновенен. Если в движении будешь прям, то будешь справедлив» [20, с. 258, 259].

Человеческое сознание, которое посредством практик самосовершенствования необходимо возвращать в идеальное состояние, меньше всего должно было соприкасаться с внешним миром и подвергаться его разрушительному воздействию. Осознание внешнего мира даже «воспринималось как помеха на пути преобразования “благородного мужа”» [21, с. 80]. Поэтому для неоконфуцианцев если поэзия и была важна, то именно каноническая, где чувства-*цин* обретают выправленность-*чжэн*, благодаря выправленному состоянию сознания человека.

Что же касается неоконфуцианского взгляда на сам процесс восприятия вещей и взаимодействия с ними, то на этот счет наиболее подробное объяснение находим в беседах Чжу Си с учениками. По его мнению, этот процесс носит двусторонний характер потому, что в мире всё соприкасается и откликается. За счет этого философия Чжу-цзы не настаивала на отторжении окружающего мира. Неоконфуцианцы, позаимствовавшие понятийный аппарат в том числе из «Канона перемен», трактовали *гань* у в соответствии с этим текстом и подчеркивали упомянутую двусторонность, вернув в активное использование термины «*гань ин*» (восприятие и отклик на него), «*гань тун*» (восприятие и проникновение) и «*цзяо гань*» («взаимное восприятие/соприкосновение»). Вместе с тем, вслед за братьями Чэн, Чжу Си уделял огромное внимание разработке понятия принципа-*ли*, что отразилось на видении концепции *гань* у. Основные составляющие – «восприятие/соприкосновение» и «ответная реакция» – объединялись в этом едином принципе-*ли*:

«Что до места “восприятия и проникновения”, то природа вся насквозь пронизана взаимными откликами. Что я сам приду в движение и буду соприкасаться с вещами, что само внешнее придет и будет соприкасаться со мной – всё суть единый принцип» [22, Цз. 136, с. 16а–16б].

Библиографические сокращения

СКЦШ – Сыку цюаньшу (四庫全書 Полное собрание книг четырех хранилищ), Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.

Список использованных источников и литературы

1. Ткаченко Г.А. Избранные труды. Китайская космология и антропология. М.: ООО «РАО Говорящая книга», 2008. – 362+xxix с.
Tkachenko G.A. Izbrannye trudy. Kitaïskaia kosmologiiia antropologiiia [Selected works. Chinese cosmology and anthropology]. М.: ООО “RAO Govoriashchaia kniga”, 2008. – 362+xxix p.
2. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). В 9 тт., Т. IV. М.: Наука, 1986. – 454 с.
Syma Tsian'. Istoricheskie zapiski (Shi tszi) [The Records of the Grand Historian/Scribe's records (Shi ji)]: in 9 vol. Vol. IV. М.: Nauka, 1986. – 454 p.
3. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. III. Литература. Язык и письменность. М.: Восточная литература, 2008. – 855 с.
Dukhovnaia kul'tura Kitaia: èntsiklopediia [China's Spiritual Culture: encyclopedia: in 5 vol]. Vol. III. Literatura. Iazyk i pis'mennost' [Literature, language and writing]. М.: Vostochnaia literatura, 2008. – 855 p.
4. Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь Юй». В 2 т. Т. II. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. – 384 с.
Martynov A.S. Konfutsianstvo. “Lun' Iuï” : V 2 t. [Confucianism: “Lun yu”]: in 2 vol. Vol. II. St.-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. – 384 p.
5. Юэ цзи цзуань янь 樂記纂言 (Узорчатые слова о «Записках о музыке»). Сост. У Чэн 吳澄// СКЦШ, раздел Цзин («Каноны»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.

Yue ji zuan yan 樂記纂言 [Plaited words about "The Record of Music"]. Comp. by Wu Cheng 吳澄. In SKQS, part Jing ("Canons"). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.

6. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. III: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220-907). М.: Наука, 2014. – 991 с.

Istoriia Kitaia s drevneishikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. [History of China Since the Most Ancient Times Till the beg. of XXI Cent.: in 10 vol.] Vol. III: Troetsarstvie, Tszin', Iuzhnye i Severnye dinastii, Sui, Tan (220-907) [Three Kingdoms, Jin dynasty, Northern and Southern dynasties, Tang dynasty (220-907)]. M.: Nauka, 2014. – 991 p.

7. Вэньсинь дяолун чжуши 文心雕龍注釋 (Резной дракон литературной мысли с переводом и комментариями). Комментарии и перевод Чжоу Чжэнь-фу 周振甫. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1981. – 542 с.

Wenxin diaolong zhushi 文心雕龍注釋 ["The Mind of Literature and Carving Dragons" with commented translation]. Commentaries and translation by Zhou Zhenfu 周振甫. Beijing: Renmin wenxue chubanshe, 1981. – 542 p.

8. Ши цзин цзи чжуань 詩經集傳 («Канон песен» с развернутыми комментариями). Сост. Чжу Си 朱熹 // СКЦШ, раздел Цзин («Канон»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.

Shi jing ji zhuan 詩經集傳 (Combined commentary on the "[Classic of] Songs"). Comp. by Zhu Xi 朱熹. In SKQS, part Jing ("Canons"). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.

9. Кравцова М.Е. Вэнь и начало формирования китайской поэзии // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Т. III. Литература. Язык и письменность. М.: Восточная литература, 2008. – С. 28-35.

Kravtsova M.E. Ven' i nachalo formirovaniia kitaiskoi poezii [Wen and the beginning of formation of Chinese poetry]. In Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia v 5 t [China's Spiritual Culture: encyclopedia: in 5 vol] Vol. III. Literatura. Iazyk i pis'mennost' [Literature, language and writing]. M.: Vostochnaia literatura, 2008. p. 28-35.

10. Гольгина К.И. Традиционная литературная теория // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. III. Литература. Язык и письменность. М.: Восточная литература, 2008. – С. 132-145.

Golygina K.I. Traditsionnaia literaturnaia teoriia [Traditional theory of literature]. In Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia [China's Spiritual Culture: encyclopedia: in 5 vol]. Vol. III. Literatura. Iazyk i pis'mennost' [Literature, language and writing]. M.: Vostochnaia literatura, 2008. p. 132-145.

11. Хань юй 韓愈. Юань син 原性 (Исследование индивидуальной природы [человека]) // Чжу Вэнь-гун цзяо Чан-ли сяньшэн вэнь цзи 朱文公校昌黎先生文集 (Собрание сочинений наставника Чан-ли, отредактированное Чжу Вэнь-гуном) // Сыбу цункань, раздел Цзи («Собрания»). Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1919.

Han Yu 韓愈. Yuan xing 原性 [Sourcing human nature]. In Zhu Wengong jiao Changli xiansheng wenji 朱文公校昌黎先生文集 [Collected works of master Changli edited by Zhu Wengong]. In Si bu cong kan, part Ji ("Collections"). Shanghai: Shang wu yin shu guan, 1919.

12. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература, 2002. – 606 с.

Kobzev A.I. Filosofiiia kitaiskogo neokonfutsianstva [Philosophy of Chinese Neoconfucianism]. M.: Vostochnaia literatura, 2002. – 606 p.

13. Чжун Жун 鍾嶸. Ши пинь 詩評 (Категории стихов) // Сыбу бэйяо, раздел Цзи («Собрания»). Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1936.

Zhong Rong 鍾嶸. Shi pin 詩評 (Review of poetry). In Si bu bei yao, part Ji ("Collections"). Shanghai: Zhonghua shuju, 1936.

14. Люйши чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Пер. Г.А. Ткаченко. М.: Мысль, 2010. – 525 с.

Liuishi chun'tsiu (Vesny i oseni gospodina Liuia) [The Lüshi chunqiu ("Spring and Autumn of Master Lü")]. Perevod s kitaiskogo G.A. Tkachenko [Translated by G.A. Tkachenko]. Moscow: Mysl', 2010. – 525 p.

15. Лю Вэнь-юн 劉文勇. Сянь Цинь лян Хань Вэй Цзинь Наньбэй чао вэньлунь цзяншу 先秦兩漢魏晉南北朝文論講疏 (Разъяснение литературной критики до-циньского периода, эпох двух Хань, Вэй, Цзинь и периода Южных и Северных династий). Чэнду: Ба Шу шушэ, 2011. – 355 с.

Liu Wenyong 劉文勇. Xian Qin liang Han Wei Jin Nan Bei chao wen lun jiang shu 先秦兩漢魏晉南北朝文論講疏 [About literary critics: from Pre-Qin, Two Han, Wei, Jin to Nanbei dynasties]. Chendu: Ba Shu shu she, 2011. – 355 p.

16. Бо Цзюй-и 白居易. Бо-ши вэнь цзи 白氏文集 (Собрание сочинений господина Бо) // Сыбу цункань, раздел Цзи («Собрания»). Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1919.

Bo Juyi 白居易. Bo-shi wenji 白氏文集 [Collected works of Bo Juyi]. In Si bu cong kan, part "Collections". Shanghai: Shang wu yin shu guan, 1919.

17. Сторожук А.Г. Бо Цзюй-и, Юань Чжэнь и «новые юэфу» // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. III: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220-907). М.: Наука, 2014. – С. 661-664.

Storozhuk A.G. Bo Tszui-i, Iuan' Chzhèn' i "novye iuefu" [Bo Juyi, Yuan Zhen and "new yuefu"]. Istoriiia Kitaia s drevneishikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. [History of China Since the Most Ancient Times Till the beg. of XXI Cent.: in 10 vol.]. Vol. III: Troetsarstvie, Tszin', Iuzhnye i Severnye dinastii, Suī, Tan (220-907) [Three Kingdoms, Jin dynasty, Northern and Southern dynasties, Tang dynasty (220-907)]. M.: Nauka, 2014. – P. 661-664.

18. Ван Ин-линь 王應麟. Кусюэ цзивэнь 困學紀聞(Заметки о трудностях обучения) // СКЦШ, раздел Цзы («Мудрецы»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.

Wang Yinglin 王應麟. Kunxue jiwén 困學紀聞 [All About Difficulties in Learning]. In SKQS, part Zi ("Masters"). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.

19. Сун Бан-чжэнь 宋邦珍. «Цзяншань ци уи, яо во ми синьши» Ян Вань-ли шисюэ лилунь таньтао 江山豈無意、邀我覓新詩—楊萬里詩學理論探討(«Реки и горы, о, неожиданно, призвали меня на поиски новых стихов!») – Исследование поэтической теории Ян Вань-ли // Датун дасюэ тунши цзяоюй сюэбао 大同大學通識教育學報. Вып. 3. Тайбэй. 2007. – С. 19-36

Song Bangzhen 宋邦珍. "Jiang shan qi wuyi, yao wo mi xinshi"—Yang Wanli shixue lilun tantao. 江山豈無意、邀我覓新詩—楊萬里詩學理論探討 ["Rivers and mountains, oh, unexpectedly – called me to seek new poems" – An Exploration of Some Theoretical Issues in Yang Wanli's poetic theory]. In Datong daxue tongshi jiaoyu xuebao 大同大學通識教育學報. Vol. 3. Taipei. 2007, p. 19-36.

20. Чжоу Дуньи и ренессанс конфуцианской философии. М.: Издательство «Стилсервис», Институт Дальнего Востока РАН, исследовательское общество «Тайцзи», 2009. – 376 с.

Chzhou Dun'i i renessans konfutsianskoī filosofii [Zhou Dunyi and a renaissance of Confucian philosophy]. M.: Izdatel'stvo "Stilservis", Institut Dal'nego Vostoka RAN, issledovatel'skoe obshchestvo "Taitszi", 2009. – 376 p.

21. О сознании «Синь»: Из философского наследия Чжу Си / Пер. с кит. А.С. Мартынова; Грамм. очерк И.Т. Зограф. М.: Восточная литература, 2002. – 318 с.

O soznanii Sin': Iz filosofskogo nasledia Chzhu Si [About consciousness-xin: from Zhu Xi's written heritage]. Per. s kit. A.S. Martynova; Gram. ocherk I.T. Zograf [Translated by A.S. Martynov, grammatical revue I.T. Zograf]. M.: Vostochnaia literatura, 2002. – 318 p.

22. Чжу-цзы юй лэй 朱子語類 (Классифицированные беседы учителя Чжу [Си]) // СКЦШ, раздел Цзы («Мудрецы»). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1986.

Zhu-zi yu lei 朱子語類(Classified conversations of Master Zhu). Comp. by Zhu Xi 朱熹. In SKQS, part Zi ("Masters"). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1986.

Bonch-Osmolovskaya O.A. The "perception of external things" (感物 *gan wu*) concept in context of Chinese music and literary theories

This article is a continuation of the previously published article that focused on the investigation of the origins of the *gan wu* concept ("perception of things"). Now its role is analyzed in a wider context of Chinese literary and music theories. Poetry, originally understood in Confucianism as a word harmonizing the state, devoid of personal human feelings, gradually goes beyond this framework. I trace when and how new elements are added to the concept of *gan wu*, i.e. in this case, process of the poetry creation. Thus, human feelings start to be considered as an integral part of poetic creativity, displacing the "will" from this place. The interaction of two parallel worlds – the inner (feelings-*qing*) and the external (things-*wu*) has become a subject of interesting discussions between philosophers, poets and literary critics. The context of interpreting the theory of "perception of things" changed constantly depending on the authors' beliefs. Perception of things, perception of events, stimulus and reaction or perception and response, contact with things and interaction with them – all these aspects of one conception were actively involved in a long process of understanding the characteristics of poetic and musical creativity.

Keywords: *gan wu*, perception of things, Chinese philosophy, Confucianism, Neo-Confucianism, Shijing, Classic of Poetry, Chinese music theory, Chinese literary theory.

УДК 902/904 (477.75)

СЕЛЕНИЯ ЧЕМБАЛЬСКОГО КОНСУЛЬСТВА В XIV–XV ВВ. : МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Бочаров С. Г.¹, Неделькин Е. В.²

*¹Институт археологии Крыма РАН,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: sgbotcharov@mail.ru*

*²Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
Севастополь, Российская Федерация
E-mail: nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru*

В статье рассматриваются археологические источники, привлекаемые при историко-географических исследованиях границ одного из генуэзских владений на Крымском полуострове – консульства Чембальского в XIV–XV вв. Публикуется список из 18 средневековых селений и комплексов поселений, располагающихся в современной административной зоне города Севастополя, который наглядно демонстрирует уровень археологической изученности этих памятников. В целом сегодня мы находимся на начальном этапе их исследования, на большинстве объектов археологические раскопки не производились.

Ключевые слова: Золотая Орда, Византия, Генуэзская Газария, консульство Чембальское, сельская округа, историческая география, границы, селения, археологические памятники.

В современных исследованиях Золотой Орды всё более возрастает внимание к базовым основам организации систем жизнеобеспечения [67] и, в частности, к многочисленным вопросам, связанным с выявлением сельских округ больших и малых городов этого государства [6; 27; 30; 34; 54; 56]. В очерченной тематике города Крымского полуострова XIII–XV вв. и их сельские округа представляют особый интерес, что обусловлено пограничным расположением региона и пересечением на его земле исторических реалий византийского, золотоордынского и западноевропейского (латинского) миров.

Чембало – третий по величине генуэзский город на Крымском полуострове в XIV–XV вв. [1, с. 58–98; 2, с. 12–18; 5, с. 265]. Относительно максимального размера территории Чембальского консульства во второй половине XIV–XV вв. есть две основные точки зрения. Первая принадлежит Е. В. Неделькину. Автор активно развил предложенный ранее тезис В. П. Кирилко и В. Л. Мыца о маркировании пределов княжества Феодоро пограничными замками [25, с. 147], определив Загайтанское укрепление, Чоргунский (Бибиковский) исар, Сарджик, Камара (Аю-Кая Западная), Кала-Фатлар (Кучук-Мускомский исар), Карань, Кокия-Исар, Чоргунскую башню и укрепление XV в. в портовом районе Херсона как феодоритские. В итоге автор сузил границы консульства только до территории Балаклавской долины с селениями Нехора (Кады-Кой) и Карань (?) (Рис. 1) [35, рис. 2].

Второй взгляд на проблему принадлежит А. Л. Бертъе-Делагарду с позднейшими дополнениями В. Л. Мыца и С. Г. Бочарова. А. Л. Бертъе-Делагард относил к округе

Чембало селения Карань, Камара, Алсу, Варнутка, Кучук-Мускомья и точно не указанную «часть Байдарской долины». Границу между генуэзскими владениями на Южном берегу Крыма и консульством Чембальским автор проводит по «отрогу главной гряды гор, кончающемуся мысами Сарыч и Форос». В целом ученый воздержался от географического определения границ сельской территории Чембало [4, с. 19]. В. Л. Мыц, уточняя границу на юге, проводит её по горной гряде Чабан-Таш, разделяющей Ласпинскую долину и мыс Форос, а на севере – по р. Черной. При этом к селениям, указанным А. Л. Бертье-Делагардом, он добавляет Байдары, Биюк-Мускомью и Кайту (Хайто). Всего в сельской округе города В. Л. Мыц помещает девять селений [33, с. 149]. С. Г. Бочаров, в целом поддерживая территориальные рамки консульства, предложенные А. Л. Бертье-Делагардом и В. Л. Мыцом, ставит вопрос, на который пока нет ответа. Входила ли самая большая и плодородная Байдарская долина Горного Крыма в Чембальское консульство? Предложены три возможных варианта ответа на этот вопрос [7, с. 210]. Первый – вся долина с девятью селениями вошла в сельскую округу Чембало. Второй вариант – долина вообще не вошла в сельскую округу, и третий, как предположил А. Л. Бертье-Делагард, – «часть Байдарской долины» [4, с. 19] с уточнением В. Л. Мыца того, что вошла часть долины по левому берегу р. Черной [33, с. 149]. В итоге границы сельской округи Чембало в современной географической номенклатуре представлены таким образом: в нее входит вся территория Гераклейского полуострова с южной скальной частью побережья Севастопольской бухты, Чернореченская долина по левобережью реки, левобережье каньона р. Черной, часть Байдарской долины юго-западнее реки (или вся Байдарская долина), Байдарская яйла и скалы Чабан-Таш. Сельская округа города занимала территорию с северо-запада на юго-восток, протянувшуюся на 30 км от Севастопольской бухты до мыса Сарыч и вглубь полуострова от морского берега на 12–16 км (Рис. 2) [7, с. 210].

Этой статьёй авторы хотели бы дать научной дискуссии о границах консульства Чембальского еще одно направление развития и перевести её в область сбора и накопления фактов об отдельных объектах микрогеографии. Не вдаваясь в критику различных взглядов на размеры территории консульства и количество объектов его составляющих, мы рассмотрим теоретически возможное максимальное количество этих селений. Приводимый в статье список населённых пунктов, которые могли войти в сельскую округу генуэзского Чембало, составлен с двумя основными целями – определить степень изученности этих памятников на сегодняшний момент и стимулировать дальнейшие исследования по этой теме.

Позднесредневековое поселение в балке Бермана (земельный участок № 347) XIII–XV вв. Поселение располагалось в южной части Гераклейского полуострова (г. Севастополь), в части русла балки Бермана вблизи её устья, а также на прилегающих к ней участках склонов. Памятник многослойный. По мнению К. Э. Гриневича, в конце V в до н. э. херсонеситы возводят здесь усадьбу, которая погибла в конце IV – начале III вв. до н. э. На её месте был возведен укрепленный сельскохозяйственный комплекс с двух- или трехэтажной пирамидальной башней, имевшей внешнюю ограду. На территории комплекса открыты жилые и хозяйственные помещения, ви-

нодельни, мощные оборонительные стены, подземные пещерные сооружения, водопровод, колодцы и цистерны для хранения воды, межевые и плантажные стены эллинистического, римского и средневекового периодов. На месте более ранних запустевших жилых и хозяйственных построек комплекса в первой половине XIII – середине XV вв. функционировало открытое сельское поселение или христианский монастырь с пещерными сооружениями [13, с. 40–43; 18, с. 112].

Пригородное (Нехора, Кады, Кады-Кой). Село расположено в южной части Балаклавской долины (ныне часть Балаклавы), в 2 км от крепости Чембало и 3 км от села Флотское (Карань). До османской аннексии Таврики в 1475 г. селение называлось Нехора. Возможно, от искажённого греч. Νέα Χώρα – Новое село [35, с. 95]. После 1475 г. населённый пункт получил название Кады. Связано это, вероятнее всего, с тем, что османы разместили в селе резиденцию кадия для татар, проживавших в османских владениях. Здесь же была резиденция кадия собственно ханской степной части полуострова, а также 2 ханских эмина и 11 сборщиков налогов. По данным османской налоговой переписи 1520 г., в Нехоре проживало 38 полных православных семей и 3 – вдовьих, а также 16 полных семей мусульман и 4 холостяка. Дефтер 1542 г. показывает увеличение мусульманской общины до 80 полных семей и 16 холостяков при уменьшении греческой общины до 27 полных семей и 13 холостяков. При этом такое резкое увеличение числа мусульман происходило не только за счет татарских и турецких мигрантов, но и новообращённых. Из 96 мусульман-налогоплательщиков 8 имели патроним Абдуллах. К третьей четверти XVII в. христианская община Кады-Коя полностью исчезает [10, с. 64; 41, с. 112].

Раскопки на территории селения проводились в 1992–1997 гг. Объекты и материалы средневекового периода датируются XIII – первой четвертью XVIII вв. В XIII–XV вв. Нехора была греческим селением, что подтверждается наличием христианского некрополя и материалами из синхронных слоев поселения [19, с. 49; 21, с. 249; 23, с. 148]. Керамический комплекс средневековой Нехоры представлен, в основном, поливными тарелками, мисками, чашами, кувшинами и куманами (афтобами), которые датируются серединой XIV – началом XV вв. [20, с. 108–111]. В поселении существовала православная церковь, память о приходе которой сохранялась до начала XIX в. Это послужило поводом для передачи под церковь (освящена в 1805 г. во имя Святой Живоначальной Троицы) [24, с. 18] служащим Греческого Пехотного батальона здания мечети, ранее перестроенной из православного греческого храма [9, с. 203].

Флотское (Карань). Село расположено в 3 км западнее Балаклавы в небольшой изолированной долине, в 13 км от центра Севастополя. В письменных источниках встречаются разные вариации написания ойконима этого селения: Кырану, Крану, Карано, Карани, Карань. Учитывая пестроту лингвистической среды горной Таврики, уверенно объяснить значение и этимологию данного ойконима не представляется возможным.

Первое письменное упоминание о селении Кырану (Крану) содержится в документе из казны Османской империи от 17 августа 1488 г., основанном на данных более ранней переписи. В это время в селении насчитывалось 16 домохозяйств [82, р. 541]. По данным османской налоговой переписи 1520 г. православная община села

Кырану состояла из 25 полных и 2 вдовьих семей, а мусульманская – из 4 полных семей и 2 взрослых холостяков [83, с. 247].

К северо-востоку от современной территории села в 1953 г. С. Ф. Стржелецкий собрал значительное количество мелких обломков средневековой керамики. Среди них фрагменты кровельных черепиц, орнаментированные обломки кувшинов и горшков, фрагменты поливной чашки (XII–XIII вв.) [62, л. 170]. Археологических исследований на территории поселения не проводилось.

Оборонное (Камара). Село расположено в 4 км к северо-востоку от Балаклавы, на северном склоне горы Аю-Кая (Хаос), в 4 км от села Морозовка (Алсу) и в 4 км от села Кады-Кой (Нехора). В письменных источниках встречаются различные вариации ойконима этого селения – Камара, Камра, Камары, Комары, Комара. С греческого переводится как «свод, арка» или «сводчатая комната, камера» [4, с. 7, 19].

Возможно, самое раннее известное на сегодняшний день упоминание о селении Камара содержится в эпитафии с надгробного памятника 1362 г., обнаруженного М. И. Скубетовым в 1915 г. недалеко от церкви Св. Троицы в селе Лаки (Горянка) [28, с. 35–36; 36, с. 61]. По данным османской налоговой переписи 1520 г. в селе Камра проживало 26 полных православных семьи и 3 вдовьих, а также 1 полная мусульманская семья и 1 взрослый холостяк [12, с. 12–13; 83, с. 247].

Средневековое поселение располагалось к юго-востоку от современного села, на искусственных террасах, опоясывающих склоны хребта Кая-Дес, в районе источника у бывшего храма Св. Иоанна Предтечи. Поселение открыто разведками О. Я. Савели в 1976 г. Исследования поселения проводились О. Я. Савелей и И. Ю. Сухановой в 1979, 1981–1983 и 1986–1987 гг. [39, с. 9].

Большая часть поселения заросла лесом, часть – распахана. Подъемный материал представлен фрагментами кизил-кобинской керамики, единичными обломками чернотесовых сосудов IV–III вв. до н. э., фрагментами амфор первых веков н. э., керамикой IV–X вв., также найдены два железных трехлопастных наконечника стрел, гвозди, обломки криц. Исследованиями были открыты остатки 4 усадеб. Мощность культурного слоя на поселении колеблется от 0,1 до 0,6 м.

Две постройки располагались в непосредственной близости друг от друга. Стены данных усадеб выполнены в технике трехслойной двухпанцирной с забутовкой мелкими камнями кладки на грязи. Стены поставлены на слегка сниселированную поверхность, без фундамента. Отмечены следы перестройки одной из усадеб. Также в одной из построек были открыты следы кузнечного производства (более 40 железных заготовок). В массовом керамическом материале доминируют фрагменты керамики VIII–IX вв. Постройки существовали с V–VII вв., с перерывами, до XII–XIII вв.

Также были открыты остатки ограды двора, к которой примыкали постройки. С внутренней стороны ограды раскопаны остатки айвана (навеса). Археологический материал представлен обломками кровельной черепицы, кирпичей, фрагментами поливной керамики XIV–XV вв., монетой Крымского ханства XVI в. Четвертая исследованная постройка была повреждена грунтовой дорогой, которая прошла через нее к источнику Иоанна Предтечи. Защищена одна сохранившаяся стена строения и скальная постель. Мощность сильно переотложенного культурного слоя 0,3–0,5 м. Археологический материал датируется XV–XVII вв.

Исследованиями на месте храма Св. Ильи были выявлены остатки стены, фрагменты кровельной черепицы и куски цветной штукатурки. Однако культурный слой на территории храма и некрополя сильно поврежден воинскими захоронениями периода Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.) [44, л. 10–11; 57, л. 20–26; 58, л. 15–24; 59, л. 15–23; 60, л. 25–30; 61, л. 36–45].

Морозовка (Алсу). Село расположено в 9 км к востоку от Балаклавы, над Черно-реченским каньоном, на южной стороне, в 4 км от села Оборонное (Камара) и в 6 км от села Резервное (Кучук-Мускомья). В письменных источниках встречаются различные вариации ойконима этого селения – Ялсы, Ялса, Алсуй, Алсув, Олсуй. С тюркского данный ойконим переводится как «алая вода» или «бери воду» [4, с. 7].

Территорию села и прилегающую к нему местность обследовал в 1979 г. О. Я. Савеля. Во многих местах были выявлены остатки каменных оград, собраны фрагменты черепицы-татарки, красноглиняных толстостенных кувшинов и красноглиняной посуды, покрытой поливой яркозеленого, грязнозеленого, крапивного, табачного, грязножелтого, коричневого цвета. Материал датируется в пределах XVI–XIX вв. Также обнаружен немногочисленный керамический материал первых веков н. э. и VIII–XI вв. [44, л. 19–21]. Археологических исследований на территории селения не проводилось.

Резервное (Кучук-Мускомья). Село расположено в западной части Варнутской долины, у подножия вершины Кильсе-Бурун хребта Биллер, в 1,2 км от села Гончарное (Варнутка) и 6 км от села Морозовка (Алсу). В письменных источниках встречаются различные вариации ойконима этого селения – Кичи Мускомия, Мускомия-и Кючюк, Кучюк Мускомия, Кичук-Мускомия, Кучук-Мискомия [82, р. 544; 83, с. 239]. Префикс «кючюк» с крымско-татарского означает «малый», а «мускомья» с греческого переводится как «ароматная, пахучая, душистый мед» [4, с. 19; 55, л. 11].

Первое письменное упоминание селения Кичи Мускомия содержится в документе из казны Османской империи от 29 марта 1489 г., основанном на данных более ранней переписи. В это время в селении насчитывалось 27 домохозяйств [82, р. 544]. По данным османской налоговой переписи 1520 г. православная община села Москомья-и Кючюк состояла из 39 полных семей, а мусульманская – из 1 полной семьи и 1 взрослого холостяка [83, с. 239].

В 1895 г. поселянин села Биюк-Мускомья Алим Апсеут-оглу на своем участке близ Кучук-Мускомья обнаружил две плиты из известняка, одна из которых содержала знак креста. В 1904 г. на месте обнаружения плит найдены фрагменты черепицы и фундамент церкви. В 1 км от селения, на вершине г. Кильсе-Бурун, выявлены остатки небольшой часовни, а на террасе у её подножия в 1927 г. найдены 2 пифоса [55, л. 11–13]. Археологических исследований на территории селения не проводилось.

Гончарное (Варнутка). Село расположено в юго-восточной части Варнутской долины, в 1,2 км от села Резервное (Кучук-Мускомья) и в 3 км от села Тыловое (Хайто).

А. Л. Бертъе-Делагард полагал, что Варнутка, или Вэран-Кой переводится с тюркского «брошенное село» [4, с. 19]. В. Х. Кондараки приводит легенду старожил,

«которые слышали от отцов и дедов, что название этого селения произошло от следующей причины: во времена турецкого господства в Байдарской долине прибыл из Варны какой-то грек и начал делать раскопки на местности, известной теперь под именем Варнутки. Труды его увенчались открытием значительного клада в церкви, от которой остались едва приметные следы фундамента. На память этого события пришелец затратил довольно большую сумму на устройство, на счастливом для него месте, фонтана, который назвал Варналы (т. е. Варнский), а впоследствии, когда поселились в окрестности его мусульмане, то поселение получило имя Варнутки» [26, с. 290].

Средневековое поселение располагалось в 0,5–0,9 км к югу от современного села и занимало территорию приблизительно 400×200 м. С восточной стороны оно ограничено промоиной ручья. Его средняя часть с рядами жилых домов полностью разрушена многолетней распашкой. На момент обследования поселения его территория была занята пшеничным полем. Поселение исследовалось в 1962–1964 и 1966 гг. А. Л. Якобсоном.

В 1963–1964 гг. исследована трехнефная базилика без нартекса, с тремя полукруглыми апсидами. Длина храма (с апсидой) 13,60 м, ширина (без галереи) 11,5 м (ширина нефов около 2,8 м). Средняя апсида сильнее выдается на восток, чем боковые. Боковые апсиды не симметричны: северная выступает менее южной. Вдоль южного нефа шла галерея (шириной 2,4–2,6 м).

Часть сохранившейся стены была, вероятно, цоколем. Она сложена большей частью выдержанными рядами из обработанных с лица плит (толщиной 20–25 см до 30 см) в технике трехслойной двухпанцирной с забутовкой кладки на глине. Кладка всех частей здания более или менее одинакова. Стены храма сложены из плит толщиной 14, 16 и 20 см, на глине, большей частью выдержанными рядами. Толщина стен 0,7–0,8 м, которые сохранились на высоту до 0,75 м (средний неф храма). Диаметр полукружия ранней базилики составляет 4,50 м. При более поздней перестройке храма его апсида сужается до 1,90 м.

Вход в храм, вероятно, был с западной стороны; он вел в средний неф. Ширина входа – 0,92 м, он имел высокий порог (высота 0,36 м) и две ступеньки для спуска в наос. Северный неф имел вход в северной стене. Возможно, вход имелся и в западной стене. Место входа в южный неф установить не удалось. Пол во всех нефях базилики был, по крайней мере частично, глинобитным. В среднем нефе местами в восточной его части в пол вставлены неправильной формы плитки (в форме ромба и квадрата с вырезом для вставки ромба), являвшиеся частью узорчатой вымостки пола, которые относятся к позднему периоду. Алтарная часть позднего храма имеет возвышение (37 см), вымощенное небольшими плитами.

Стены первоначальной базилики были покрыты штукатуркой, расписанной фресками. Первоначальный храм имел черепичную кровлю. Поздний храм также был, вероятно, покрыт черепицей (скорее всего вторичного применения). Здание, очевидно, имело двухскатное перекрытие на деревянных стропилах, общее для всех трех нефов.

Храм имеет два строительных периода. Первоначальная трехнефная трехапсидная базилика с южной галереей датируется VIII–X вв., затем в XIV в. на руинах центрального нефа базилики возводится удлиненная однефная церковь.

Вокруг базилики в 1962–1964 гг. открыт сравнительно большой могильник. Исследованная площадь, включая саму базилику, равна 540 кв. м. Исследовано 54 могилы. Выделяются два типа могил. К первой группе относятся погребения, обложенные небольшими плитами или необработанными камнями. У некоторых обкладка не сохранилась, либо вообще отсутствовала. Погребения совершены на незначительной глубине: не более 0,4–0,5 м от уровня дневной поверхности.

Могилы второго типа тщательно обложены массивными, штучными, хорошо обработанными толстыми плитами и большей частью перекрыты тонкими, рваной формы плитами. Все могилы ориентированы с запада на восток. Погребенные лежали головой на запад, в вытянутом положении на спине, руки согнуты в локтях и сложены на груди или в области живота. В большинстве могил второй группы погребения совершены многократно. Могилы имели внешние признаки в виде надгробий. Погребения данного типа совершены на глубине 1,2–1,4 м от дневной поверхности.

Могилы нижнего горизонта по керамическому материалу и находкам датируются VIII–X вв., погребения же верхнего горизонта – XIV–XV вв. [16, с. 220–221; 37, с. 2; 74, л. 1–16; 76; 77; 81, с. 125–132]. В. В. Майко полагает, что могильник продолжал функционировать и во второй половине X–XII вв. [29, с. 134–148].

К юго-восточному углу храма примыкало двухкамерное помещение. Его внутренние размеры 2,9×6,5–7,0 м. Помещение датируется VIII–IX вв.

В 1966 г. раскопан небольшой (внутренние размеры 3,70×5,50 м) жилой дом XIV–XV вв., при строительстве которого были полностью уничтожены все остатки существовавшего здесь в VIII–IX вв. металлургического производства [79, л. 1–4; 80, с. 252].

В 1926 г. Н. И. Репников в урочище Аджи-Малык, в промоине ручья, обнаружил могильник. Каменные гробницы, располагавшиеся на глубине 0,50–0,70 м, были перекрыты каменными плитами [55, л. 13].

Тыловое (Хайто, Кайту). Село расположено в юго-западной части Байдарской долины, в небольшой долине Хайту, между вершинами Каланых-Кая и Ктур-Кая, в 2,5 км от села Орлиное (Байдары) и 3 км от села Гончарное (Варнутка).

Учитывая пестроту лингвистической среды горной Таврики, уверенно объяснить значение и этимологию данного ойконима не представляется возможным. При издании на русском языке Устава для генуэзских колоний 1449 г. (1863 г.) В. Н. Юргевич соотносил один из пограничных пунктов консульства Чембальского – Кантон [Caiton] с селением Кайту (Хайто). Однако, сомневаясь в правильности локализации этого места, он высказал предположение, что «генуэзцы при определении расстояния были не очень точны или находилась другая местность того же имени на берегу моря» [64, с. 834]. По данным османской налоговой переписи 1520 г. в селе Хайто числилась 51 полная православная семья [83, с. 247]. Археологических исследований на территории селения не проводилось.

Широкое (Биюк-Мускомья). Село расположено в западной части Байдарской долины, в овраге Курезен-Дере, в 3 км от села Орлиное (Байдары) и в 5 км от села

Гончарное (Варнутка). В письменных источниках встречаются различные вариации ойконима этого селения – Буюк Мускомия, Мускомия-и Бюзюрк, Бьюк Мускомия, Биюк-Мускомия, Буюк-Мускомья. Префикс «биюк» с крымско-татарского означает «большой», а «мускомья» с греческого переводится как «ароматная, пахучая, душистый мед» [4, с. 19; 55, л. 11]. По данным османской налоговой переписи 1520 г. в селе Мускомия-и Бюзюрк числилось 43 полных православных семьи [83, с. 247].

В 1928 г. на территории селения при земляных работах найдено надгробие из известняка, размерами 0,40×0,275×0,145 м. В верхней части вырезан крест в круге. Ниже располагалась надгробная надпись на греческом языке, в то время уже нечитаемая [55, л. 23].

В 1953 г. С. Ф. Стржелецкий обследовал непосредственно примыкающую к селу южную часть пологого склона горы Самналых. Средневековые находки представлены фрагментами амфор V–VI вв., черепиц и кувшинов IX–XI вв. К более позднему, османскому периоду (XVI–XVIII вв.), исследователь относил обломки поливных сосудов и фрагментированную глиняную курительную трубку [62, л. 166–167]. Археологических исследований на территории селения не проводилось.

Орлиное (Байдары). Село расположено в юго-восточной части Байдарской долины, на речке Байдар (приток р. Черной), в непосредственной близости от села Павловка (Сахтик) и в 2,5 км от села Тыловое (Хайто). Л. В. Фирсов полагал, что топоним «Байдары» происходит от крымско-татарского Бай-Дере, т. е. Богатая Долина [65, с. 393]. В. И. Новиченков и Н. Г. Новиченкова полагают, что в данном топониме сохранился корень «дар» – «дор» древний топоним «Дори» [42, с. 39].

Первое письменное упоминание о селении Байдар содержится в документе из казны Османской империи от 29 марта 1489 г., основанном на данных более ранней переписи. В это время в селении насчитывалось 14 домохозяйств [82, р. 544]. По данным османской налоговой переписи 1520 г. в селе проживало 17 полных православных семей и 1 – вдовья [83, с. 239]. Археологических исследований на территории селения не проводилось.

Павловка (Сахтик). Село расположено в восточной части Байдарской долины, в непосредственной близости к селу Орлиное (Байдары) и в 2 км от села Подгорное (Календо). Учитывая пестроту лингвистической среды горной Таврики, уверенно объяснить значение и этимологию данного ойконима не представляется возможным. В письменных источниках встречаются различные вариации ойконима этого селения – Сахнек, Сахтек, Сахтык, Сагтик, Саятык, Сахтлик, Сахтир, Сактик, Сафтык, Сахтых. По данным османской налоговой переписи 1520 г. в селах Карвис и Сахнек числилось 50 полных православных семей и 1 вдовья семья, а также 4 мусульманских семьи и 3 взрослых холостяка [83, с. 247].

Данную территорию обследовал в 1987 г. О. Я. Савеля. В округе селения выявлены остатки древних дорог, руины нескольких средневековых поселений [45, л. 54]. Археологических исследований на территории селения не проводилось.

Подгорное (Календо). Село расположено в восточной части Байдарской долины, на речке Календа (приток р. Черной), в 2,7 км от села Родниковое (Скеля) и в 2,2 км от села Павловка (Сахтик). В письменных источниках встречаются различные вариации ойконима этого селения – Кылынды, Календер, Календы, Календе, Календия,

Календо. Учитывая пестроту лингвистической среды горной Таврики, уверенно объяснить значение и этимологию данного ойконима не представляется возможным. Однако В. Х. Кондараки полагал, что название селения состоит из двух крымско-татарских слов – «Кале» (крепость) и «эндь» (спустилась), т. е. разрушенная, разваленная крепость [26, с. 290]. Календа – с греческого «колядки, обрядовые песни, которые исполняют на Рождество», с тюркского – «дервиш» [66, с. 97]. По данным османской налоговой переписи 1520 г. в селе Кылынды числилось 13 полных православных семей и 1 вдовья семья [83, с. 239].

Территорию села и прилегающую к нему местность обследовал в 1987 г. О. Я. Савеля. В устье балки Календы-богаз, юго-восточнее современного села, прослеживались остатки подпорных стен, оград, руины построек. Подъемный керамический материал представлен фрагментами пифосов и черепиц-керамид, датирующихся в пределах VIII–X вв. [45, л. 53]. Археологических исследований на территории селения не проводилось.

Родниковое (Скеля). Село расположено в восточной части Байдарской долины, у подножия гор, которые образуют естественный амфитеатр, в 1,3 км от села Россошанка (Саватка) и в 2,7 км от села Подгорное (Календо). Трактуются данный ойконим как урумская порча ромейского «τά σκέλια» – «ступеньки лестницы». В османской налоговой переписи 1520 г. оно записано как Таш-Искеле. Префикс «таш» с крымско-татарского означает «камень». В этот период в селе проживало 22 полные православные семьи и 3 – вдовьих [83, с. 247].

Средневековое поселение располагалось к югу от современного села, в непосредственном соседстве с ним, на северном склоне террасированной возвышенности. В 1953 г. данную территорию обследовала С. Ф. Стржелецкий. Были выявлены следы двух-трех усадеб в виде скоплений камней с фрагментами сосудов и кровельной черепицы, которые, по мнению автора, датируются с V по XI вв. Также на прилегающей территории собран керамический материал (фрагменты пифосов, амфор, кувшинов, чашек), который имеет общую дату в пределах V–XI вв. Обнаружены фрагменты поливной керамики, один из которых датируется XII–XIII вв., а остальные не ранее XV в. [62, л. 159–162].

Также разведки на этой территории проводились в 1956 г. А. Л. Якобсоном. Выявлены скопления камня, остатки строений, керамический материал относится частично к позднеантичному времени – III–IV вв., но преимущественно к VIII–X вв. (обломки амфор с глубоким рифлением, обломки ручек амфор и стенок с зонами мелкого рифления, пифосов с желобчатой поверхностью, кувшинов с плоскими ручками). Исследователь полагал, что жизнь на поселении замирает в X в., а возрождается только в XIV в. Однако основная часть средневекового поселения была расположена, судя по наличию культурного слоя, на месте современной территории села.

В 1956 г. был частично исследован могильник на склоне горы Курт-Кая, на горизонтальной, хорошо выравненной площадке. На площади в 64 кв. м открыто 25 могил. Глубина залегания их различна: от 0,16 до 0,99 м, но большей частью от 0,40 до 0,80 м. Костяки лежали головой на запад, на спине, правая рука согнута в локте. Некоторые погребения совершены в деревянных гробах или обложены деревом. Дру-

гие могилы обложены с боков большими, вертикально поставленными плитами. Однако чаще погребения обложены бесформенными необработанными камнями. Большинство могил покрыто тонкими, неправильной формы плитами известняка. Некоторые погребения совершены в могилах без признаков каменной обкладки и перекрытия. Инвентарь в погребениях бедный. Могильник датируется VIII–IX вв. [68, л. 3–12; 72, с. 91–98; 81, с. 133–135; 40, с. 2].

Россошанка (Саватка). Село расположено в восточной части Байдарской долины, в её равнинной части, в 2 км от села Новобобровка (Бага) и в 1,3 км от села Родниковое (Скеля). Учитывая пестроту лингвистической среды горной Таврики, уверенно объяснить значение и этимологию данного ойконима не представляется возможным. Возможна трактовка из греческого «τά σαββατικά» – «субботние, сорт винограда» в значении топонима местности «виноградник сорта Шабаш». По данным османской налоговой переписи 1520 г. в селе Севатике числилось 14 полных православных семей и 3 вдовьих семьи [83, с. 239]. Археологических исследований на территории селения не проводилось.

Новобобровка (Бага). Село расположено в северной части Байдарской долины, у подножия гор, которые образуют естественный амфитеатр, в 1,5 км от села Передовое (Уркуста) и в 2 км от села Россошанка (Саватка). «Бага» в переводе с тюркского – «лягушка» [55, л. 18]. Однако в османской налоговой переписи 1520 г. указаны два его названия – Боджаган и Чельмекчи. Второй ойконим этимологически прозрачен и переводится как «гончар, гончарное» [11, с. 502; 38, с. 2]. В этот период в селении числилось 12 полных православных семей и 4 – вдовьих, а также 4 мусульманских семьи и 1 взрослый холостяк [83, с. 247].

Средневековое поселение располагалось к северу от современной территории села, на южном склоне возвышенности, полого спускающейся к селению, у небольшого скалистого уступа склона. В 1957–1960 гг. А. Л. Якобсон исследовал 5 жилых сооружений. Поселение находилось на широких (более 30 м) террасах, шедших соответственно конфигурации склона. Крепиды сложены на глине из крупных блоков, частично подтесанных с лица, основанных на мелком буте. Поселение состояло из многочисленных и изолированных усадеб, которых выявлено 18. Стены двухкамерных построек выполнены в технике трехслойной двухпанцирной с забутовкой кладки на глине или земле. Полы сооружений глинобитные, крыши были как черепичные, так и без черепичной кровли. В некоторых постройках перегородки, вероятнее всего, были деревянно-глинобитные. В сооружениях имелись очаги и печи-каменки. На поселении также выявлены полуземлянки и глинобитные сооружения с каркасом из плетня.

Обнаруженный керамический материал (амфоры, пифосы, горшки, кувшины, кровельная черепица) датируется VIII–IX вв. Также найдены железные кованые гвозди, куски спекшегося железа, куски железного шлака, ножи, крюк, скобы (одна с планкой и двумя болтиками), железный наконечник стрелы, крест, медное кольцо, глиняные пряслица, жернова, обломки браслета из темно-синего стекла, квадратного в сечении. Поселение возникло на месте более раннего – V–VII вв. и просуществовало до рубежа IX и X вв. или начала X в. В XII–XIII вв. жизнь на части поселения возрождается и продолжается, по мнению А. Л. Якобсона, до XIV–XV вв.

Еще одно средневековое поселение близ Новобобровки располагалось восточнее села, на левой стороне речки Бага, между ней и ущельем, находящимся от селения к северо-востоку. О наличии поселения говорят отдельные скопления камня, сопровождаемые подъемным материалом VIII–X вв. Также выявлены следы древней дороги, обложенной с краёв крупными блоками камня, идущей от современного села на север, в сторону горного перевала. Вероятно отдельные жилые усадьбы VIII–X вв. располагались и к югу от с. Новобобровки [38, с. 2; 69; 70; 71; 72, с. 98–101; 73, л. 6–9; 75, с. 165–177; 81, с. 59–81].

В центре современного села, «вокруг главного фонтана», в 1929 г. П. П. Бабенчиков установил наличие обширного могильника. «Каменные гробницы, на глубине до 0,50 м, сложенные из отдельных камней, лежащих плашмя, размеры могилы внутри 2,50×0,75 м, расположены с В на З. Перекрытие из более крупных необделанных плит. Гробницы полны перемешанными костяками, лежавшими один на другом» [3, л. 29–30; 55, л. 20].

Передовое (Уркуста). Село расположено в северной части Байдарской долины, в небольшой долине речки Уркуста (с впадающим в селе правым притоком Арманка) – правом притоке р. Черная, в 1,5 км от села Новобобровка (Бага) и в 4,5 км от села Широкое (Биюк-Мускомья). В письменных источниках встречаются различные вариации ойконима этого селения – Угри Коста, Угры Коста, Уркюста, Рюкуста, Рокуста, Рукуста, Иркуста. Учитывая пестроту лингвистической среды горной Таврики, уверенно объяснить значение и этимологию данного ойконима не представляется возможным. С крымско-татарского «угры» – вор, Коста – имя, распространённое среди православного населения средневековой Таврики. Однако вариант такой трактовки ойконима маловероятен.

Первое письменное упоминание о селении Угри Коста содержится в документе из казны Османской империи от 3 апреля 1498 г., основанном на данных более ранней переписи. В это время в селении насчитывалось 33 домохозяйства [82, р. 546]. По данным османской налоговой переписи 1520 г. в селе Угры Коста проживало 46 полных православных семей и 1 – вдовья, а также 1 мусульманская семья [83, с. 247].

Территория в районе современного села Передовое обследовалась в 1953 г. С. Ф. Стржелецким и Е. В. Веймарном, в 1965–1966 гг. – А. Л. Якобсоном, а также в 1987 и 1989 гг. – О. Я. Савелей. В результате вблизи села и на его территории открыта целая группа средневековых поселений. Они имеют общую дату в пределах VIII–X вв., а некоторые из них возникли на местах, обжитых еще в IV–V вв. [8, л. 68; 45, л. 56; 46, л. 41–44; 62, л. 164; 78; 79, л. 4–12; 80, с. 252–254; 81, с. 81–97].

Толе (Тюли, Тюлле). Поселение находилось между селами Широкое и Передовое, у моста через р. Черную, в 1 км к востоку от начала Чернореченского каньона, на отлогом склоне горной гряды. В письменных источниках встречаются различные вариации названия этого селения – Тюли, Толи, Авлы, Тейлю, Тюлле. Учитывая пестроту лингвистической среды горной Таврики, уверенно объяснить значение и этимологию данного ойконима не представляется возможным. Первое письменное упоминание о селении Тюли содержится в документе из казны Османской империи от 3 июля 1488 г., основанном на данных более ранней переписи. В это время в селении

насчитывалось 20 домохозяйств [82, р. 542]. По данным османской налоговой переписи 1520 г. в селе Тюли проживало 27 полных православных семей и 4 – вдовьих, а также 1 мусульманская семья [83, s. 247].

В 1953 г. его территорию обследовал С. Ф. Стржелецкий. На поверхности прослеживаются сильно задернованные фундаменты каменных построек, следы оград. Подъемный материал представлен фрагментами лепной посуды кизил-кобинской культуры (VI–IV вв. до н.э.), обломками каменных зернотерок, обломками эллинистических амфор, а также фрагментами пифосов, амфор, кувшинов и кровельной черепицы IV–XIV вв. [62, л. 164–166].

Комплекс средневековых поселений Ласпинской¹ котловины:

Храм Св. Ильи IX–XIV вв. Храм находится на плато Ильяс-Кая, возвышающемся над Ласпинской котловиной, у перевала между г. Ильяс-Кая и г. Мачук. Исследован в 1966 г. О. И. Домбровским. Храм одноапсидный, однефный размером 9,6×4,9 м. Стены сложены из бута на известково-песчаном растворе, крыша была покрыта черепицей. Храм имел коробовое сводчатое перекрытие на широких арках. Продольные и поперечные стены разной толщины – более толстые продольные стены несли на себе нагрузку от арок и сводов. В архитектуре храма имелись оригинальные черты – сильная вытянутость в длину, отсутствие обычного притвора, роль которого играет не полностью выделенная привходовая часть здания (своего рода рудимент нартекса), суженная за счет утолщения стен, вероятно державших на себе башенную конструкцию. Вдоль южной стены в средней части храма была расположена каменная скамья.

Главная особенность постройки – ступенчатая композиция внутреннего пространства: «притвор», неф и алтарь приподняты один над другим и переходы из одной части храма в другую представляют собой лестницы, врезанные в их полы. Из хорошо отесанных камней мшанкового известняка криволинейной формы изготовлены арки (собрано три), на которых покоились своды из травертина. Сохранились камни рухнувших оконных и дверных проемов, конхи и аркосолия. Камни сводов и стен сохранили многочисленные фрагменты расписной штукатурки. Краски – черная, белая, красная, зеленая, голубая, коричневая – имеют множество переходных оттенков. На отдельных кусках штукатурки сохранилась разделка «под руст» с раскраской под мрамор и брекчию. Основание аркосолия над могилой с 11 погребёнными открыто справа при входе в храм. Время сооружения храма исследователь относил к концу IX–X вв. [14, с. 180–182; 15, с. 23–25; 52, с. 86].

Возможно, к укрепленному монастырю Св. Ильи, центром которого являлся вышеназванный храм, тяготели средневековые поселения Ласпинской долины. К ним относятся шесть взаимосвязанных поселений, гончарные мастерские, камнерезная мастерская, железоплавильная мастерская, работавшая на местном сырье (железные конкреции, вымываемые водой, известняк). Настоятель же монастыря Св. Ильи являлся главой данной административно-территориальной единицы (просуществовавшей с VI–VII по XIV–XV вв.), будучи наделённым не только религиозными функциями, но и судебными административными полномочиями, осуществлявшимися через выборную коллегию старейшин.

¹ «Ласпи» (греч.) – «грязь, слякоть» [4, с. 7, 18].

Храм на г. Мачук (Св. Георгия) XV – конец XVII вв. Храм расположен на склоне г. Мачук к северо-востоку от перевала. В 1976 г. церковь и часть окружающего её некрополя исследована Е. А. Паршиной. Он представлял собой однефную прямоугольную в плане постройку с полукруглой апсидой. Внутренние размеры храма: длина 6,3 м, ширина у западной торцовой стены 3 м, диаметр апсиды 2,06 м. Его стены с внешней стороны сложены из плоских известняковых плит относительно правильной формы на известковом растворе, внутренний панцирь стен сооружен преимущественно из рваного крупного бута. Пол храма выложен сланцевыми плитами. Левое «плечо» храма имеет ширину 0,6 м, справа же апсида переходит непосредственно в стену, что можно отнести на счет позднейших перестроек, превративших первичный трехапсидный храм в одноапсидный. Эта постройка была покрыта полукруглой черепицей-татаркой. Внутри храма в завале камня найдены архитектурные детали: известняковая капитель, камень с монограммой, обломок плиты с орнаментом «плетенкой», части мраморной колонки и предалтарной преграды. Под плитами пола оказались 26 серебряных монет Крымского ханства XV–XVI вв. и бронзовая чаша. Внутри храма и вне его обнаружены плитовые могилы, шесть из них раскопаны [22, с. 59–60; 48, с. 350].

Рис. 2. Карта консульства Чембальского во второй половине XIV в.

1 – границы территории консульства; 2 – возможные границы территории консульства; 3 – города; 4 – селения; 5 – монастыри; 6 – Чоргунская башня; 7 – мыс Фонарь (по С. Г. Бочарову).

Поселение «Ласпи» VIII–XV вв. Памятник находится на седловине г. Ильяс-Кая и г. Мачук. Открыт и исследовался О. И. Домбровским в 1965–1966 гг. Постройки примыкают к остаткам небольшого средневекового укрепленного монастыря Св. Ильи. Оборонительная стена X–XIII вв. длиной более 50 м, сложенная из бута на известковом растворе, преграждает с восточной стороны доступ на гору. Общая площадь поселения около 3 га. На самом седле заметны остатки более поздних построек (XII–XIV вв.). Некоторые из этих усадеб примыкали к Острым скалам на южном склоне от седла к Сарычу. Такие же постройки обступали скалу Ильяс-Кая и с севера. С западной стороны ск. Ильяс-Кая в гротах обнаружен раннесредневековый культурный слой, мощностью 0,1–0,3 м, встречена керамика VIII–X вв. По мнению исследователя, поселение было тесно связано с монастырем на г. Ильяс-Кая. Небольшой одноапсидный храм, синхронный монастырскому, был раскопан на северо-западном склоне г. Мачук, над родником, к которому примыкают постройки Ласпи [15, с. 23, 25; 32, с. 141; 43, с. 103].

Поселение X–XV вв. Поселение расположено в урочище Ласпи, рядом с поселением Чобан-Таш на территории коттеджного поселка, построенного на месте пансионата «Эра». Площадь поселения и его конфигурация не установлены. Разведки на территории поселения проводились в 1967 г. О. И. Домбровским и О. А. Махневой. На указанной территории обнаружены мелкие постройки с загонами для скота, разбросанные без видимых признаков планировки на довольно значительном расстоянии друг от друга. Толщина культурного слоя 0,10–0,60 м. Исследования показали, что ряды сооружений направлены в сторону поселения Чобан-Таш. Следов обработки земли не обнаружено, по мнению исследователей, поселение являлось скотоводческим [15, с. 27; 31, с. 53].

Поселение X–XV вв. Поселение находится у подножия западного склона г. Ильяс-Кая, в районе источника воды, юго-восточнее пансионата «Изумруд». Площадь поселения более 9 тыс. кв. м. Поселение открыто и исследовано О. И. Домбровским и Е. А. Паршиной в 1965–1966 гг. В заросшей лесом местности обнаружены две группы жилых и хозяйственных построек. Поселение было связано с древними разработками известкового туфа (травертина). Обнаружены отдельные архитектурные детали: клинчатые камни для арок и сводов, карнизы, пр. Рядом открыты две керамические печи для обжига черепицы и плитфы. Защищены сохранившиеся нижние камеры с подпорными столбами, имеющими грушевидные очертания. Размеры печей 2×1,7 м и 3×2,2 м. Печи врезаны в склон глинистого холма. Материал, необходимый для производства, брали здесь же. На некоторых фрагментах кровельной черепицы обнаружены клейма. Мощность культурного слоя 0,1–0,5 м [14, с. 180; 15, с. 20–21; 47, с. 183–185].

Поселение «Приморское» VII–XIV вв. Поселение находится непосредственно над пляжем детского лагеря «Ласпи» и вдоль дороги от лагеря к пляжу, в юго-западной и центральной части Ласпинской котловины. Открыто и обследовано О. И. Домбровским в 1966–1967 гг., а также в 1977–1979 гг. Е. А. Паршиной и В. Л. Мыцом. В связи с плохой сохранностью построек и видимым отсутствием регулярной застройки площадь поселения приблизительно можно определить в 20

га. Оно расположено на большом каменном холме и склонах двух глубоких оврагов, в срезах которых виден культурный слой мощностью до 0,5 м.

В 1966–1967 гг. исследовано более 100 кв. м поселения. Раскопан жилой комплекс, отмечены остатки жилых и хозяйственных построек, обращенных входами на юго-восток. В береговой части поселения – полуземлянки, очаги, хлебная печь. В 1976–1979 гг. исследованы одно- и двухкамерные постройки с черепичной кровлей. Они располагались по краям сельскохозяйственных террас. Также открыты несколько крупных построек, сложенных из крупного бута, с остатками штукатурки и росписи на стенах. При их строительстве также использовалось декоративное сочетание красных глиняных поясов и белокаменной кладки. Полы были вымощены глиняной или выложены из мелких четырехугольных керамических плиток в сочетании с овальными беломраморными пластинками. Кроме того, здесь отмечено наличие многокамерных строений с оштукатуренными и покрытыми росписью стенами и выложенными глиняной полами.

В центральной части поселения раскопана большая постройка (около 200 кв. м). С внутренней стороны строения лежала кровля на слое пожара в 0,10–0,15 м. Обнаружены фрагменты многогранной колоны с процарапанными на гранях рисунками и надписями, карнизы, обломки капителей, украшенных листьями аканфа, квадратные и прямоугольные глиняные, кровельная черепица, гвозди, детали мозаичного пола. Также была найдена свинцовая печать с надписью «Нотарию Дмитрию» на одной стороне и «Богородица помощи – тетраграмма – твоему рабу» – на другой. Она датируется VIII – началом IX вв.

Юго-восточнее поселения, выше дороги из детского лагеря «Ласпи» на пляж, находится могильник XIII–XIV вв. [15, с. 22–23; 48, с. 350; 49, с. 368–369; 50, с. 382–383; 51, с. 321].

Поселение «Хаспио» VIII–XV вв. Поселение находится посреди Ласпинской котловины, на водоразделе между двумя разветвленными оврагами, к западу от обрывов г. Ильяс-Кая. Площадь поселения около 25 га. Памятник открыт и исследовался О. И. Домбровским в 1965–1968 гг. В центре поселения обнаружены следы храма, сложенного из бута на известке и крытого черепицей. Стены домов сложены на глине, толщиной до 1,2 м, что свидетельствует о существовании второго, а иногда и третьего этажа. Некоторые дома могли иметь вид невысоких башен. Кровли зданий были черепичными. К каждому дому примыкала небольшая – от 0,2 до 0,5 га – терраса с крепидами и каменными заборами, сложенными из дикого камня насухо. Внутренние размеры помещений достигали в среднем 3,5×3 м. Вблизи жилищ имелись небольшие загоны и хлевы для скота.

Планировка поселения «ячеистая»: отдельные усадьбы пристраивались друг к другу по мере разрастания поселения. Структура усадеб однообразна – крытое черепицей жилище, примыкающий к нему земельный участок, ограниченный подпорной стеной и забором, рядом крытый загон для скота или хлев. Общее количество построек достигает 80, обследовано 50 (в том числе 11 раскопано). Весь комплекс окружала толстая, хотя и примитивная, стена из дикого камня, к которой местами примыкали небольшие, квадратные в плане сооружения, вероятно, основания разрушенных башен. Мощность культурного слоя – до 0,5 м.

Ограда, храм, а также найденные здесь же водопровод и дорога, по мнению исследователя, сооружены объединёнными силами жителей поселения [15, с. 21–22; 43, с. 103–104].

Поселение «Чобан-Таш» VII–XV вв. Памятник находится в южном углу урочища Ласпи, между поселением с керамическими печами и маяком на мысе Сарыч, среди нагромождения скал у двух родников. Поселение открыто О. И. Домбровским в 1965–1968 гг., им же проведены зачистки одной из построек. Также обследовалось Е. А. Паршиной в 1991–1992 гг. Мощность культурного слоя 0,1–0,3 м. Поселение не имеет четких границ и регулярной планировки. Остатки построек сильно задернованы и разбросаны на большом пространстве. Подъемный материал незначителен. При зачистке обнаружены обломки черепиц, пифосов XII–XIII вв., стенок и ручек амфор X–XV вв. О. И. Домбровский полагал, что оно было, по преимуществу, скотоводческим: постоянные жилища с относительно крупными крытыми загонами для зимовки скота, размещавшиеся среди скальных глыб. Возраст некоторых деревьев, которыми поросли руины, достигал 900 лет. Крымской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством О. И. Домбровского была произведена топосъемка и исследованы две печи для обжига черепицы.

В 1992 г. исследованы подпорные стены-крепиды, одиночная двухкамерная постройка из сырца на каменном цоколе, жилая усадьба с приусадебным участком. Стены выполнены из разномерных камней в технике трехслойной двухпанцирной с забутовкой кладки на глине. Зафиксированы два строительных периода, черепичная кровля, по крайней мере, в один из периодов, керамический материал – обломки амфор причерноморского типа, кувшинов с плоскими ручками, ойнохой и кухонной керамики «салтовского типа», черепица с метками VIII–X вв.

В юго-западной части поселения раскопано четыре горна. От трех глинобитных двухъярусных горнов сохранились топочные камеры, в плане прямоугольные со скругленными углами. Площадь камер разделялась на две части центральной перегородкой. Конструктивные элементы одного из горнов сложены из сырцового кирпича, двух других – из бракованной черепицы. Горн № 4 из сырцового кирпича, сохранившийся на высоту 1,1 м, имел квадратную в плане (3,25×3,25) систему распределения тепла. Она состояла из центрального продольного, с арочным перекрытием, и пяти поперечных каналов – здесь перегородки в обжигательную камеру были сделаны из положенных с промежутками небольших плит известняка с глиняной обмазкой. Свод горна был, вероятно, коробовым. В верхней части юго-восточной стены горна была обнаружена глиняная вставка с отпечатком металлического креста, вероятно, следы обряда освящения печи. Основную продукцию центра составляла черепица (керамиды), в частности, с метками в виде букв «тау» и «каппа» и с высокорельефной меткой в виде двойного креста в круге. Различия в конструкциях горнов позволяют предположить одновременность их существования в период VII–VIII вв. Они обслуживали как поселения в урочище Ласпи, так и более широкую округу [15, с. 26–27; 17, с. 59–62; 31, с. 53; 53, с. 107–109].

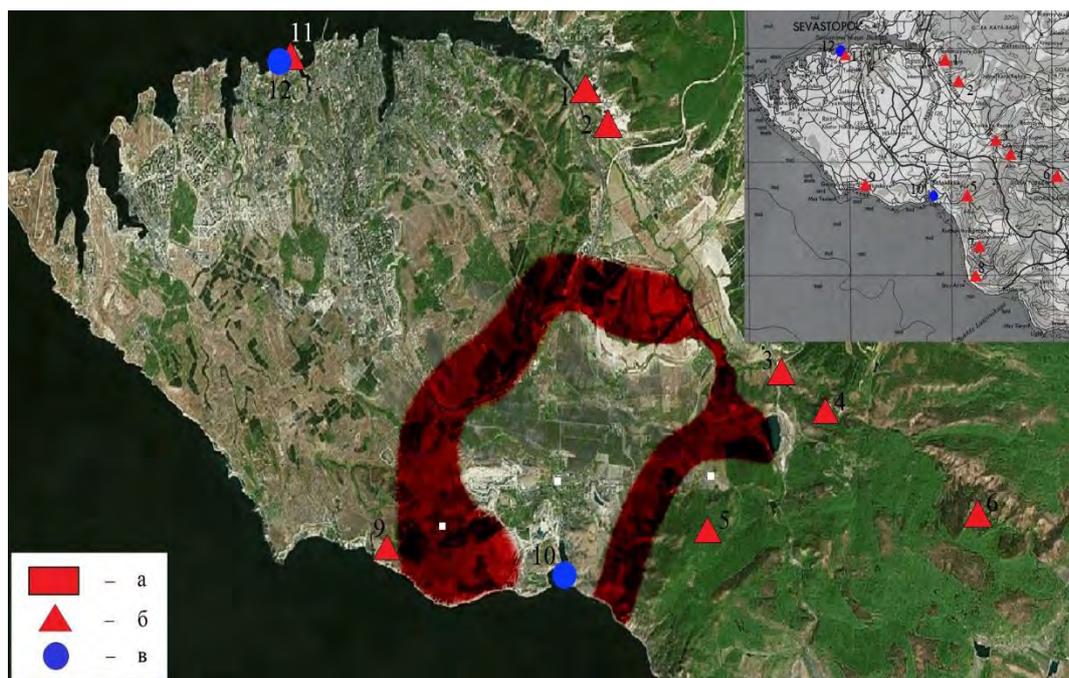

Рис. 1. Схема расположения укреплений Юго-Западной Таврики в конце XIV–XV вв. и предполагаемые границы консульства Чембальского и княжества Феодоро (по Е. В. Неделькину).

а – контактная зона княжества Феодоро и консульства Чембальского; б – города и укрепления Феодоро; в – города и укрепления Генуэзской республики.

1 – Каламита; 2 – Загайтанское укрепление; 3 – Чоргунская башня; 4 – Чоргунский (Бибиковский) исар; 5 – Камара (Аю-Кая Западная); 6 – Сарджик; 7 – Кала-Фатлар; 8 – Кокия-Исар; 9 – Карань; 10 – Чембало; 11 – феодоритское укрепление на территории Херсона (вторая половина XV в.); 12 – генуэзское укрепление в Херсоне (вторая половина XIV – первая половина XV вв.).

Могильник «Ласпи» XII–XV вв. Могильник находится на юго-западе урочища Ласпи, на берегу моря. Обследован О. И. Домбровским и О. А. Махневой в 1967 г., а также Д. Я. Телегиным и Л. Л. Зализняком в 1973 г. На момент обследования большая половина могильника была разрушена оползнем и выемкой грунта при прокладке дороги из детского лагеря «Ласпи» к морю. Раскопано 14 погребений, совершенных в плитовых могилах без следов деревянных гробов, 10 из них ограблены и разрушены в древности. Сохранившийся инвентарь представлен поливной посудой XII–XV вв. В погребениях ребенка и двух взрослых найдены бронзовый перстень с плоским щитком и бронзовые бубенчики-пуговицы. Во

время зачистки выявлены фрагменты надгробных плит и позднесредневековая керамика. Также интерес представляют надгробные плиты с изображениями орудий труда [31, с. 53; 63, л. 6–7].

В заключение отметим, что известные письменные источники XIV–XV вв. не дают информацию о точных границах Чембальского консульства, как и не называют селения, в него входившие. Поэтому важнейшим фактором в изучении сельской округи города становится археологическое исследование этих памятников. Мы надеемся, что опубликованный список селений станет первым шагом в этом направлении и послужит той основой, которая будет постоянно дополняться новыми фактами, накопление которых позволит в обозримой перспективе окончательно решить спорные вопросы, касающиеся размеров сельской округи генуэзского города Чембало.

Список литературы

1. Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Некоторые итоги архитектурно-археологических исследований крепости Чембало в 2002–2011 гг. / С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц, С. В. Ушаков // Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. – СПб. ; Симферополь : Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. – С. 58–98.
Adaksina S. B., Myts V. L., Ushakov S. V. Nekotorye itogi arkhitekturno-arkheologicheskikh issledovaniy kreposti Chembalo v 2002–2011 gg. / S. B. Adaksina, V. L. Myts, S. V. Ushakov // Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2011 g. – Sankt-Peterburg ; Simferopol' : Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2012. – S. 58–98.
2. Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало : 1345–1475 гг.) / С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц // Таврические студии. Серия : Исторические науки. – 2015. – № 7. – С. 12–18.
Adaksina S. B., Myts V. L. Formirovaniye malyykh gorodov Genuezskoy Gazarii (na primere faktorii v Chembalo : 1345–1475 gg.) / S. B. Adaksina, V. L. Myts // Tavricheskie studii. Seriya : Istoricheskie nauki. – 2015. – № 7. – S. 12–18.
3. Бабенчиков П. П. Краткий отчёт о рекогносцировочной поездке хранителя и научного сотрудника Севастопольского музея краеведения П. П. Бабенчикова в деревню Бага Байдарского района для осмотра обнаруженных крестьянами погребений / П. П. Бабенчиков // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 312. Л. 29–30.
Babenchikov P. P. Kratkiy otchet o rekognostirovochnoy poezdke khranitelya i nauchnogo sotrudnika Sevastopol'skogo muzeya kraevedeniya P. P. Babenchikova v derevnyu Baga Baydarskogo rayona dlya osmotra obnaruzhennykh krest'yanami pogrebeniy / P. P. Babenchikov // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii». F. 1. D. 312. L. 29–30.
4. Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде / А. Л. Бертье-Делагард // ИТУАК. – 1920. – Т. 57. – С. 1–136.
Bert'e-Delagard A. L. Issledovanie nekotorykh nedoumennykh voprosov srednevekov'ya v Tavride / A. L. Bert'e-Delagard // Izvestiya Tavricheskoj uchenoy arkhivnoy komissii. – 1920. – T. 57. – S. 1–136.
5. Бочаров С. Г. Историческая география Генуэзской Газарии 1275–1475 гг. / С. Г. Бочаров // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды» : Материалы VII Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова / Ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. – Казань ; Ялта ; Кишинев : Stratum Plus, 2016. – С. 263–268.
Bocharov S. G. Istoricheskaya geografiya Genuezskoy Gazarii 1275–1475 gg. / S. G. Bocharov // «Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na Evraziyskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy» : Materialy VII Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati G. A. Fedorova-Davydova / Red. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov. – Kazan' ; Yalta ; Kishinev : Stratum Plus, 2016. – S. 263–268.
6. Бочаров С. Г., Кирилко В. П. Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя / С. Г. Бочаров, В. П. Кирилко // Stratum plus. – 2016. – № 6. – С. 371–392.
Bocharov S. G., Kirilko V. P. Istoricheskie i arkhitekturnye metamorfozy Sheykh-Koya / S. G. Bocharov, V. P. Kirilko // Stratum plus. – 2016. – № 6. – S. 371–392.

**СЕЛЕНИЯ ЧЕМБАЛЬСКОГО КОНСУЛЬСТВА В XIV–XV ВВ. :
МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ**

7. Бочаров С. Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское / С. Г. Бочаров // Поволжская археология. – 2017. – № 2 (20). – С. 204–223.

Bocharov S. G. Zametki po istoricheskoy geografii Genuezskoy Gazarii XIV–XV vv. Konsul'stvo Chembal'skoe / S. G. Bocharov // Povolzhskaya arkheologiya. – 2017. – № 2 (20). – С. 204–223.

8. Веймарн Е. В. Отчёт о работе по изучению остатков средневековых сельских поселений в Бахчисарайском, Куйбышевском и Балаклавском районах Крымской области в 1953 г. / Е. В. Веймарн // Научный архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». Фонд Л. Ф. Веймарна. Папка 28. Инв. кн. В. Инв. № 248.

Veymarn E. V. Otchet o rabote po izucheniyu ostatkov srednevekovykh sel'skikh poseleniy v Bakhchisarayskom, Kuybyshevskom i Balaklavskom rayonakh Krymskoy oblasti v 1953 g. / E. V. Veymarn // Nauchnyy arkhiv FGBUN «Institut arkheologii Kryma RAN». Fond L. F. Veymarna. Papka 28. Inv. kn. V. Inv. № 248.

9. Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический. Хронологическое описание церквей епархий Херсонской и Таврической // ЗООИД. – 1848. – Т. 2. – С. 140–210.

Gavriil, arkhiepiskop Khersonskiy i Tavricheskiy. Khronologo-statisticheskoe opisanie tserkvey eparkhiy Khersonskoy i Tavricheskiy // ZOOID. – 1848. – Т. 2. – С. 140–210.

10. Галенко А. И. Виноделие в османском Крыму / А. И. Галенко // Дионис–Вакх–Бахус в культуре народов мира. – Симферополь : Крымский Архив, 2002. – Вып. 1. – С. 49–70.

Galenko A. I. Vinodelie v osmanskom Krymu / A. I. Galenko // Dionis–Vakkh–Bakhus v kul'ture narodov mira. – Simferopol' : Krymskiy Arkhiv, 2002. – Вып. 1. – С. 49–70.

11. Галенко А. Гончарное производство и торговля в османской провинции Кефе / А. Галенко // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. – Киев : Сталос, 2005. – Т. 1. – С. 493–504.

Galenko A. Goncharnoe proizvodstvo i trgovlya v osmanskoy provintsii Kefe / A. Galenko // Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv. / Pod red. S. G. Bocharova, V. L. Mytsa. – Kiev : Stilos, 2005. – Т. 1. – С. 493–504.

12. Галенко О. И. Село Камра за записями османских податковых переписей первой половины XVI столетия / О. И. Галенко // Черноморские чтения : Материалы I Всеукраинской исторической научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения С. А. Секиринского и О. И. Домбровского (г. Симферополь, 14–15 марта 2014 г.). – Симферополь : Антикава, 2014. – С. 12–14.

Galenko O. I. Selo Kamra za zapisami osmans'kikh podatkovikh perepisiv pershoi polovini XVI stolittya / O. I. Galenko // Chernomorskie chteniya : Materialy I Vseukrainskoy istoricheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. A. Sekirinskogo i O. I. Dombrovskogo (g. Simferopol', 14–15 marta 2014 g.). – Simferopol' : Antikva, 2014. – С. 12–14.

13. Гинькут Н. В., Яшаева Т. Ю. Некоторые группы поздневизантийской поливной керамики из раскопок К. Э. Гриневича в балке Бермана / Н. В. Гинькут, Т. Ю. Яшаева // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации : Тезисы докладов (г. Севастополь, 5–8 сентября 2014 г.). – Севастополь : Заповедник «Херсонес Таврический», 2014. – С. 40–43.

Gin'kut N. V., Yashaeva T. Yu. Nekotorye gruppy pozdnevizantiyskoy polivnoy keramiki iz raskopok K. E. Grinevicha v balke Bermanna / N. V. Gin'kut, T. Yu. Yashaeva // Polivnaya keramika Prichernomor'ya – Sredizemnomor'ya kak istochnik po izucheniyu Vizantiyskoy tsivilizatsii : Tezisy dokladov (g. Sevastopol', 5–sentyabrya 2014 g.). – Sevastopol' : Zapovednik «Khersones Tavricheskiy», 2014. – С. 40–43.

14. Домбровский О. И. Из археологических исследований на Южном берегу Крыма (1965–1966 гг.) / О. И. Домбровский // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. – Киев : Наукова думка, 1967. – С. 180–183.

Dombrovskiy O. I. Iz arkheologicheskikh issledovaniy na Yuzhnom beregu Kryma (1965–1966 gg.) / O. I. Dombrovskiy // Arkheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1965–1966 gg. – Kiev : Naukova dumka, 1967. – С. 180–183.

15. Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья / О. И. Домбровский // Феодальная Таврика : Материалы по истории и археологии Крыма / Отв. ред. С. Н. Биби-ков. – Киев : Наукова думка, 1974. – С. 3–56.

Dombrovskiy O. I. Srednevekovye poseleniya i «isary» Krymskogo Yuzhnoberezh'ya / O. I. Dombrovskiy // Feodal'naya Tavrika : Materialy po istorii i arkheologii Kryma / Otv. red. S. N. Bibikov. – Kiev : Naukova dumka, 1974. – S. 3–56.

16. Завадская И. А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии) / И. А. Завадская // МАИЭТ. – 2014. – Вып. XIX. – С. 211–239.

Zavadskaya I. A. Periodizatsiya tserkovnogo stroitel'stva na gorodishche Tepsen' (o kafedral'nom khrame Ful'skoy eparkhii) / I. A. Zavadskaya // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2014. – Вып. XIX. – С. 211–239.

17. Занкин А. Б. Поселение VIII–X вв. в урочище Чобан-Таш в Крыму / А. Б. Занкин // Археологічні дослідження на Україні 1992 року / Інститут археології АН України. – Київ, 1993. – С. 59–62.

Zankin A. B. Poselenie VIII–X vv. v urochishche Choban-Tash v Krymu / A. B. Zankin // Arkheologichni doslidzhennya na Ukraïni 1992 roku. – Kiïv : Institut arkheologii AN Ukraïni, 1993. – S. 59–62.

18. Зубарь В. М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове: История раскопок и некоторые итоги изучения / В. М. Зубарь. – Киев: Стило, 2007. – 318 с.

Zubar' V. M. Khora Khersonesa Tavricheskogo na Gerakleyskom poluostrove: Istoriya raskopok i nekotorye itogi izucheniya / V. M. Zubar'. – Kiev: Stilos, 2007. – 318 s.

19. Иванов А. В. Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы / А. В. Иванов // Херсонесский сборник. – 1997. – Вып. 8. – С. 46–52.

Ivanov A. V. Etapy razvitiya i nekotorye cherty topografii Balaklavy / A. V. Ivanov // Khersonesskiy sbornik. – 1997. – Вып. 8. – С. 46–52.

20. Иванов А. В., Савеля О. Я., Филиппенко А. А. Комплекс поливной керамики средневекового Кадьяка / А. В. Иванов, О. Я. Савеля, А. А. Филиппенко // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. – Симферополь : Каламо-пресс, 1998. – С. 108–112.

Ivanov A. V., Savelya O. Ya., Filippenko A. A. Kompleks polivnoy keramiki srednevekovogo Kadykoya / A. V. Ivanov, O. Ya. Savelya, A. A. Filippenko // Istoriko-kul'turnye svyazi Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya X–XVIII vv. po materialam polivnoy keramiki. – Simferopol' : Kalamo-press, 1998. – S. 108–112.

21. Иванов А. В. Балаклава XIV–XVIII вв. Этно-конфессиональный очерк / А. В. Иванов // Херсонесский сборник. – 2003. – Вып. 12. – С. 248–254.

Ivanov A. V. Balaklava XIV–XVIII vv. Etno-konfessional'nyy ocherk / A. V. Ivanov // KhSb. – 2003. – Вып. 12. – С. 248–254.

22. Иванов А. В. Древности Ласпинской долины в сочинениях П. И. Кеппена и его современников / А. В. Иванов // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» : Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена) / Гл. ред. В. Л. Мыц. – Киев : Стило, 2004. – С. 58–64.

Ivanov A. V. Drevnosti Laspinskoy doliny v sochineniyakh P. I. Keppena i ego sovremennikov / A. V. Ivanov // «O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh» : Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letiya so dnya rozhdeniya Petra Ivanovicha Keppena) / Gl. red. V. L. Myts. – Kiev : Stilos, 2004. – S. 58–64.

23. Иванов А. В. Средневековый город при Балаклавской бухте: очерк археологического исследования и некоторые данные к его исторической топографии / А. В. Иванов // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб. ; М. ; Великий Новгород : ОАО «Новгородский технопарк», 2011. – Т. II. – С. 146–148.

Ivanov A. V. Srednevekovyy gorod pri Balaklavskoy bukhte: ocherk arkheologicheskogo issledovaniya i nekotorye dannye k ego istoricheskoy topografii / A. V. Ivanov // Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda. – Sankt-Peterburg ; Moskva ; Velikiy Novgorod : OAO «Novgorodskiy tekhnopark», 2011. – T. II. – S. 146–148.

24. Иванов А. В. Мусульманские культовые постройки османского времени в Инкермане и Балаклаве / А. В. Иванов // Великая схизма. Религии мира до и после разделения церквей : Тезисы докладов и сообщений XVI Международной конференции по истории религии и религиоведению (г. Севастополь, 26–31.05.2014). – Севастополь : Заповедник «Херсонес Таврический», 2014. – С. 17–19.

Ivanov A. V. Musul'manskie kul'tovye postroyki osmanskogo vremeni v Inkermane i Balaklave / A. V. Ivanov // Velikaya skhizma. Religii mira do i posle razdeleniya tserkvey : Tezisy dokladov i soobshcheniy

**СЕЛЕНИЯ ЧЕМБАЛЬСКОГО КОНСУЛЬСТВА В XIV–XV ВВ. :
МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ**

XVI Mezhdunarodnoy konferentsii po istorii religii i religiovedeniyu (g. Sevastopol', 26–31.05.2014). – Sevastopol' : Zapovednik «Khersones Tavricheskii», 2014. – S. 17–19.

25. Кирилко В. П., Мыц В. Л. Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро / В. П. Кирилко, В. Л. Мыц // Византийская Таврика / Отв. ред. П. П. Толочко. – Киев : Наукова думка, 1991. – С. 147–171.

Kirilko V. P., Myts V. L. Krepost' Funa v sisteme oborony knyazhestva Feodoro / V. P. Kirilko, V. L. Myts // Vizantiyskaya Tavrika / Отв. ред. P. P. Tolochko. – Kiev : Naukova dumka, 1991. – S. 147–171.

26. Кондараки В. Х. Байдарская долина (в Таврическом полуострове) / В. Х. Кондараки // ЗООИД. – 1868. – Т. VII. – С. 287–297.

Kondaraki V. Kh. Baydarskaya dolina (v Tavricheskom poluostrove) / V. Kh. Kondaraki // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey. – 1868. – Т. VII. – С. 287–297.

27. Кубанкин Д. А. К вопросу о хронологии Укека и памятников его округа / Д. А. Кубанкин // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». – Материалы VII Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова / Ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. – Казань ; Ялта ; Кишинев : Stratum Plus, 2016. – С. 170–173.

Kubankin D. A. K voprosu o khronologii Ukeka i pamyatnikov ego okrugi / D. A. Kubankin // «Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na Evraziyskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy». – Materialy VII Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati G. A. Fedorova-Davydova / Red. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov. – Kazan' ; Yalta ; Kishinev : Stratum Plus, 2016. – S. 170–173.

28. Латышев В. В. Новые христианские греческие надписи из Крыма / В. В. Латышев // ИТУАК. – 1918. – Т. 54. – С. 33–46.

Latyshev V. V. Novye khristianskie grecheskie nadpisi iz Kryma / V. V. Latyshev // Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii. – 1918. – Т. 54. – С. 33–46.

29. Майко В. В. Археологические материалы второй половины X–XII вв. в Юго-Западном Крыму / В. В. Майко // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия : История. Исторические науки. – 2016. – Т. 2 (68). – № 1. – С. 134–148.

Mayko V. V. Arkheologicheskie materialy vtoroy poloviny X–XII vv. v Yugo-Zapadnom Krymu / V. V. Mayko // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya : Istoriya. Istoricheskie nauki. – 2016. – Т. 2 (68). – № 1. – С. 134–148.

30. Масловский А. Н. О сельской округе Азака (к постановке проблемы) / А. Н. Масловский // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве : Материалы IV международной конференции, посвящённой памяти профессора МГУ Г. А. Фёдорова-Давыдова. Донские древности. – Азов : Изд-во Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника, 2009. – Вып. 10. – С. 321–339.

Maslovskiy A. N. O sel'skoy okruge Azaka (k postanovke problemy) / A. N. Maslovskiy // Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na evraziyskom prostranstve : Materialy IV mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora MGU G. A. Fedorova-Davydova. Donskie drevnosti. – Azov : Izdatel'stvo Azovskogo istoriko-arkheologicheskogo i paleontologicheskogo muzeya-zapovednika, 2009. – Вып. 10. – С. 321–339.

31. Махнёва О. А. Средневековые памятники на побережье от Ласпи до Голубого залива / О. А. Махнёва // Археологические исследования на Украине в 1967 г. – Киев : Наукова думка, 1968. – С. 53–57.

Makhneva O. A. Srednevekoveye pamyatniki na poberezh'e ot Laspi do Golubogo zaliva / O. A. Makhneva // Arkheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1967 g. – Kiev : Naukova dumka, 1968. – S. 53–57.

32. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. / В. Л. Мыц. – Киев : Наукова думка, 1991. – 164 с.

Myts V. L. Ukrepleniya Tavriki X–XV vv. / V. L. Myts. – Kiev : Naukova dumka, 1991. – 164 s.

33. Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты / В. Л. Мыц. – Симферополь : Универсум, 2009. – 528 с.

Myts V. L. Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty / V. L. Myts. – Simferopol' : Universum, 2009. – 528 s.

34. Недашковский Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа / Л. Ф. Недашковский. – М. : Восточная литература, 2010. – 351 с.

Nedashkovskiy L. F. Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ya i ikh okruga / L. F. Nedashkovskiy. – Moskva : Vostochnaya literatura, 2010. – 351 s.

35. Неделькин Е. В. Границы княжества Феодоро и Генуэзской республики в Юго-Западной Таврике / Е. В. Неделькин // Причерноморье. История, политика, культура. – 2016. – Вып. XIX (VI). – Серия А. Античность и средневековье. – С. 81–106.

Nedel'kin E. V. Granitsy knyazhestva Feodoro i Genuezskoy respubliki v Yugo-Zapadnoy Tavrike / E. V. Nedel'kin // Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura. – 2016. – Vyp. XIX (VI). – Seriya A. Antichnost' i srednevekov'e. – S. 81–106.

36. Неделькин Е. В. Греческое село Камара в Средние века / Е. В. Неделькин // Черноморские чтения : Труды III международной научной исторической конференции (г. Симферополь, 5 апреля 2016 г.). – Симферополь : Антиква, 2017. – С. 61–66.

Nedel'kin E. V. Grecheskoe selo Kamara v Srednie veka / E. V. Nedel'kin // Chernomorskie chteniya : Trudy III mezhdunarodnoy nauchnoy istoricheskoy konferentsii (g. Simferopol', 5 aprelya 2016 g.). – Simferopol' : Antikva, 2017. – S. 61–66.

37. Неделькин Е. В. Древности села Гончарное / Е. В. Неделькин // Литературная газета + Курьер культуры : Крым–Севастополь. – 2017. – № 14 (62). – 27 июля. – С. 2.

Nedel'kin E. V. Drevnosti sela Goncharnoe / E. V. Nedel'kin // Literaturnaya gazeta + Kur'er kul'tury : Krym–Sevastopol'. – 2017. – № 14 (62). – 27 iyulya. – S. 2.

38. Неделькин Е. В. Новобобровка – средневековое село гончаров / Е. В. Неделькин // Литературная газета + Курьер культуры : Крым–Севастополь. – 2017. – № 12 (60). – 29 июня. – С. 2.

Nedel'kin E. V. Novobobrovka – srednevekovoe selo goncharov / E. V. Nedel'kin // Literaturnaya gazeta + Kur'er kul'tury : Krym–Sevastopol'. – 2017. – № 12 (60). – 29 iyunya. – S. 2.

39. Неделькин Е. В. Село Оборонное (Камара) в средние века / Е. В. Неделькин // Севастопольские известия. – 2017. – № 34 (1932). – 26 августа. – С. 9.

Nedel'kin E. V. Selo Oboronnoe (Kamara) v srednie veka / E. V. Nedel'kin // Sevastopol'skie izvestiya. – 2017. – № 34 (1932). – 26 avgusta. – S. 9.

40. Неделькин Е. В. Село Родниковое в средние века / Е. В. Неделькин // Литературная газета + Курьер культуры : Крым–Севастополь. – 2017. – № 9 (57). – 11 мая. – С. 2.

Nedel'kin E. V. Selo Rodnikovoe v srednie veka / E. V. Nedel'kin // Literaturnaya gazeta + Kur'er kul'tury : Krym–Sevastopol'. – 2017. – № 9 (57). – 11 maya. – S. 2.

41. Неделькин Е. В. Село Черноречье (Чоргунь) в османский период (1475–1774 годы) / Е. В. Неделькин // Причерноморье. История, политика, культура. – 2017. – Вып. XXII (VII). – Серия А. Античность и средневековье. – С. 106–126.

Nedel'kin E. V. Selo Chernorech'e (Chorgun') v osmanskiy period (1475–1774 gody) / E. V. Nedel'kin // Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura. – 2017. – Vyp. XXII (VII). – Seriya A. Antichnost' i srednevekov'e. – S. 106–126.

42. Новиченков В. И., Новиченкова Н. Г. Об исторической топографии «готской земли» в ранне-средневековом Крыму / В. И. Новиченков, Н. Г. Новиченкова // Восток–Запад : Межконфессиональный диалог : Сб. научных трудов по материалам IV Международной Крымской конференции по религиоведению. – Севастополь : Стрижак-пресс, 2003. – С. 35–42.

Novichenkov V. I., Novichenkova N. G. Ob istoricheskoy topografii «gotskoy zemli» v rannesrednevekovom Krymu / V. I. Novichenkov, N. G. Novichenkova // Vostok–Zapad : Mezhhkonfessional'nyy dialog : Sb. nauchnykh trudov po materialam IV Mezhdunarodnoy Krymskoy konferentsii po religiovedeniyu. – Sevastopol' : Strizhak-press, 2003. – S. 35–42.

43. Общины «Готии». Деревня средневекового Крыма // Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму / Отв. ред.-сост. И. О. Домбровский. – Симферополь : Крым, 1966. – С. 98–118.

Obshchiny «Gotii». Derevnya srednevekovogo Kryma // Dorogoy tysyacheletiy. Ekskursii po srednevekovomu Krymu / Otv. red.-sost. I. O. Dombrovskiy. – Simferopol' : Krym, 1966. – S. 98–118.

44. Отчёт о полевых исследованиях в Балаклавском районе г. Севастополя в 1979 году // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2087.

Otchet o polevykh issledovaniyakh v Balaklavskom rayone g. Sevastopolya v 1979 godu // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy». F. 1. D. 2087.

45. Отчёт Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в Балаклавском районе г. Севастополя в 1987 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2766.

**СЕЛЕНИЯ ЧЕМБАЛЬСКОГО КОНСУЛЬСТВА В XIV–XV ВВ. :
МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ**

Отчет Sevastopol'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii o polevykh issledovaniyakh v Balaklavskom rayone g. Sevastopolya v 1987 g. // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy». F. 1. D. 2766.

46. Отчёт Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в Балаклавском районе г. Севастополя в 1989 г. // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2912.

Отчет Sevastopol'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii o polevykh issledovaniyakh v Balaklavskom rayone g. Sevastopolya v 1989 g. // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy». F. 1. D. 2912.

47. Паршина Е. А. Средневековая керамика Ласпи и Симеиза (По материалам раскопок 1966 г.) / Е. А. Паршина // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. – Киев : Наукова думка, 1967. – С. 183–187.

Parshina E. A. Srednevekovaya keramika Laspi i Simeiza (Po materialam raskopok 1966 g.) / E. A. Parshina // Arkheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1965–1966 gg. – Kiev : Naukova dumka, 1967. – S. 183–187.

48. Паршина Е. А. Исследование в урочище Ласпи / Е. А. Паршина // Археологические открытия 1976 года. – М. : Наука, 1977. – С. 350–361.

Parshina E. A. Issledovanie v urochishche Laspi / E. A. Parshina // Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda. – Moskva : Nauka, 1977. – S. 350–361.

49. Паршина Е. А., Мыц В. Л. Исследования в урочище Ласпи / Е. А. Паршина, В. Л. Мыц // Археологические открытия 1977 года. – М. : Наука, 1978. – С. 368–369.

Parshina E. A., Myts V. L. Issledovaniya v urochishche Laspi / E. A. Parshina, V. L. Myts // Arkheologicheskie otkrytiya 1977 goda. – Moskva : Nauka, 1978. – S. 368–369.

50. Паршина Е. А., Мыц В. Л. Исследования в урочище «Ласпи» / Е. А. Паршина, В. Л. Мыц // Археологические открытия 1978 года. – М. : Наука, 1979. – С. 382–383.

Parshina E. A., Myts V. L. Issledovaniya v urochishche «Laspi» / E. A. Parshina, V. L. Myts // Arkheologicheskie otkrytiya 1978 goda. – Moskva : Nauka, 1979. – S. 382–383.

51. Паршина Е. А. Раскопки на городище Эски-Кермен и в урочище Ласпи / Е. А. Паршина // Археологические открытия 1979 года. – М. : Наука, 1980. – С. 321.

Parshina E. A. Raskopki na gorodishche Eski-Kermen i v urochishche Laspi / E. A. Parshina // Arkheologicheskie otkrytiya 1979 goda. – Moskva : Nauka, 1980. – S. 321.

52. Паршина Е. А., Савеля О. Я. О разведках в урочище Ласпи // Археологічні дослідження в Україні 1991 року / Е. А. Паршина, О. Я. Савеля. – Луцьк : Надстир'я, 1993. – С. 86–87.

Parshina E. A., Savelya O. Ya. O razvedkakh v urochishche Laspi // Arkheologichni doslidzhennya v Ukraїni 1991 roku / E. A. Parshina, O. Ya. Savelya. – Luts'k : Nadstir'ya, 1993. – S. 86–87.

53. Паршина Е. А. Керамический комплекс в урочище Чобан-Таш (Юго-Западный склон г. Ильяс-Кая) / Е. А. Паршина // Археологічні дослідження на Україні 1992 року. – Київ : Інститут археології АН України, 1993. – С. 107–109.

Parshina E. A. Keramicheskiy kompleks v urochishche Choban-Tash (Yugo-Zapadnyy sklon g. Ilyas-Kaya) / E. A. Parshina // Arkheologichni doslidzhennya na Ukraїni 1992 roku. – Kiїv : Institut arkheologii AN Ukraїni, 1993. – S. 107–109.

54. Пигарев Е. М. Золотоордынский город и его округа на Нижней Волге / Е. М. Пигарев // Археология Нижнего Поволжья : Проблемы, поиски, открытия : Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань : Изд-во АГУ, 2010. – С. 346–351.

Pigarev E. M. Zolotoordynskiy gorod i ego okruga na Nizhney Volge / E. M. Pigarev // Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya : Problemy, poiski, otkrytiya : Materialy III Mezhdunarodnoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii. – Astrakhan' : Izdatel'stvo Astrakhanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. – S. 346–351.

55. Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма / Н. И. Репников // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3635.

Repnikov N. I. Materialy k arkheologicheskoy karte yugo-zapadnogo nagor'ya Kryma / N. I. Repnikov // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy». F. 1. D. 3635.

56. Руденко К. А. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) / К. А. Руденко // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. – Казань ; Симферополь ; Кишинев : Stratum plus, 2015. – С. 255–364.

Rudenko K. A. Pamyatniki epokhi Zolotoy Ordy na Sredney Volge (Bulgarskiy ulus Zolotoy Ordy) / K. A. Rudenko // *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda* / *Otv. red. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov.* – Kazan' ; Simferopol' ; Kishinev : Stratum plus, 2015. – S. 255–364.

57. Савеля О. Я., Суханова И. Ю. Поселение у села Оборонное / О. Я. Савеля, И. Ю. Суханова // *НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2252. Л. 20–26.*

Savelya O. Ya., Sukhanova I. Yu. Poselenie u sela Oboronnoe / O. Ya. Savelya, I. Yu. Sukhanova // *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy».* F. 1. D. 2252. L. 20–26.

58. Савеля О. Я., Суханова И. Ю. Средневековое поселение у села Оборонное / О. Я. Савеля, И. Ю. Суханова // *НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2324. Л. 15–24.*

Savelya O. Ya., Sukhanova I. Yu. Srednevekovoe poselenie u sela Oboronnoe / O. Ya. Savelya, I. Yu. Sukhanova // *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy».* F. 1. D. 2324. L. 15–24.

59. Савеля О. Я., Суханова И. Ю. Средневековое поселение у села Оборонное / О. Я. Савеля, И. Ю. Суханова // *НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2389. Л. 15–23.*

Savelya O. Ya., Sukhanova I. Yu. Srednevekovoe poselenie u sela Oboronnoe / O. Ya. Savelya, I. Yu. Sukhanova // *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy».* F. 1. D. 2389. L. 15–23.

60. Савеля О. Я., Суханова И. Ю. Средневековое поселение у села Оборонное / О. Я. Савеля, И. Ю. Суханова // *НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2697. Л. 25–30.*

Savelya O. Ya., Sukhanova I. Yu. Srednevekovoe poselenie u sela Oboronnoe / O. Ya. Savelya, I. Yu. Sukhanova // *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy».* F. 1. D. 2697. L. 25–30.

61. Савеля О. Я., Суханова И. Ю. Средневековое поселение у села Оборонное / О. Я. Савеля, И. Ю. Суханова // *НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2766. Л. 36–45.*

Savelya O. Ya., Sukhanova I. Yu. Srednevekovoe poselenie u sela Oboronnoe / O. Ya. Savelya, I. Yu. Sukhanova // *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy».* F. 1. D. 2766. L. 36–45.

62. Стржелецкий С. Ф. Разведки деревень округа Херсонеса / С. Ф. Стржелецкий // *НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1312.*

Strzheletskiy S. F. Razvedki dereven' okrugi Khersonesa / S. F. Strzheletskiy // *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy».* F. 1. D. 1312.

63. Телегин Д. Я., Зализняк Л. Л. Отчёт об исследованиях культуры раковинных куч первобытной эпохи на Южном берегу Крыма в 1973 году / Д. Я. Телегин, Л. Л. Зализняк // *НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1693.*

Telegin D. Ya., Zaliznyak L. L. Otchet ob issledovaniyakh kul'tury rakovinnnykh kuch pervobytnoy epokhi na Yuzhnom beregu Kryma v 1973 godu / D. Ya. Telegin, L. L. Zaliznyak // *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy».* F. 1. D. 1693.

64. Устав для генуэзских колоний в Чёрном море, изданный в Генуе в 1449 г. / Пер. и коммент. В. Н. Юргевича // *ЗООИД.* – 1863. – Т. V. – С. 629–837.

Ustav dlya genuezskikh koloniy v Chernom more, izdannyy v Genue v 1449 g. / Per. i komment. V. N. Yurjevicha // *ZOOID.* – 1863. – T. V. – S. 629–837.

65. Фирсов Л. В. Исары : Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма / Л. В. Фирсов. – Новосибирск : Наука, 1990. – 472 с.

Firsov L. V. Isary : Ocherki istorii srednevekovykh krepostey Yuzhnoy berega Kryma / L. V. Firsov. – Novosibirsk : Nauka, 1990. – 472 s.

66. Шавшин В. Г. Имя дома твоего. Книга II. Описание географических названий (топонимов) Севастопольского региона / В. Г. Шавшин. – Киев ; Севастополь : Телескоп, 2012. – 384 с.

Shavshin V. G. Imya doma tvoego. Kniga II. Opisanie geograficheskikh nazvaniy (toponimov) Sevastopol'skogo regiona / V. G. Shavshin. – Kiev ; Sevastopol' : Teleskop, 2012. – 384 s.

67. Яворская Л. В., Антипина Е. Е. География и особенности жизнеобеспечения городов Золотой Орды по археозоологическим данным / Л. В. Яворская, Е. Е. Антипина // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды» : Материалы VII Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Федорова-Давыдова / Ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. – Казань ; Ялта ; Кишинев : Stratum Plus, 2016. – С. 204–210.

Yavorskaya L. V., Antipina E. E. Geografiya i osobennosti zhizneobespecheniya gorodov Zolotoy Ordy po arkeozoologicheskim dannym / L. V. Yavorskaya, E. E. Antipina // «Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na Evraziyskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy» : Materialy VII Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati G. A. Fedorova-Davydova / Red. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov. – Kazan' ; Yalta ; Kishinev : Stratum Plus, 2016. – S. 204–210.

68. Якобсон А. Л. Отчёт о раскопках средневековых поселений в Байдарской долине в 1956 г. / А. Л. Якобсон // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 729.

Yakobson A. L. Otchet o raskopkakh srednevekovykh poseleniy v Baydarskoy doline v 1956 g. / A. L. Yakobson // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Kherones Tavricheskiy». F. 1. D. 729.

69. Якобсон А. Л. Отчёт о раскопках средневекового поселения в с. Н. Бобровка (бывш. Бага) в 1957 г. / А. Л. Якобсон // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 731.

Yakobson A. L. Otchet o raskopkakh srednevekovogo poseleniya v s. N. Bobrovka (byvsh. Baga) v 1957 g. / A. L. Yakobson // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Kherones Tavricheskiy». F. 1. D. 731.

70. Якобсон А. Л. Отчёт о раскопках в Н. Бобровке в 1958 г. / А. Л. Якобсон // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 743.

Yakobson A. L. Otchet o raskopkakh v N. Bobrovke v 1958 g. / A. L. Yakobson // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Kherones Tavricheskiy». F. 1. D. 743.

71. Якобсон А. Л. Отчёт о раскопках средневекового поселения в Н. Бобровке (Байдарская долина Крымской области) в 1959 г. / А. Л. Якобсон // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 749.

Yakobson A. L. Otchet o raskopkakh srednevekovogo poseleniya v N. Bobrovke (Baydarskaya dolina Krymskoy oblasti) v 1959 g. / A. L. Yakobson // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Kherones Tavricheskiy». F. 1. D. 749.

72. Якобсон А. Л. Средневековые поселения в Байдарской долине (раскопки 1956 г.) / А. Л. Якобсон // КСИИМК. – 1959. – Вып. 76. – С. 90–102.

Yakobson A. L. Srednevekovye poseleniya v Baydarskoy doline (raskopki 1956 g.) / A. L. Yakobson // KSIIMK. – 1959. – Vyp. 76. – S. 90–102.

73. Якобсон А. Л. Отчёт о раскопках средневековых поселений юго-западного Крыма в 1960 г. / А. Л. Якобсон // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 763.

Yakobson A. L. Otchet o raskopkakh srednevekovykh poseleniy yugo-zapadnogo Kryma v 1960 g. / A. L. Yakobson // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Kherones Tavricheskiy». F. 1. D. 763.

74. Якобсон А. Л. Отчёт о раскопках средневековых поселений в юго-западном Крыму в 1962 г. / А. Л. Якобсон // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 817.

Yakobson A. L. Otchet o raskopkakh srednevekovykh poseleniy v yugo-zapadnom Krymu v 1962 g. / A. L. Yakobson // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Kherones Tavricheskiy». F. 1. D. 817.

75. Якобсон А. Л. Средневековые сельские поселения Юго-Западного Крыма / А. Л. Якобсон // Византийский временник. – 1962. – Т. XXI. – С. 165–177.

Yakobson A. L. Srednevekovye sel'skie poseleniya Yugo-Zapadnogo Kryma / A. L. Yakobson // Vizantiyskiy vremennik. – 1962. – T. XXI. – S. 165–177.

76. Якобсон А. Л. Отчёт о раскопках средневековых поселений в Крыму в 1963 г. / А. Л. Якобсон // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 833.

Yakobson A. L. Otchet o raskopkakh srednevekovykh poseleniy v Krymu v 1963 g. / A. L. Yakobson // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Kherones Tavricheskiy». F. 1. D. 833.

77. Якобсон А. Л. Отчёт о раскопках близ села Гончарного в 1964 г. / А. Л. Якобсон // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 841.

Yakobson A. L. Otchet o raskopkakh bliz sela Goncharnogo v 1964 g. / A. L. Yakobson // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Kherones Tavricheskiy». F. 1. D. 841.

78. Якобсон А. Л. Отчёт о раскопках раннесредневекового сельского поселения бл. с. Передовое (бывш. Уркуста) в Байдарской долине в 1965 г. / А. Л. Якобсон // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 850.

Yakobson A. L. Otchet o raskopkakh rannesrednevekovogo sel'skogo poseleniya bl. s. Peredovoe (byvsh. Urkusta) v Baydarskoy doline v 1965 g. / A. L. Yakobson // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Kherones Tavricheskiy». F. 1. D. 850.

79. Якобсон А. Л. Отчёт о раскопках средневековых сельских поселений в Крыму в 1966 году / А. Л. Якобсон // НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 852.

Yakobson A. L. Otchet o raskopkakh srednevekovykh sel'skikh poseleniy v Krymu v 1966 godu / A. L. Yakobson // Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy». F. 1. D. 852.

80. Якобсон А. Л. Раскопки раннесредневековых поселений в Юго-Западном Крыму / А. Л. Якобсон // Археологические открытия 1966 года. – М. : Наука, 1967. – С. 252–254.

Yakobson A. L. Raskopki rannesrednevekovykh poseleniy v Yugo-Zapadnom Krymu / A. L. Yakobson // Arkheologicheskie otkrytiya 1966 goda. – Moskva : Nauka, 1967. – S. 252–254.

81. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики / А. Л. Якобсон // МИА. – 1970. – № 186. – 224 с.

Yakobson A. L. Rannesrednevekovye sel'skie poseleniya Yugo-Zapadnoy Tavriki / A. L. Yakobson // MIA. – 1970. – № 186. – 224 s.

82. Beldiceanu-Steinherr I., Berindei M., Veinstein G. La Crimée ottomane et l'institution du «timār» // Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. – 1979. – Vol. 39. – P. 523–562.

83. Öztürk Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475–1600. – Ankara : Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2000. – XXXIV, 570 s.

Bocharov S. G., Nedelkin E. V. The villages of the Consulate of Cembalo in the 14th–15th centuries. Materials to the archaeological map

This article is dedicated to the study of the historical landscape of one of the rural areas under Domain of the Republic of Genova in the Southern part of the Crimean peninsula. In modern historiography reflected three main points of view on the size of the territory of the rural district of the Genoese city of Cembalo. In this article, we would like to give a scientific discussion about the boundaries of the Consulate of Cembalo and transfer it to the field of gathering and accumulating facts about the objects of this district. Considered archaeological sources used in historical and geographical studies of the borders of one of the Genoese possessions on the Crimean peninsula – the Consulate of Cembalo in 14th–15th centuries. Published list of 18 medieval villages located in the modern administrative zone of the city of Sevastopol, which demonstrates how information about them was presented in written sources and the degree of archaeological study of these monuments. In general, today we are at the initial stage of their research, archaeological excavations were not carried on most part of this villages.

Keywords: Golden Horde, Byzantinum, Genoese Gazaria, Consulate of Cembalo, rural district, historical geography, borders, villages, archaeological monuments.

УДК 94(47).084.3(477.75)

БЕЛАЯ КОНТРАЗВЕДКА В КРЫМУ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

Крестьянников В. В.

Севастополь, Российская Федерация

E-mail: Krestyannikow@mail.ru

Цель данной статьи – показать деятельность органов контрразведки белой армии в одном из центров белого движения – в Крыму – на материалах отечественных архивов, которые дают возможность осветить не только общее направление деятельности органов контрразведки, но и становление их, совершенствование структуры от разрозненных пунктов до централизованной системы, показать формы и методы действий контрразведки на примере одного региона.

Ключевые слова: контрразведка, Деникин, Врангель, подполье, Севастополь.

В конце оккупации Крыма германскими войсками 10 октября 1918 года в Ялте был создан Крымский центр по делам Добровольческой армии¹ с целью «объединения работ Крымского полуострова в интересах Добровольческой армии» [42, л. 1]. Вся территория полуострова была разбита на районы, или «частные центры»: г. Севастополь и район до Балаклавы, Симферополь и Евпатория, Феодосия и Керчь, Ялта и окрестности, Алушка и окрестности для формирования на этих территориях воинских подразделений.

В конце ноября в Севастопольскую бухту вошли суда Антанты. В Севастополь, Ялту и Керчь вступили отряды белой армии, и уже через несколько дней, 28 ноября, при штабе командующего войсками Добровольческой армии в Крыму было создано Особое отделение (контрразведка). Территориальные пункты были сформированы в городах Крыма в декабре 1918 – январе 1919 г. В январе при штабе Крымско-Азовской армии была организована судебно-следственная комиссия «в целях более успешной борьбы с большевизмом» [42, л. 28].

Созданные контрразведывательные пункты не имели штатов, персонал был не квалифицированный, агентурная сеть слаба, и поэтому белое командование не могло противостоять мощному подполью, созданному в крупных городах Крыма.

Сводки осведомительного бюро о положении в Крыму носили общий характер: об отношении населения и профсоюзов к Добровольческой армии, об обстреле патрулей и учреждений, о безработице, о распространении листовок среди частей Добровольческой армии и войск Антанты и т. д. [24, с. 166; 44, л. 9; 54, с. 107] без конкретных сведений о подполье и успехах в борьбе с ним.

Тем не менее контрразведке в Севастополе удалось обнаружить склад оружия и арестовать нескольких подпольщиков, в том числе руководителя Бартеневской

¹ С 15(28) ноября 1918 г. войска Добровольческой армии в Крыму, с 24 декабря 1918 г. – Крымско-Азовский корпус, с 10 января 1919 г. – Крымско-Азовская Добровольческая армия, с 22 мая 1919 г. – Зармейский корпус, с 20 августа 1919 г. – войска Новороссийской области, расформированные с 27 марта 1920 г.

группы. Опасаясь предательства, несколько подпольщиков переехали в Одессу и города Крыма, продолжая вести работу против Добровольческой армии [56, с. 124]. В марте 1919 г. контрразведка арестовала по подозрению в принадлежности к стачечному комитету несколько человек, но из них к подполью принадлежали только двое [28, с. 148].

Часто в городах проводились облавы, которые не давали больших результатов, но трупы арестованных по подозрению в связях с подпольем находили с множественными огнестрельными и колотыми ранами. Так были убиты Хазаров, И. Ф. Голубович, Н. Яшук, Ф. П. Коновенко [17, с. 33, 42; 29; 23, с. 11].

В январе–марте 1919 г. на Украине и в Донецкой области военная обстановка сложилась не в пользу белой армии. На территории, занятой частями Красной Армии, осталось большое количество офицеров, врачей и военных чиновников, которые не смогли или не пожелали эвакуироваться. В связи с этим Главнокомандующий Вооружённых сил на юге России (далее ВСЮР) генерал А. И. Деникин в феврале 1919 г. приказом № 312 создал особую комиссию, которая должна была рассматривать факты службы «в войсках или военных учреждениях Советской большевистской республики кого-либо из чинов» и уклонения от службы в ВСЮР, а также выяснять, кто уклоняется от службы, и обстоятельства этого, чтобы в будущем «придать суду за побег и уклонение от службы тех, кто не представит доказательства законности своей неявки» [30]. Были созданы и региональные следственные и военно-следственные комиссии.

На задачу выявления служивших в Красной Армии и учреждениях Советской власти была нацелена и контрразведка, в марте 1919 г. разделённая на военную и морскую, с сохранением за обеими «руководящих функций» [13, с. 94].

В конце мая – июне военная обстановка вновь изменилась, к июню весь фронт Красной Армии отступает на север, и 26 июня части 3 армейского корпуса генерала Н. Н. Шилинга вошли в Севастополь. Вновь были отданы приказы Штаба ВСЮР о выявлении лиц, служивших Советской власти, и привлечении их к уголовной ответственности, направляя их в контрразведку и следственные комиссии [19].

В свою очередь морское командование создало следственную комиссию «для обследования в порядке дознания причин неявки офицеров, врачей и чиновников Морского ведомства в порты, занятые вооружёнными силами и из-за границы, равно как и выяснения характера деятельности тех из них, кои остались в районе, занимаемом большевиками» под председательством флота генерал-майора Скворцова [31].

Приказом Главнокомандующего ВСЮР № 1361 27 июня 1919 г. была учреждена судебно-следственная комиссия Морского ведомства с теми же целями при Главном командире судов и портов Черного и Азовского морей вице-адмирале М. П. Саблине [33]. Комиссия имела право передать дела в военно-полевой суд или решать дела в административном порядке – содержание на гауптвахте от 3 до 4 месяцев с ограничением некоторых прав, разжалование в матросы от 3 месяцев до 12 лет, отрешение от должности, удаление от службы и из пределов территории, занятой ВСЮР. 20 июля судебно-следственная комиссия прибыла в Севастополь и развернула свою деятельность.

С приходом частей белой армии в Крым в Симферополе, Севастополе, Евпатории, Ялте и Феодосии были созданы контрразведывательные пункты (в Керчи он находился все время, т. к. территория полуострова белыми войсками не сдавалась), в которых находилось от 5 до 9 офицеров [43]. Одновременно в этих городах, а также в Евпатории начали работу отделения Таврической судебной следственной комиссии [41, л. 9] и военно-следственные комиссии. На территории Крыма в военно-следственных комиссиях служили 24 генерала и штаб-офицера, из них только 9 имели юридическое образование. На середину августа в производстве этих комиссий находилось 1382 дела.

Проверявшая в середине августа 1919 г. комендантские управления и связанные с ними органы в Крыму комиссия генерал-майора Васильева и полковника Прокоповича сделала следующие выводы по контрразведке: «Штатов нет, а временный состав повсюду мал. Личный состав в большинстве случаев был совершенно несоответствующий, теперь начинает улучшаться, но и сейчас имеет много совершенно неподготовленных к работе в контрразведке... Кроме того, необходимо вообще постоянное руководство свыше, чего до сих пор из Симферопольского центра не практиковалось... Желательно было бы объединить деятельность контрразведки и уголовного розыска или установить между ними большую связь... Самочинные контрразведки были в Севастополе, в Ялте, в Феодосии, в районе Керчи, в Евпатории и Мелитополе. Борьба с самочинными контрразведчиками должна быть беспощадной, так как ничто так не подрывает авторитет Д. Армии, как незаконные действия этих самочинных органов власти» [43].

«Самочинные» контрразведчики были арестованы ещё до приезда комиссии, но приказ о судебной ответственности за самовольную организацию «наблюдательных органов» был издан только генералом П. Н. Врангелем в конце мая 1920 г. (Приказ № 3248 от 28 мая 1920 г.) [13, с. 96], в это же время произошло и объединение контрразведывательных органов и уголовного розыска.

Севастополю – главной базе Черноморского флота, где находилось большое количество офицеров и чиновников, уделялось особое внимание, и поэтому помимо следственных, военно-следственных, судебной следственной комиссий и уголовно-розыскного управления, работало три контрразведывательных пункта: контрразведывательное отделение штаба Севастопольской крепости, Севастопольский контрразведывательный пункт Штаба Главнокомандующего ВСЮР и Севастопольский пункт Особого отделения Морского управления.

Крепостное контрразведывательное отделение просуществовало недолго, так как оно оказалось «самочинным», и уже 15 июля 1919 г. начальник отделения полковник Руцинский был арестован по приказу коменданта крепости за плохую работу, взяточничество и присвоение денег [48]. 4 августа было расформировано отделение и назначена комиссия для выяснения, «кто и когда был зачислен в отделение, и его численности» [50]. Военно-полевой суд над С. И. Руцинским состоялся в августе 1920 г. и за присвоение чина полковника (служил в 1919 г. техником крепостной артиллерии) он был приговорен к каторжным работам на 4 года [27].

Севастопольский контрразведывательный пункт Штаба Главного командующего ВСЮР, замыкавшийся на отдел Генерального Штаба Военного правления, возглавлял штабс-капитан Филатов [4; 17, с. 41], в начале 1919 г. служивший старшим следователем Севастопольского контрразведывательного отделения. Личный состав контрразведывательного пункта комплектовался из армейских обер-офицеров Севастопольского комендантского батальона [46]. Главной задачей пункта было выявление и арест лиц, служивших в органах Советской власти, причём арестовывались и лица, принадлежавшие к РСДРП (объединённой) и партии социалистов-революционеров, которые служили при большевиках в городском самоуправлении.

Аресту лиц, подозреваемых в сотрудничестве с советской властью, способствовал и обмен списками разыскиваемых лиц, рассылаемыми в региональные контрразведки [38].

В середине июля начали формироваться из младших офицеров (прапорщиков по адмиралтейству и мичманов военного времени) Севастопольский и Керченский пункты особого отделения Морского управления [51; 32].

30 августа 1919 г. приказом генерала Деникина № 2097 были объявлены временные штаты контрразведывательной части Управления генерал-квартирмейстера Штаба главного командующего ВСЮР, контрразведывательного отдела генерал-квартирмейстера неотдельной армии и Штабов областей и военных губернаторов, контрразведывательных пунктов 1, 2 и 3 разрядов и контрразведывательного поста. Начальниками контрразведывательной части и отделения могли быть только генералы и штаб-офицеры Генерального Штаба. Контрразведывательная часть состояла из розыскного (начальник – офицер, специалист по розыску), судного (начальник – военный юрист), общего отделений и конвойной команды. Штат был определен в 18 офицеров, 11 военных чиновников и 45 нижних чинов [37].

В контрразведывательном отделении обязанности распределялись между помощниками начальника по розыскной и судной частям, заведующими агентурой и наружным наблюдением. В их распоряжении были офицеры для поручений, чиновники, писари и конвойная команда – всего 16 офицеров, 6 военных чиновников и 24 нижних чина.

Контрразведывательные пункты и посты находились при армейских корпусах и в крупных городах. В контрразведывательном пункте 1 разряда состояло 10 офицеров, 3 военных чиновника и 18 нижних чинов, 3 разряда – 5 офицеров, 2 военных чиновника и 9 нижних чинов, в контрразведывательном посту – 2 офицера [39]. Число агентов наружного наблюдения определялось начальником контрразведывательного пункта или поста с утверждением вышестоящим начальником. Агенты содержались на особо отпускаемые средства.

В сентябре 1919 г. были утверждены временные штаты судебно-следственных комиссий [40]. В августе 1919 г. вышли два важнейших документа, регламентирующих деятельность всех подразделений контрразведки – «Правила производства чинами контрразведывательной службы в Вооруженных Силах на юге России арестов, обысков и расследований» и «Инструкция для ведения агентурного делопроизводства контрразведывательными органами» [36, л. 1–6].

Активная работа контрразведывательных следственных органов по выявлению и аресту лиц, служивших в Красной Армии и органах Советской власти, приносила заметный успех. Уже на 1 сентября только в Севастопольской тюрьме числилось 138 политических заключенных, а на 1 октября – 193 [22, с. 102; 54, с. 144]. В декабре 1919 г. в докладе ЦК РКП(б) крымские большевики писали, что, по данным севастопольской контрразведки, 736 жителям города было предъявлено обвинение в активном большевизме [14, с. 84].

Эвакуировавшиеся из Севастополя в конце июня 1919 г. органы Советской власти не успели создать организованное подполье. Большинство членов подпольного обкома РКП(б) находились за пределами Крыма, и поэтому созданный в августе на подпольной конференции большевиков в Севастополе горком во главе с В. Хоткевичем взял себя функции подпольного обкома и наметил пути борьбы против белой армии. Подпольный горком РКП(б) организовал печатание листовок и доставку их в другие города Крыма. В ноябре 1919 г. во главе с Я. Я. Бабаханяном в Симферополе был организован подпольный обком РКП(б), ставший центром подпольного сопротивления. В этом же месяце на третьей подпольной конференции был избран новый состав подпольного Севастопольского ГК РКП(б) во главе с А. И. Бунаковым (Рытвинским). Этот комитет создал широкую сеть подпольных групп на предприятиях города и в воинских частях белой армии и флота [25, с. 63].

Активизация подполья по времени совпадает с формированием в Севастополе особого отделения Морского управления в октябре 1919 г. (одновременно был расформирован Севастопольский пункт этого отделения). Генерал А. И. Деникин остерегался привлекать к контрразведывательной службе бывших жандармских офицеров, и поэтому во главе Особого отделения был поставлен морской офицер, капитан 2 ранга Я. К. Туманов. Помощником к нему был назначен старший лейтенант А. П. Автамонов. В 1915 г. в чине ротмистра он был прикомандирован к Севастопольскому жандармскому управлению, старшим лейтенантом переведён во флот, возглавил особое отделение (контрразведывательное) Штаба командующего Черноморским флотом.

Особое отделение формировалось из офицеров и гардемарин флота. По составу – это потомственные дворяне, дети купцов и священников, бывшие студенты и офицеры военного времени. К профессионалам можно отнести только трёх – А. П. Автамонова, прапорщика по адмиралтейству В. П. Бравчинского, окончившего юридический факультет университета, и чиновника Н. К. Герцфельда, служившего в полиции, а с июня 1919 г. возглавлявшего осведомительное отделение при коменданте г. Ялты [52]. Большинство чинов принимало участие в белом движении с первых месяцев.

Главной задачей Особого отделения Морского управления с первых дней формирования стала борьба с организованным подпольем, именно Особое отделение преуспело в этом. Первый удар по подполью был нанесен с 22 декабря 1919 г. по 13 января 1920 г., когда на линкоре «Георгий Победоносец», эскадренных миноносцах «Пылкий», «Капитан Сакен» и других судах флота было арестовано 18 матросов, многие из которых были членами подпольных групп [3; 1].

К 18 сентября фронт вышел на линию Путивль – Курск – Воронеж, а в январе 1920 г. – к Крымскому полуострову. Командование войск Крыма, зная по агентурным сведениям, что подпольный РКП(б) принял решение готовиться к вооруженному восстанию, помимо мер по защите Крыма на севере, издало приказ № 439 от 29 декабря 1919 г., которым объединяло деятельность [уголовно-розыскных управлений и контрразведок на территории Таврии и Крыма (кроме Особого отделения Морского управления) под руководством начальника Таврического губернского уголовно-розыскного управления полковника Астраханцева, который в части деятельности в тыловом районе был подчинён начальнику войск тыла и коменданту Севастопольской крепости генералу Субботину [47].

В это время полковник Л. Ф. Астраханцев докладывал Таврическому губернатору, что «работа большевиков, как известно, ушла в подполье, и руководящую роль в ней играют комитеты из небольшого количества, но вполне надежных партийных лиц. Во избежание провала, работы комитета ведутся при весьма конспиративной обстановке, заседания проходят тайно, распоряжения отдаются устно, все письменные доказательства работы, а также запасы оружия и взрывчатых веществ хранятся вне квартиры, закапываются в землю или прячутся по разным тайным местам» [22, с. 112, 113].

24 января 1920 г. части Красной Армии заняли Перекоп, а 2 февраля шли бои за Армянский базар. Опасаясь в этой ситуации восстания в Севастополе, Особое отделение в ночь с 3 на 4 февраля одновременно в нескольких местах произвело аресты почти всех членов подпольного горкома РКП(б) [15, с. 228, 229] и по приговору военно-полевого суда 9 из 10 арестованных были расстреляны [49]. В этом месяце были арестованы и расстреляны ещё четыре подпольщика [26].

В конце февраля в Феодосии была арестована и расстреляна группа подпольщиков во главе с И. А. Назукиным. Эти акции контрразведки сорвали готовящееся восстание. Подполье в течение месяца оправилось, был создан подпольный ревком, возглавивший подготовку восстания. Но 19 марта морская контрразведка произвела арест ревкома во время заседания, одновременно на Корабельной стороне было арестовано ещё 28 человек [5; 22, с. 125]. Состоявшийся на следующий день военно-полевой суд рассмотрел дело о 10 арестованных подпольщиках и приговорил троих к смертной казни, двоих – к 10 годам каторги, а 5 человек оправдал. По приказу генерала Я. А. Слащева арестованные были вывезены в Джанкой и по приговору корпусного военно-полевого суда все расстреляны.

Сам генерал Слащев описывал эти события так: «Арестовано было 14 главарей и им предъявлено обвинение в заговоре против Государственной власти, улики все были налицо: главари захвачены были при помощи провокатора в указанный момент с поличным. После указанного ареста все судьи и лицо, которое должно было утвердить приговор, ком. креп. Севастополя ген.-лейт. Турбинов [Турбин], получили смертный приговор на случай осуждения арестованных. Начконтрразведки [Туманов] страшно волновался: рухнет с освобождением последних не только вся тайная агентура, но и выступление состоится, а на фронте подкрепления красным подвозились; надо было мне либо расписаться в несостоятельности и предать всех своих подчиненных, либо по вызову явиться в Севастополь...» [53, с. 72].

Положение в Крыму усугублялось тем, что в результате Северо-Кавказской операции части Добровольческой и Донской армии эвакуировались в Крым, который с 27 марта был объявлен на осадном положении. Крымский полуостров стал единственным оплотом белого движения на юге.

Следует отметить, что контрразведывательные органы в Крыму имели сильную агентурную сеть. Это подтверждается не только воспоминаниями генерала Слащева. Подпольщики подозревали в связи с контрразведкой Барона-Марсельзе, расстрелянного в партизанском отряде П. Макарова; Мигачёва, Хижняченко и Круглова, расстрелянных в 20-е годы по приговору советского суда. Агентом контрразведки был член подпольного обкома РКП(б) А. Ахтырский. О существовании агентурной сети говорят целенаправленные аресты руководства подполья в городах Крыма и немногочисленные отчеты контрразведки и сводки.

В конце апреля, после разгрома подпольной группы в Симферополе и подпольного горкома РКП(б) в Керчи, контрразведка разыскивала в Севастополе руководителей подполья и делегатов на подпольную конференцию [16, с. 316], а 5 мая напала на участников строго законспирированной конференции, проходившей в Коктебеле [14, с. 108]. В информационных донесениях контрразведки указывались фамилии руководителей подполья, сроки и место совещания в июне 1920 года [20].

Материалы на подпольщиков контрразведка получала во время обысков, некоторые подпольщики не выдерживали пыток и выдавали товарищей. По показаниям арестованной в Симферополе С. Я. Клейман было арестовано 5 человек в Симферополе и 2 человека в Евпатории. Арестованный в августе один из руководителей Севастопольского подполья М. Д. Акодис выдал члена обкома РКП(б) Н. А. Глагмана, у которого на квартире были найдены печати областного и партийные документы и т. д. [44, л. 1–4]. Выявить агентуру было сложно, т. к. контрразведчики строго руководствовались «Инструкцией для ведения агентурного делопроизводства контрразведывательными органами», утверждённой в августе 1919 г. [36, л. 1–8]. Согласно инструкции, сведения агентурно-розыскного характера получал узкий круг сотрудников, телеграммы отправлялись только шифрованные, и содержание их могло быть известно только начальнику пункта и лицу, ответственному за шифрование документа.

Пункт 6 Инструкции гласил: «Все секретные сотрудники, работающие по заданиям контрразведывательных органов, могут быть записанными исключительно только в личную записную книжку начальника контрразведывательного органа, которую он должен всегда иметь при себе и при малейшей опасности её уничтожить. Вся запись должна состоять в помещении трёх слов: имени, отчества и фамилии сотрудника, без упоминания каких бы то ни было слов, касающихся агентуры, её места жительства и занятий. Запись сотрудников должна быть зашифрована лично продуманным шифром начальника контрразведывательного органа». Для текущих дел в каждом пункте заводилась «Алфавитная книжка секретных сотрудников» с указанием только кличек. Эта книжка также подлежала немедленному уничтожению при малейшей опасности.

В начале апреля 1920 г. произошла смена командования ВСЮР. С приходом к власти генерала П. Н. Врангеля началась частичная реорганизация контрразведывательных органов. В начале мая в целях объединения деятельности уголовного розыска и контрразведки из Штаба Главнокомандующего и Морского управления были выделены органы контрразведки и переданы «в ведение Начальника Военного Управления, образовав при нем особую часть» [34].

В начале июня этот приказ был отменён, и «для объединения и руководства деятельностью наблюдательных пунктов Военного и Морского ведомства, а также Политического розыска при Управлении Внутренних дел» был сформирован Особый отдел при Штабе Главнокомандующего. На начальника отдела были возложены обязанности помощника начальника Гражданского управления по делам Государственной стражи и политического розыска [35]. Начальником Особого отдела был назначен сенатор, бывший директор департамента полиции царского правительства, генерал-лейтенант Климович [41, л. 16], заместителем его – бывший начальник Московского уголовного розыска А. Кошко.

Были проведены и некоторые кадровые перестановки – Начальником Особого отделения Морского управления в апреле был назначен бывший жандармский офицер, старший лейтенант А. П. Автамонов, произведённый в капитаны 2 ранга. Севастопольский контрразведывательный пункт в начале мая возглавил жандармский полковник А. И. Будогосский [11]. После эвакуации Добровольческой армии с Кавказа в Севастополе начал работать ещё один орган контрразведки – наблюдательный пункт № 51 во главе с полковником Околовичем.

После разгрома подпольных горкома РКП(б) и ревкома по поручению подпольного ОК РКП(б) севастопольское подполье возглавил И. Серов (Зильбершмидт), однако он не смог объединить разрозненные после провалов ячейки. В Севастополе одновременно действовало несколько подпольных организаций – И. Серова, связанного с подпольным ОК РКП(б), подпольный ГК РКП(б), возглавляемый В. И. Голубевым (П. С. Храмцов), и группа Г. Мишко, по-видимому, имевшая связь с Закордотом при ЦК КП(б)У.

В апреле–мае 1920 г. регистрационное (разведывательное) отделение 13 армии Южного фронта Советской республики успешно внедрило резидентуру в органы Морского управления в Севастополе, которая передавала квалифицированные разведывательные данные о составе и передвижении белого флота, артиллерии и запасах топлива на судах, составе команд [45; 21, с. 362, 396, 553]. Белой контрразведке не удалось раскрыть резидентуру, которая успешно работала до прихода в Севастополь Красной Армии.

Пришедший к власти генерал П. Н. Врангель принял решение о широкомасштабном наступлении из Крыма, в связи с этим перед органами контрразведки была поставлена задача – обезвредить большевистское подполье до начала наступления.

Апрель, май и июнь 1920 г. были месяцами провалов и разгрома подпольных организаций в Севастополе, Симферополе, Феодосии, Ялте и Керчи. 20 апреля морская контрразведка арестовала на Северной стороне 21 человека по делу подпольного

¹ В апреле-мае 1920 г. контрразведывательные пункты были переименованы в наблюдательные.

подрывного отряда [10], 17 мая – матросов подводной лодки «Утка», имевших план угнать лодку в Советскую Россию [9], 27 мая – группу В. Цыганкова [8]. 2 июня разгромлен подпольный горком РКП(б) во главе с В. И. Голубевым (П. С. Храмцовым) [7].

6 июня, накануне высадки десанта генерала Я. Слащёва южнее Мелитополя, у деревни Казанлы был разгромлен партизанский отряд П. Макарова. Последний серьёзный удар по севастопольскому подполью был нанесён 8 июня, когда морской контрразведкой была арестована группа Г. Мишко [6].

5 июля заведующий Крымским отделом Загордота ЦК КП(б)У Павлов докладывал в КП(б)У, что «в начале марта, накануне подготовлявшегося восстания, был арестован в Севастополе оперативный штаб, после этого насчитывается ряд провалов, арестов и казней наиболее активных работников и в результате – почти полный разгром крымского подполья. Таким образом, мы стоим в настоящий момент перед задачей заново организовать в Крыму подполье, к тому же, ещё при значительно менее благоприятных условиях, чем раньше, ибо июньское наступление белых, несомненно, в известной степени приостановило у них процесс разложения...» [55].

Разгромленное в Севастополе подполье так и не смогло оправиться, но отдельные группы действовали и сумели провести удачные акции – был взорван склад снарядов в Килен-бухте, угнан 13 ноября в Евпаторию тральщик «Язон», выведена из строя накануне эвакуации из Севастополя белой армии канонерская лодка «Кубанец».

Возрождённые после арестов в апреле–мае 1920 г. подпольные организации в Ялте, Симферополе и Феодосии были разгромлены вновь контрразведывательными органами в июле–августе. В начале сентября Керченский морской контрразведывательный пункт предотвратил угон канонерской лодки «Грозный», арестовав почти всю команду лодки и несколько матросов линкора «Ростислав» [15, с. 204, 205].

К моменту назначения генерала Климовича начальником контрразведки Русской армии подполье в Крыму было почти полностью разгромлено, однако волна арестов не убывала. Если на 1 августа только в Севастопольской тюрьме находилось под следствием 80 политических заключённых, то на 1 сентября – 138, а на 1 октября – 193 политических заключённых [16, с. 301].

На одном из собраний рабочих-металлистов, выступая, председатель собрания сказал: «Облава теперь на бродячих собак прекратилась, вследствие дороговизны рабочих рук и отсутствия средств у городской управы, но зато процветает облава на людей весьма успешно, и поэтому приходится, как говорят, царю природы позавидовать её доле» [18, с. 43].

Председатель Севастопольской городской управы А. В. Болдырев позже писал: «Особенно обращает на себя внимание назначение Климовича. По прошествии самого краткого промежутка времени оно стало приносить свои обильные плоды. Участились аресты часто ни в чём не повинных людей» [12, с. 216].

Подводя итоги сказанному, можно разделить деятельность органов контрразведки белой армии на три периода.

Первый период – это период становления в декабре 1918 – апреле 1919 гг., когда во время англо-французской интервенции в городах Крыма были созданы контрразведывательные органы. Не имея штатов, организации, агентуры, они не смогли противостоять организованному подполью.

Второй период – период становления в июне-сентябре 1919 г., когда были утверждены штаты и регламентирующие действия контрразведывательных органов документы, когда структура была очищена от «самочинных» контрразведчиков. В этот период главной задачей контрразведывательных органов было выявление и арест лиц, служивших в Красной Армии и работавших в органах Советской власти.

Третий период – период действия в сентябре 1919 – октябре 1920 гг., когда главной задачей стало уничтожить подполье коалиции левых партий и не допустить восстания в тылу армии, особенно в кризисные для неё моменты. В свою очередь, этот период можно разбить на два раздела – время, когда во главе ВСЮР стоял А. И. Деникин, и время правления П. Н. Врангеля, причём время генерала Врангеля характеризуется дальнейшей централизацией действий контрразведки, объединением усилий контрразведки, уголовно-розыскных управлений и бригад государственной стражи и приходом в контрразведку бывших жандармских офицеров.

В последние два периода контрразведывательные органы в основном свою задачу по борьбе с организованным подпольем выполнили, однако армейской и морской контрразведке не удалось обезвредить резидентуру регистра 13 армии Южного фронта, успешно работавшую в портовых городах.

Список литературы

1. Архив города Севастополя (АГС). Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 645. Л. 106.
Arkhir goroda Sevastopolya. F. R-216. Op. 1. D. 645. L. 106.
2. АГС. Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 526. Л. 6–9.
Arkhir goroda Sevastopolya. F. R-219. Op. 1. D. 526. L. 6–9.
3. АГС. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 1. Л. 14; Д. 2. Л. 1–2; Д. 17. Л. 1; Д. 29. Л. 2; Д. 33. Л. 1; Д. 34. Л. 2; Д. 36. Л. 1–3; Д. 80. Л. 1; Д. 282. Л. 1.
Arkhir goroda Sevastopolya. F. R-252. Op. 1. D. 1. L. 14; D. 2. L. 1–2; D. 17. L. 1; D. 29. L. 2; D. 33. L. 1; D. 34. L. 2; D. 36. L. 1–3; D. 80. L. 1; D. 282. L. 1.
4. АГС. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 3. Л. 79; Д. 4. Л. 46; Д. 297. Л. 1; Д. 328. Л. 2.
Arkhir goroda Sevastopolya. F. R-252. Op. 1. D. 3. L. 79; D. 4. L. 46; D. 297. L. 1; D. 328. L. 2.
5. АГС. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 31. Л. 28.
Arkhir goroda Sevastopolya. F. R-391. Op. 1. D. 31. L. 28.
6. АГС. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 49. Л. 1; Д. 103. Л. 3; Д. 143. Л. 1; Д. 212. Л. 1; Д. 355. Л. 1.
Arkhir goroda Sevastopolya. F. R-252. Op. 1. D. 49. L. 1; D. 103. L. 3; D. 143. L. 1; D. 212. L. 1; D. 355. L. 1.
7. АГС. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.
Arkhir goroda Sevastopolya. F. R-252. Op. 1. D. 51. L. 2.
8. АГС. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 51. Л. 2; Д. 85. Л. 1–3; Д. 111. Л. 1–3; Д. 348. Л. 105.
Arkhir goroda Sevastopolya. F. R-252. Op. 1. D. 348. L. 105.
9. АГС. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 123. Л. 2, 5.
Arkhir goroda Sevastopolya. F. R-252. Op. 1. D. 123. L. 2, 5.
10. АГС. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 324. Л. 2.
Arkhir goroda Sevastopolya. F. R-252. Op. 1. D. 324. L. 2.
11. АГС. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 328. Л. 5; Д. 320. Л. 1, 2; Д. 318. Л. 1.
Arkhir goroda Sevastopolya. F. R-252. Op. 1. D. 328. L. 5; D. 320. L. 1, 2; D. 318. L. 1.

12. Болдырев А. В. В Крыму во время генерала Субботина и Врангеля 1920 г. / В. В. Болдырев // Былое. – 1925. – №2 (30). – С. 216.
 Boldyrev A. V. V Krymu vo vremya generala Subbotina i Vrangelya 1920 g. / V. V. Boldyrev // Byloe. – 1925. – №2(30). – S. 216.
13. Бортневский В. Г. Белая контрразведка на юге России во время гражданской войны / В. Г. Бортневский // Отечественная история. – 1995. – №5. – С. 88–100.
 Bortnevskiy V. G. Belaya kontrrazvedka na yuge Rossii vo vremya grazhdanskoj vojny / V. G. Bortnevskiy // Otechestvennaya istoriya. – 1995. – №5. – S. 88–100..
14. Борьба за Советскую власть в Крыму : Документы и материалы / [Под ред. П. Н. Надинского]. – Симферополь : Крымиздат, 1958.
 Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Krymu : Dokumenty i materialy / [Pod red. P. N. Nadinskogo]. – Simferopol' : Krymizdat, 1958..
15. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / Отв. ред. М. М. Максименко. – Симферополь, 1961. – Том 2. (Май 1918 г. – ноябрь 1920 г.).
 Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Krymu. Dokumenty i materialy / Otv. red. M. M. Maksimenko. – Simferopol', 1961. – Tom 2. (May 1918 g. – noyabr' 1920 g.).
16. Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму / М. Ф. Бунегин. – Симферополь : Крымгосиздат, 1927. – 336 с.
 Bunegin M. F. Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Krymu / M. F. Bunegin. – Simferopol' : Krymgosizdat, 1927. – 336 s.
17. В борьбе за Советский Крым : Воспоминания старых большевиков / [Отв. ред. В. Волков]. – Симферополь : Крымиздат, 1958. – 184 с.
 V bor'be za Sovetskiy Krym : Vospominaniya starykh bol'shevikov / [Otv. red. V. Volkov]. – Simferopol' : Krymizdat, 1958. – 184 s.
18. Вольфсон Б. М. Конец авантюры барона Врангеля / Б. Вольфсон. – Симферополь : Крымгиз, 1940. – 120 с.
 Vol'fson B. M. Konets avantury barona Vrangelya / B. Vol'fson. – Simferopol' : Krymgiz, 1940. – 120 s.
19. ГАРК. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 126. Л. 115.
 Gosudarstvennyu arkhiv Respubliki Krym. F. R-235. Op. 1. D. 126. L. 115.
20. ГАРК. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1342. Л. 7, 9 и об.
 Gosudarstvennyu arkhiv Respubliki Krym. F. 483. Op. 4. D. 1342. L. 7, 9 i ob.
21. Гражданская война на Украине. 1918–1920 : Сборник документов и материалов : В 3-х т. / Под ред. Н. К. Колесника, С. И. Королевского. – К. : Наукова думка, 1967. – Т. 3. – 938 с.
 Grazhdanskaya voyna na Ukraine. 1918–1920 : Sbornik dokumentov i materialov : V 3-kh t. / Pod red. N. K. Kolesnika, S. I. Korolevskogo. – Kiev : Naukova dumka, 1967. – T. 3. – 938 s.
22. Загородских Ф. С. Борьба с денкинской и интервенцией в Крыму / Ф. С. Загородских. – Симферополь : Госиздат Крымской АССР, 1940. – 135 с.
 Zagorodskikh F. S. Bor'ba s denikinskoy i interventsiyey v Krymu / F. S. Zagorodskikh. – Simferopol' : Gosizdat Krymskoy ASSR, 1940. – 135 s.
23. Кальвари М. А. Интервенция в Крыму / М. А. Кальвари. – Симферополь : Крымгосиздат, 1930. – 180 с.
 Kal'vari M. A. Interventsiya v Krymu / M. A. Kal'vari. – Simferopol' : Krymgosizdat, 1930. – 180 s.
24. Крым в 1918–1919 гг. (Материалы осведомительных органов Добровольческой армии и дипломатического представителя Всевеликого войска Донского) / Предисл. А. Гуковского // Красный архив. – М., 1928. – Т. 3 (28). – С. 142–181.
 Krym v 1918–1919 gg. (Materialy osvedomitel'nykh organov Dobrovol'cheskoj armii i diplomaticheskogo predstavatelya Vsevelikogo voyska Donskogo) / Predisl. A. Gukovskogo // Krasnyy arkhiv. – Moskva, 1928. – T. 3 (28). – S. 142–181.
25. Крестьянников В. В. Подпольная организация в Севастополе в 1919–1920 гг. / В. В. Крестьянников // Революция и гражданская война 1917–1920 гг. : Новое осмысление : Мат. междунар. науч. конф., Ялта, 10–18 ноября 1995 г. / Под ред. В. П. Казарин [и др.]. – Симферополь : Крымский архив, 1995. – С. 63.

Krest'yannikov V. V. Podpol'naya organizatsiya v Sevastopole v 1919–1920 gg. / V. V. Krest'yannikov // Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna 1917–1920 gg. : Novoe osmyslenie : Mat. mezhdunar. nauch. konf., Yalta, 10–18 noyabrya 1995 g. / Pod red. V. P. Kazarin [i dr.]. – Simferopol' : Krymskiy arkhiv, 1995. – S. 63.

26. Крымская мысль. – 1920. – 13 марта.

Krymskaya mysl'. – 1920. – 13 marta.

27. Крымская мысль. – 1920. – 21 августа.

Krymskaya mysl'. – 1920. – 21 avgusta.

28. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 2 : Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.) / П. Н. Надинский. – Симферополь : Крымиздат, 1957. – 302 с.

Nadinskiy P. N. Ocherki po istorii Kryma. Ch. 2 : Krym v period Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii, inostrannoy interventsii i grazhdanskoy voyny (1917–1920 gg.) / P. N. Nadinskiy. – Simferopol' : Krymizdat, 1957. – 302 s.

29. Прибой. – 1918. – 29 декабря.

Priboy. – 1918. – 29 dekabrya.

30. Приказ главного командира судов и портов Черного и Азовского морей №353 от 17.05.1919 г // Библиотека музея КЧФ.

Prikaz glavnogo komandira sudov i portov Chernogo i Azovskogo morey №353 ot 17.05.1919 g // Biblioteka muzeya Krasnoznamennogo Chernomorskogo Flota.

31. Приказ главного командира судов и портов Черного и Азовского морей №718 от 22.06.1919 г. // – Библиотека музея КЧФ.

Prikaz glavnogo komandira sudov i portov Chernogo i Azovskogo morey №718 ot 22.06.1919 g. // – Biblioteka muzeya Krasnoznamennogo Chernomorskogo Flota.

32. Приказы главного командира судов и портов Черного и Азовского морей №993 от 18.07.1919 г. ; №995 от 18.07.1919 г. ; №1541 от 14.08.1919 г. // Библиотека музея КЧФ.

Prikazy glavnogo komandira sudov i portov Chernogo i Azovskogo morey №993 ot 18.07.1919 g. ; №995 ot 18.07.1919 g. ; №1541 ot 14.08.1919 g. // Biblioteka muzeya Krasnoznamennogo Chernomorskogo Flota.

33. Приказ главного командира судов и портов Черного и Азовского морей №1061 от 22.07.1919 г. // Библиотека музея КЧФ.

Prikaz glavnogo komandira sudov i portov Chernogo i Azovskogo morey №1061 ot 22.07.1919 g. // Biblioteka muzeya Krasnoznamennogo Chernomorskogo Flota.

34. Приказ главнокомандующего ВСЮР №3116 от 3.05.1919 г. // РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 112.

Prikaz glavnokomanduyushchego Vooruzhennykh sil na yuge Rossii №3116 ot 3.05.1919 g. // Rossiyskiy Gosudarstvennyy Voennyuy arkhiv. F. 39540. Op. 1. D. 179. L. 112.

35. Приказ главнокомандующего ВСЮР №3270 от 1.06.1920 г. // РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 15.

Prikaz glavnokomanduyushchego Vooruzhennykh sil na yuge Rossii №3270 ot 1.06.1920 g. // Rossiyskiy Gosudarstvennyy Voennyuy arkhiv. F. 39540. Op. 1. D. 179. L. 15.

36. РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 115.

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Voennyuy arkhiv. F. 39499. Op. 1. D. 115.

37. РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 72. Л. 1 и об.

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Voennyuy arkhiv. F. 39540. Op. 1. D. 72. L. 1 i ob.

38. РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–34.

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Voennyuy arkhiv. F. 39540. Op. 1. D. 77. L. 1–34.

39. РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 136. Л. 81об., 73–76.

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Voennyuy arkhiv. F. 39540. Op. 1. D. 136. L. 81ob., 73–76.

40. РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 137. Л. 52.

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Voennyuy arkhiv. F. 39540. Op. 1. D. 137. L. 52.

41. РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179.

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Voennyuy arkhiv. F. 39540. Op. 1. D. 179.

42. РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 201.

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Voennyuy arkhiv. F. 39660. Op. 1. D. 201.

43. РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 236. Л. 1–24об.

- Rossiyskiy Gosudarstvennyy Voennyi arkhiv. F. 39660. Op. 1. D. 236. L. 1–24ob.
44. РГВА. Ф. 39749. Оп. 1. Д. 1.
Rossiyskiy Gosudarstvennyy Voennyi arkhiv. F. 39749. Op. 1. D. 1.
45. РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 358. Л. 24–25; Д. 362. Л. 30–31.
Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota. F. R-1. Op. 3. D. 358. L. 24–25; D. 362.
L. 30–31.
46. РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 14. Л. 11, 37, 49, 63, 75, 77.
Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota. F. R-72. Op. 1. D. 14. L. 11, 37, 49, 63,
75, 77.
47. РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 14. Л. 136.
Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota. F. R-72. Op. 1. D. 14. L. 136.
48. РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.
Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota. F. R-72. Op. 1. D. 21. L. 14.
49. РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 21. Л. 23.
Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota. F. R-72. Op. 1. D. 21. L. 23.
50. РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 21. Л. 47.
Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota. F. R-72. Op. 1. D. 21. L. 47.
51. РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 82. Л. 71–72.
Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota. F. R-72. Op. 1. D. 82. L. 71–72.
52. РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 82. Л. 71–71; Д. 86. Л. 48–50об.
Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota. F. R-72. Op. 1. D. 82. L. 71–71; D. 86.
L. 48–50ob.
53. Слащев Я. А. Крым в 1920 г. : Отрывки из воспоминаний / Я. А. Слащев. М. ; Л., [1924].
Slashchev Ya. A. Krym v 1920 g. : Otryvki iz vospominaniy / Ya. A. Slashchev. Moskva ; Leningrad,
[1924].
54. Хроника революционных событий в Крыму. 1917–1920 гг. – Симферополь : Крым, 1969. –
190 с.
Khronika revolyutsionnykh sobytiy v Krymu. 1917–1920 gg. – Simferopol' : Krym, 1969. – 190 s.
55. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 206. Л. 10–11.
Tsentral'nyy Gosudarstvennyy Arkhiv Obshchestvennykh Organizatsiy Ukrainy. F. 1. Op. 2. D. 206.
L. 10–11.
56. Этих дней не смолкнет слава : Воспоминания старых большевиков / [Ред. коллегия : В. П. Вол-
ков (отв. ред.) и др.]. – Симферополь : Крымиздат, 1963. – 148 с.
Etikh dnei ne smolknet slava : Vospominaniya starykh bol'shevikov / [Red. kollegiya : V. P. Volkov (otv.
red.) i dr.]. – Simferopol' : Krymizdat, 1963. – 148 s.

Список сокращений

- ГАРК** – Государственный Архив Республики Крым
АГС – Архив города Севастополя
КЧФ – Краснознаменный Черноморский флот
РГВА – Российский Государственный Военный Архив
РГА ВМФ – Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота
ЦГАООУ – Центральный Государственный Архив Общественных Организаций Украины

Krestyannikow V. V. The white counterintelligence in the Crimea in the period of civil war

The purpose of this article is to show the activities of the counterintelligence agencies of the white army in one of the centers of the white movement – in the Crimea, based on materials of native archives. These gives us an opportunity to highlight not only the overall direction of counterintelligence agencies activities, but their formation process, the structure of improvement from scattered points to a centralized system, to show the forms and methods of counterintelligence actions by example of one of the regions.

Keywords: Counterintelligence, Denikin, Wrangel, underground, Sevastopol.

УДК 94 (37+38)

АВЛ СИТЕСИЙ – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ФИЛОСОФСКО-МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛЫ НА БОСПОРЕ

Лейбенсон Ю. Т.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация*

E-mail: indrik-u-blues@rambler.ru

Рассматривается надгробная стела Авла Ситесия в качестве источника сведений о медиках на Боспоре. Надгробие II в. н. э. из Пантикапея содержит рельеф, на котором представлен врач Авл Ситесий в образе философа, и эпитафию, где указана его принадлежность к эмпирической философско-медицинской школе. О теоретических положениях и методах работы эмпириков сохранились сообщения античных писателей – Авла Корнелия Цельса, Секста Эмпирика, Галена. С их помощью можно в общих чертах представить основные принципы практики Авла Ситесия на Боспоре. Имя Авла Ситесия позволяет предположить, что он происходит из вольноотпущенников Малой Азии. В указании эмпирической школы в краткой эпитафии Авлу Ситесию, вероятно, следует видеть желание учеников, поставивших стелу, подчеркнуть важность своего философско-медицинского направления. Авл Ситесий – это единственный медик, практиковавший на Боспоре, чье имя известно. Кроме того, он единственный известный на Боспоре представитель философско-медицинской школы, что делает его надгробие особенно ценным памятником для изучения культуры Боспорского царства и Северного Причерноморья в целом.

Ключевые слова: античные государства Северного Причерноморья, история медицины, философия, просопография.

О деятельности медиков античного Боспора сохранилось крайне мало сведений. О том, что в городах Европейского и Азиатского Боспора, начиная с V–IV вв. до н. э., практиковали врачи, известно, главным образом, благодаря находкам хирургических инструментов: зондов, медицинских игл, бужей, пинцетов, аптекарских ложек, плакеток и ступок для растирания лекарств (Рис. 1–3). Медицинские инструменты происходят из городищ и некрополей Пантикапея, Горгииппии, Фанагории, Тиритаки [14, с. 191, № 199–201; 20, с. 141; 21, с. 70–71]. Можно предположить, что в пантикапейских святилищах Аполлона и Асклепия практиковали профессиональные врачи (как это было в святилище Асклепия в Эпидавре) [9, с. 162, 170–172]. Но по имени известен только один медик, работавший на Боспоре¹. Единственный источник, который сообщает о нем, – это надгробие, относящееся к первой половине II в. н. э. из Пантикапея². На рельефе стелы изображен мужчина в гиматии, со свитком в руке; он стоит рядом с алтарем, обвитым змеей (Рис. 4). Надпись на стеле краткая: «Авл Си-

¹ Что касается медиков, практиковавших в других государствах Северного Причерноморья, известны имена нескольких врачей из Херсонеса эллинистического (Эвклес с Тенедоса; Лесханорид, сын Эвклеса; Дионисий, сын Пантагнота) и римского времени (Публий Ведий Трепт; возможно, Гай, сын Антиоха); Тиры римского времени (Луций Папирий Олимпик и Марк Сей Гагрилий).

² Стела Авла Ситесия хранится в Херсонском краеведческом музее (Инв. № ХЕМ-а-5816).

тесий, эмпирик, прощай» [12, № 655]. Эмпириками назывались представители философско-медицинской школы¹, популярной в римское время. В. В. Латышев считал слово «эмпирик» собственным именем, но примеры надписей римского времени показывают, что школа, к которой принадлежал медик, часто указывалась в эпитафиях: «врач методик», «врач перипатетик и христианин» [12, с. 382]. О принадлежности Авла Ситесия к медикам свидетельствует также изображение алтаря со змеей – символом Асклепия.

Все указывает на то, что в Авле Ситесии следует видеть представителя популярного философско-медицинского направления. Идея тесной связи медицины с философией неоднократно высказывалась античными авторами. С одной стороны, философия часто понималась как искусство, аналогичное врачебному делу, поскольку она исцеляет души (Cic. Tusc. Disc. III. 3. 6; Luc. Dem. 7; Luc. Catapl. 7). С другой, от врача требовалось быть истинным философом в том смысле, что философский образ жизни подразумевал как разностороннее образование, так и высокую нравственность. Гален, автор II в. н. э., посвятил этой идее трактат «О том, что лучший врач также и философ», в котором настаивал на том, что «...врач должен упражняться в логике... кроме того, он должен обладать всеми познаниями в области философии, логики, физики и этики... философия необходима тому, кто занимается благородным искусством врачевания» (Galen. Quod optim. medic. sit quoq. philos. 60) [Цит. по: 5, с. 83]. Характеристики образа жизни, который требовался от медика, по Галену, совпадают с требованиями, предъявляемыми философу: «Личность, которая хочет стать истинным врачом, не только презирает богатство, но она в крайней степени приучена к перегрузкам, любит напряженный ритм работы. Нельзя и представить себе, что такой работяга может позволить себе напиваться, объедаться, предаваться усладам Венеры, короче говоря, служить своей нижней части тела. Все это потому, что истинный медик – друг умеренности, сколько и истины» [Цит. по: 1, с. 348]. Наконец, некоторые медицинские толки в своих теоретических изысканиях основывались на положениях философских школ: методики и эмпирики были вместе с тем и скептиками (приверженцами учения эллинистического философа Пиррона Элидского и его последователей).

Эмпирическая школа возникла еще в эллинистический период. Она оставалась популярной вплоть до второй половины II в. н. э., когда Гален составил описание основных положений эмпириков в трактате «О толках, для начинающих». Показательно, что время постановки стелы Авла Ситесия относится к тому же веку. О медиках эмпирической школы и их учении сообщали также Авл Корнелий Цельс (I в. н. э.) и Секст Эмпирик (вт. пол. II в. н. э.).

Авл Корнелий Цельс называл основателем эмпирической школы Серапиона, последователя александрийских медиков III в. до н. э., Гиерофила и Эрасистрата. Серапион первым провозгласил бесполезность теоретической медицины и обосновал врачебную науку, основанную «только на практике и опытах» (Cels. De med. Proem. 9–10). В отличие от Гиерофила и Эрасистрата, эмпирики, судя по свидетельству Цельса, отвергали вскрытие человеческого тела, считая его попросту ненужным: работать

¹Такие школы называли *αἵρεσις* – «толк», «направление». Латинские авторы переводили этот термин словом *secta*. Негативную коннотацию оба термина приобретут позднее.

необходимо с «явными» причинами болезни или травмы, а причины скрытые все равно познать нельзя; природа, по их мнению, непостижима (Cels. De med. Proem. 27–28). К тому же эмпирики настаивали на том, что полезнее знать не причину болезни, а способ излечения, его можно установить только опытным путем. Но нельзя сказать, что эмпирики вовсе отвергали теоретические познания: ведь если бы врач не нуждался в разумном объяснении, тогда нужно было бы признать, что неразумное животное обладает преимуществами в искусстве медицины. При этом гипотезы, объясняющие скрытые причины болезней, эмпирики все же считали не имеющими отношения к делу (Cels. De med. Proem. 38-39). Такой подход к медицинской науке Цельс не упускал случая осудить, ведь, по его мнению, эмпирики искусственно себя ограничивали изучением явлений и причин самого общего порядка, наиболее легко постижимых. Несмотря на укоры Цельса, эмпиризм в его описании выглядит как полноценное направление в медицине, отличающееся собственными методами и врачебной философией.

Рис. 1. Хирургические инструменты IV–I вв. до н. э. Городище и некрополь Пантикапея.

Рис. 2. Хирургический инструмент III–II вв. до н. э.
Елизаветинское городище.

Рис. 3. Хирургические инструменты из Горгиипии V в. до н. э. – II в. н. э.

Сообщение Галена в трактате «О толках, для начинающих» подтверждает свидетельства Цельса об эмпириках. Согласно Галену, врачи-эмпирики опирались не на теоретические положения (в отличие от представителей школы рационалистов), а на опыт, доверяли аутопсии (непосредственному наблюдению) и истории (рассказу о болезни), обращали внимание на видимые явления. Кроме того, эмпирики исследовали «предшествовавшие причины». Гален приводит такой пример: рана у больного возникла вследствие укуса собаки. Лечить, конечно, необходимо рану. Но укус собаки важен в качестве «предшествующей причины», которую, как эмпирикам было известно из опыта, необходимо учитывать (Gal. De sect. II, V). Эмпиризм вызвал острую критику со стороны рационалистов, считавших такой подход внутренне противоречивым, неполным и недостаточно искусным. Но интересно, что Гален «примирил» эмпириков с рационалистами: несмотря на противоположные подходы, оказываемое ими лечение практически одинаково. Рационалисты опираются на исследование базовых законов анатомии, физиологии, гигиены, а эмпирики – на предыдущий положительный опыт. Так, догматик-рационалист должен был избегать лечения кровопусканием жителей Скифии и вообще северян, взяв на вооружение теорию влияния климата на организм человека. Эмпирик, в свою очередь, избегал такого лечения по той причине, что по опыту знал, как тяжело переносят кровопускание на севере. «Выведа» врача-эмпирика спорить с врачом-методиком (представителем еще одной философско-медицинской школы, утверждавшей, что врачебное искусство можно освоить за полгода), Гален вкладывает в уста эмпирика своеобразный «программный манифест эмпиризма»: «Я ничего не знаю о том, что находится за пределами явлений, и не предлагаю ничего мудренее того, что сам часто наблюдал» (Gal. De sect. II, V, VIII) [Цит. по: 10, с. 68].

Систематизатор скептического метода, Секст Эмпирик, в «Пирроновых положениях» описывал эмпирию как врачебный метод. Учителем самого Секста Эмпирика был Геродот из Тарса, а Геродота, в свою очередь, учил Менодот из Никомидии, с деятельностью которого обычно связывают слияние философии скептицизма с эмпирическим врачебным методом [19, с. 511–512]. Сам Секст Эмпирик пытался отмежеваться от медиков-эмпириков, представляя их совсем не похожими на скептиков: эмпирики находят возможным утверждать невозможность восприятия чего-либо, а это уже догматизм. Истинный скептицизм адогматичен: он ничего не утверждает, но все исследует (σκέψις – это и есть «исследование») [13, с. 212]. Согласно Сексту Эмпирику, к скептикам ближе врачи-методики, не утверждающие познаваемость или принципиальную познаваемость чего бы то ни было, не занимающиеся установлением причин заболевания, но исследующие течение болезни как отдельное явление (Sext. Emp. Pyrrh. I. 63–65). Но в то же время, Секст Эмпирик передал мнение «некоторых» о тождестве эмпирии и скептицизма¹ (Sext. Emp. Pyrrh. Pyrrh. I. 63).

¹ Самого Секста Эмпирика, занимавшегося врачеванием, исследователи причисляют и к эмпирикам (по прозвищу и сообщению псевдо-Галена), и к методикам (исходя из текста «Пирроновых положений») [3, с. 418]. Высказывалось мнение, что эмпириков и методиков не стоит противопоставлять друг другу, поскольку оба этих направления являются скептическими и противоположны они не друг другу, а догматикам [13, с. 216].

Рис.4. Стела Авла Ситесия. II в. н. э. Пантикапей.

Рис. 5. Статуя пантикапейца. I в. н. э.

Отрицание врачами эмпирической школы возможности познания истинных причин болезней основывалось на скептической философии. Основателем скептической школы считают Пиррона Элидского (ок. 360–270 гг. до н. э.). Развивая положения софистов и элеатов о всеобщей «текучести» и изменчивости, он пришел к тому, что с помощью философского метода можно доказать противоположные суждения об одном и том же предмете. Это вынудило Пиррона сделать вывод о необходимости воздерживаться от суждений. Поэтому Диоген Лаэртский отмечал, что Пиррон не оставил своим ученикам никаких догм (Diog. Laert. IX. 11. 70). Для скептицизма римского времени характерно совмещение скептической философии и медицинской практики: Диоген Лаэртский назвал восемь философов-пирронистов после Энесидема (сер. I в. до н. э.), из которых шесть были практикующими врачами-эмпириками (Diog. Laert. IX. 12. 116).

Итак, зная особенности эмпирической философско-медицинской школы, можно представить в общих чертах работу врача, увековеченного на пантикапейской стеле. Авл Ситесий должен был вести наблюдения (аутопсию) за ходом болезни своих пациентов; исследовать «предшествующие причины» болезней, поскольку опыт доказал важность их учета для успешного лечения; доверять только многократно подтвержденным в медицинской практике методам и лекарственным средствам. Неизвестен полный перечень методов лечения, которые использовал Авл Ситесий. Зато из сообщения Галена, как мы видели, известен метод, которым врач-эмпирик не должен был пользоваться. Эмпирики были убеждены, что в Скифии из-за холодного климата нельзя употреблять кровопускание; на Боспоре с его холодными зимами (Strab. VII. 3. 18) Авл Ситесий наверняка не применял эту популярную практику¹.

Несмотря на лаконичность эпитафии, кое-что можно сказать и о самом Авле Ситесии. Обращает на себя внимание отсутствие патронимика в эпитафии, что часто указывает на статус раба или вольноотпущенника. С. В. Дьячков видел в Авле Ситесии вольноотпущенника из Малой Азии, получившего римское гражданство (Ситесий – имя, характерное для провинциальных греков, получивших римское гражданство). Когномен Авла Ситесия не назван намеренно, чтобы скрыть его статус вольноотпущенника. Появление врача-вольноотпущенника на Боспоре исследователь объясняет малоазийской эмиграцией, происходившей в первые века новой эры и связанной с римской провинциальной политикой [11, с. 71]. Это предположение косвенно подтверждается существованием в Малой Азии школ эмпирической направленности: в Лаодикее, Никомедии, Тарсе (Diog. Laert. IX. 12. 116).

На надгробном рельефе Авл Ситесий представлен как истинный философ: в гиматии², со свитком в левой руке. Так же боспорские мастера изобразили, например, философов и писателей Стратоника, сына Зенона; Саббиона, сына Стефана. Но портрет Авла Ситесия имеет ряд существенных отличий от распространенного на Боспоре типа изображения интеллектуала. Гиматий – единственная одежда на медике, в то

¹ Кровопускание было всеупотребительной мерой в борьбе с множеством болезней. Авл Корнелий Цельс отмечал, что не было такой болезни, с которой не следовало бы бороться кровопусканием (Cels. De med. 2. 10).

² Гиматий или паллий, гражданский плащ – одежда, которая «предписывалась» людям интеллектуальных занятий (Dion. Chrys. Or. 72. 1-2; Luc. De merc. conduct. 25; Tert. De pall. VI. 2; Apul. Flor. IV, VII).

время как обыкновенно фигура со свитком и в ораторской позе изображалась в круглой скульптуре и рельефах Боспора в гиматии, хитоне или куртке, штанах и сапогах (Рис. 5). Рядом с фигурой врача нет слуги, вместо него по правую руку Авла Ситесия стоит алтарь, обвитый змеей¹. Размещение свитка в левой руке мужской фигуры характерно для боспорских стел, но при этом правая рука фигуры на памятнике Авлу Ситесию не прижата к груди, как в популярной «ораторской» позе, а направлена вниз к алтарю. Изображенные на рельефе одежда, поза, положение рук находят аналогию в близких по времени северопричерноморских статуарных и рельефных изображениях Асклепия (Рис. 6–9). На том, что философ внешним видом (включая одежду) сходен со статуями богов, настаивал Дион Хризостом (Dion. Chrys. Or. 72. 5–6). Идея о божественном характере философии была популярна в античной литературе начиная с Платона (напр., Plat. Symp. 203–204c; Plat. Phaed. 114c; Plat. Soph. 216b; Plat. Phaedr. 239b, 249 c–d; Cic. De orat. I. 49. 212). Известна она была и на Боспоре, где людей интеллектуальных занятий называли «божественными», «питомцами Муз» [12, № 118, 121, 145, 146].

Рис. 6. Статуэтка Асклепия.
Конец II – начало III вв. н. э. Кипр.

¹ Похожие алтари из известняка с рельефами в виде змей найдены в Херсонесе римского времени [4, с. 30–36].

Рис. 7. Статуэтка синкретического Зевса-Асклепия. Фанагория. I–II в. н. э.

Возможно, стела поставлена учениками врача-эмпирика, которые хотели подчеркнуть божественный характер философии и врачебного искусства своего наставника. О том, что память Авла Ситесия увековечена именно учениками, свидетельствует и характер эпитафии. В таких кратких надгробных надписях, какой является эпитафия Авлу Ситесию, на Боспоре I в. до н. э. – II н. э. обыкновенно указывались только имя и патронимик умершего (для женщин – имя мужа, которое заменяет имя отца или соседствует с ним), иногда – отечество умершего, не бывшего боспорянином (синопеец, херсонесец). К имени прибавлялось слово «прощай» (χαῖρε), и эпитафия на этом завершалась [12, № 265–690, 692–708]. Если заказчики надгробия хотели указать дополнительные сведения об

умершем или выразить свою скорбь, они обыкновенно прибавляли к краткой формуле эпитафии другой текст, часто поэтический¹ [12, № 119, 120, 123–131, 133–143, 145, 146]. Те, кто поставил памятник пантикапейскому врачу, нарушили это общее правило, и в краткую эпитафию ввели указание на то, что Авл Ситесий принадлежал к эмпирической школе. Крайне маловероятно, что факт принадлежности медика к тому или иному философско-медицинскому течению был важен для семьи покойного или для благодарных пациентов. Высказывалась версия, что памятники небогатым и незнатным, но отличившимся боспорянам ставились от лица государства [15, с. 67]. Но и в этом случае, скорее всего, в эпитафии Авлу Ситесию была бы просто отмечена его медицинская профессия, а не выбранное им философское направление. Увековечить память врача-философа, подобного Асклепию, и подчеркнуть его приверженность к конкретной школе, – все это могло отвечать, скорее, целям учеников Авла Ситесия, как и он, относившимся к эмпирическому толку.

Можно, по крайней мере, предположительно судить о том, с какими болезнями приходилось сталкиваться эмпирику Авлу Ситесию во время практики на Боспоре. Это боевые травмы у мужского населения; бытовые травмы, характерные как для мужчин, так и для женщин; костные патологии (в т. ч. туберкулез, подагра), мочекаменная болезнь, зубочелюстные патологии. Для Боспора была характерна высокая детская смертность [2, с. 476; 20, с. 140–142; 6, с. 98–114; 17, с. 243]. Значительное число женщин умирало родами, об этом даже говорят некоторые надгробные эпитафии [12, № 141; 8, с. 44]. Впрочем, врач-философ, скорее всего, не занимался работой акушера: роды принимали повитухи, даже в тяжелых случаях врача звали не всегда.

¹ Исключение – билингвальная надпись (на греческом и латыни): «Луций Воллозий, воин Кипрской когорты, центурии Секунда, привет прохожим» [12, № 691].

Рис. 8. Статуэтка Асклепия. Херсонес. Начало II в. н. э.

Рис. 9. Кувшин с рельефными изображениями
Асклепия и Гигиен. Херсонес. III в. н. э.

В конце I в. до н. э. – I в. н. э. в городах Европейского Боспора появляется значительное число надгробий молодых людей, причем в некоторых эпитафиях поэты специально отмечают, что причиной смерти стала «алчная», «тяжелая» болезнь [12, № 123, 126, 127, 148]. Становятся частыми коллективные надгробия, их ставят совместно матери и сыну [12, № 276, 284, 289, 299, 308, 561], матери и нескольким детям [12, № 128], детям, похороненным вместе [12, № 316, 546, 907, 929], матери и дочери [12, № 285, 899, 969, 1074], отцу и дочери [12, № 355, 389, 494, 880]. Причины постановки такого числа совместных надгробий не вполне ясны. Наиболее вероятной представляется версия Н. В. Молевой о демографическом кризисе на Боспоре, вызванном эпидемией второй половины I в. до н. э. – I в. н. э. [16, с. 215–218]. Возможно, намеком на массовые смерти от болезни среди сограждан служит высказывание боспорского поэта в эпитафии Молу (I в. до н. э.): «Если сразила тебя болезнь, то снеси это как смертный: это – наша участь, людей, постоянно гибнущих» [12, № 126]. В метрической эпитафии, посвященной Трифониде и трем ее детям (I в. н. э.), описывается ситуация, похожая на эпидемию: муж Трифониды и отец детей «узрел их тяжкие страдания... одно за другим» [12, № 128].

Известно, что в таких случаях античные государства приглашали лучших специалистов из известных медицинских центров для борьбы с внезапно распространившейся болезнью [7, с. 138, 144]. Не мог ли быть Авл Ситесий таким приглашенным врачом из медицинского центра в Малой Азии? Надгробие Авла Ситесия относится к первой половине II в. н. э., возможно, он работал в Пантикапее во второй половине – последней четверти I в. н. э. Большинство надгробий, которые можно интерпретировать как свидетельства об эпидемии, относятся к I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. Только два памятника датируют по характеру письма второй половиной I в. н. э. – первой половиной II в. н. э. [12, № 546, 907]. Очевидно, что рассматривать Авла Ситесия в качестве врача, борющегося с эпидемией на Боспоре, – это значит допускать хронологическую натяжку. По всей видимости, врачу-эмпирику приходилось сталкиваться с иными, неэпидемическими случаями болезней.

О деятельности других последователей эмпирической или какой-либо иной философско-медицинской школы на Боспоре ничего не известно. Вместе с тем сообщения античных авторов и эпитафические памятники свидетельствуют о значительном интересе боспорян к философии, наукам и литературе, в том числе в римское время (Athen. VIII. 349d; Philostr. Vitae soph. I. 24) [12, № 121, 145, 146; 18, с. 45–81]. В этом отношении стела Авла Ситесия является ценным памятником, позволяющим уточнить просопографию интеллектуалов Северного Причерноморья и проследить культурные связи региона с крупными центрами античного мира.

Список литературы

1. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней: Античность и Средневековье / Д. Антисери, Дж. Реале; пер. С. А. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 2003. – 688 с.
Antiseri D., Reale Dzh. Zapadnaja filosofija ot istokov do nashih dnejj: Antichnost' i Srednevekov'e / D. Antiseri, Dzh. Reale; per. S. A. Mal'cevoj. – SPb.: Pnevma, 2003. – 688 s.
2. Античное наследие Кубани: В 3-х т. / Ред., сост. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. – Т. 2. – М.: Наука, 2010. – 669 с.

- Antichnoe nasledie Kubani : V 3–h t. / Red., sost. G. M. Bongard-Levin, V. D. Kuznecov. – T. 2. – M.: Nauka, 2010. – 669 s.
3. Асмус В. Ф. Античная философия / В. Ф. Асмус. – М.: Высшая школа, 1976. – 544 с.
Asmus V. F. Antichnaja filosofija / V. F. Asmus. – M.: Vysshaja shkola, 1976. – 544 s.
 4. Бабинов Ю. А. Алтари со змеями из Херсонеса Таврического / Ю. А. Бабинов // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. – М.: Моск. обл. педагогич. Институт им. Н. К. Крупской, 1974. – С. 30–36.
Babinov Ju. A. Altari so zmejami iz Hersonesa Tavricheskogo / Ju. A. Babinov // Social'no-ekonomicheskie problemy istorii drevnego mira i srednih vekov. – M.: Mosk.obl. pedagogich. Institut im. N. K. Krupskoj, 1974. – S. 30–36.
 5. Балалыкин Д. А., Щеглов А. П., Шок Н. П. Единство философской теории и медицинской практики во взглядах Галена / Д. А. Балалыкин, А. П. Щеглов, Н. П. Шок // Философия науки. – 2014. – №1 (60). – С. 70–85.
Balalykin D. A., Shheglov A. P., Shok N. P. Edinstvo filosofskoj teorii i medicinskoj praktiki vo vzgljadah Galena / D. A. Balalykin, A. P. Shheglov, N. P. Shok // Filosofija nauki. – 2014. – №1 (60). – S. 70–85.
 6. Батиева Е. Ф. Население Танаиса по антропологическим данным / Е. Ф. Батиева // Вестник Танаиса. – 2007. – Вып. 2. – С. 98–114.
Batieva E. F. Naselenie Tanaisa po antropologicheskim dannym / E. F. Batieva // Vestnik Tanaisa. – 2007. – Vyp. 2. – S. 98–114.
 7. Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени / Т. В. Блаватская. – М.: Наука, 1983. – 324 с.
Blavatskaja T. V. Iz istorii grecheskoj intelligencii jellinisticheskogo vremeni / T. V. Blavatskaja. – M.: Nauka, 1983. – 324 s.
 8. Боспорские надгробия II в. до н. э. – III в. н. э. / Под ред. В. Зинько, Е. Зинько, А. Твардецкий. – Киев: Мистецтво, 2009. – 495 с.
Bosporskie nadgrobija II v. do n. e. – III v. n. e. / Pod red. V. Zin'ko, E. Zin'ko, A. Tvardecki. – Kiev: Mistectvo, 2009. – 495 s.
 9. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство / В. Ф. Гайдукевич. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 591 с.
Gajdukevich V. F. Bosporskoe carstvo / V. F. Gajdukevich. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. – 591 s.
 10. Гален Клавдий. О толках для начинающих / Клавдий Гален, пер. Е. В. Афонасина // ΣΧΟΛΗ: Философское антиковедение и классическая традиция. – 2015. – Vol. 9. 1. – С. 56–72.
Galen, Klavdij. O tolkah dlja nachinajushhih / Klavdij Galen; per. E. V. Afonasina // ΣΧΟΛΗ: Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaja tradicija. – 2015. – Vol. 9. 1. – S. 56–72.
 11. Дьячков С. В. Римские граждане в Северном Причерноморье / С. В. Дьячков // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева. – Харьков: АО «Бизнес Информ», 1997. – С. 57–79.
D'jachkov S. V. Rimskie grazhdane v Severnom Prichernomor'e / S. V. D'jachkov // Antichnyj mir. Vizantija: K 70-letiju professora V. I. Kadeeva. – Har'kov: AO «Biznes Inform», 1997. – S. 57–79.
 12. Корпус боспорских надписей / Ред. В. В. Струве. – М.; Л.: Наука, 1965. – 950 с.
Korpus bosporskih nadpisej / Red. V. V. Struve. – M.; L.: Nauka, 1965. – 950 p.
 13. Лега В. П. Секст Эмпирик: Скептицизм как образ жизни / В. П. Лега // Mathesis: Из истории античной науки и философии / Ред. И. Д. Рожанский. – М.: Наука, 1991. – С. 210–219.
Lega V. P. Sekst Jempirik: Skepticizm kak obraz zhizni / V. P. Lega // Mathesis: Iz istorii antichnoj nauki i filosofii / Red. I. D. Rozhanskij. – M.: Nauka, 1991. – S. 210–219.

14. Мировое наследие Европейского Боспора. Коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: Каталог / Гл. ред. К. Игнатов. – Керчь: Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник; Симферополь: ИП Игнатов, 2016. – 356 с.
 Mirovye nasledie Evropejskogo Bospora. Kollekcii Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeja-zapovednika: Katalog / Gl. red. K. Ignatov. – Kerch': Vostochno-Krymskij istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik; Simferopol': IP Ignatov, 2016. – 356 s.
15. Молев Е. А., Матукина А. Н. К вопросу о философии и философах на Боспоре / Е. А. Молев, А. Н. Матукина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 6. – С. 63–70.
 Molev E. A., Matukina A. N. K voprosu o filosofii i filosofah na Bospore / E. A. Molev, A. N. Matukina // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2016. – № 6. – S. 63–70.
16. Молева Н. В. О возможности демографического кризиса на Боспоре второй половины I в. до н.э. – I в. н. э. (по данным эпиграфики) / Н. В. Молева // Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф / Ред.-сост. Зинько В. Н. – Керчь: Деметра, 2007. – Вып. VI. – С. 215–218.
 Moleva N. V. O vozmozhnosti demograficheskogo krizisa na Bospore vtoroj poloviny I v. do n.e. – I v. n. e. (po dannym epigrafiki) / N. V. Moleva // Bosporskie chtenija: Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Periody destabilizacii, katastrof / Red.-sost. Zin'ko V. N. – Kerch': Demetra, 2007. – Vyp. VI. – S. 215–218.
17. Пономарев Д. Ю. Палеопатогеография мочекаменной болезни в Крыму в античную и средневековую эпохи / Д. Ю. Пономарев // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений. – Керчь: Деметра, 2001. – С. 240–245.
 Ponomarev D. Ju. Paleopatogeografija mochekamennoj bolezni v Krymu v antichnuju i srednevekovuju epohi / D. Ju. Ponomarev // Bospor Kimmerijskij i Pont v period antichnosti i srednevekov'ja: Materialy II Bosporskih chtenij. – Kerch': Demetra, 2001. – S. 240–245.
18. Сапрыкин Ю. С. Энкомий из Пантикапея и положение боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. / Ю. С. Сапрыкин // Вестник древней истории. – 2005. – № 2. – С. 45–81.
 Saprykin Ju. S. Enkomij iz Pantikapeja i polozhenie bosporskogo carstva v konce I – nachale II v. n. je. / Ju. S. Saprykin // Vestnik drevnej istorii. – 2005. – № 2. – S. 45–81.
19. Солопова М. А. Скептики / М. А. Солопова // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. / Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. – Т. 3. – М.: Мысль, 2010. – С. 511–512.
 Solopova M. A. Skeptiki / M. A. Solopova // Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4 t. / Nauchno-red. совет: V. S. Stepin, A. A. Gusejnov, G. Ju. Semigin. – T. 3. – M.: Mysl', 2010. – S. 511–512.
20. Фанагория: Альбом / Ин-т археологии РАН; под ред. В. Д. Кузнецова и А. А. Завойкина. – М.: Тип. «Locus Standi», 2015. – 176 с.
 Fanagorija: Al'bom / In-t arheologii RAN; pod red. V. D. Kuznecova i A. A. Zavojkina. – M.: Tip. «Locus Standi», 2015. – 176 s.
21. Харалдина З. Е., Новичихин А. М. Античные коллекции Анапского музея / З. Е. Харалдина, А. М. Новичихин // Горгиппийский сборник / Анапский археологический музей. – Анапа: ООО «Донской издательский дом», 2000. – С. 60–75.
 Haraldina Z. E., Novichihin A. M. Antichnye kollekcii Anapskogo muzeja / Z. E. Haraldina, A. M. Novichihin // Gorgippijskij sbornik / Anapskij arheologicheskij muzej. – Anapa: ООО «Donskoj izdatel'skij dom», 2000. – S. 60–75.

Leybenson J. T. Aulus Sitiesius – the representative of philosophical and medical school from Bosporus / J. T. Leybenson

This article concentrates on the Aulus Sitiesius funeral stele as a source of information about physicians on Bosphorus. It is a monument of the 2nd century AD from Panticapaeum which contains a relief. On this relief the Aulus Sitiesius, local physician is represented in an image of the philosopher. The short epitaph reports only a name of buried and the fact that he was an empiricist. Thus, the stele tells us that buried was the representative of philosophical and medical school of empiricists. This school is known since the Hellenistic era. It reached the greatest popularity in the Roman time, in the 1-2nd centuries AD. Theoretical doctrines of the empiricists relying on skeptical philosophy of the Pyrrho were described the Sextus Empiricus and the Aulus Cornelius Celsus. In more detail about theoretical provisions and methods of work of empiric physicians the Galen wrote in the 2nd century AD in the treatise "De sectis". Galen's message allows to present in general medical practice of the Aulus Sitiesius in Panticapaeum: he had to observe the course of a disease of the patients; to investigate "the previous reasons" of diseases as experience proved importance of their account for successful treatment; to trust only those methods and medicines which were repeatedly confirmed in medical practice. Of course, we don't know all methods of iatrotechnics of the Aulus Sitiesius, but we can establish what method he should not have used, being an adherent of empirical school. According to Galen, empiricists did not apply bloodletting in Scythia because of a frigid climate which weakens an organism and makes dangerous this popular medical practice. Cold winters on Bosphorus, apparently, were an obstacle for bloodlettings in Panticapaeum. Archeological materials from necropolises of Bosphorus allow to judge what diseases the doctor had to face: these are injuries of military and household character, bone and dentofacial pathologies or diseases of urogenital system. Gravestones of the second half of the 1st century BC – the first half of the 1st century AD allow to assume distribution of some epidemic in the territory of the European Bosphorus. But Aulus Sitiesius, most likely, conducted medical practice after epidemic. The name of Aulus Sitiesius allows to assume that he comes from freedmen of Asia Minor. This assumption is confirmed by the fact that in Laodicea, Nikomedia and Tarsus there were medical schools where empiric physicians taught. In the indication of empirical school in a short epitaph to the Aulus Sitiesius we probably should see desire of his followers who put a stele to emphasize importance of the philosophical and medical doctrine. Perhaps, followers of this physician after his death worked at Bosphorus some time, but proofs of existence of empirical school in Northern Black Sea Coast region are absent. Most likely, followers of Aulus Sitiesius wished to represent it on a relief as the intellectual in «a philosopher cloak». This type of a relief was rather extended to the European and Asian Bosphorus territories from the 1st century BC to 2nd century AD: in such image were represented people of intellectual occupations or just those who were fond of poetry and literature. At the same time, from our point of view, the image of the Aulus Sitiesius has to remind the viewer the image of healing god Asclepius. The pose, attire and attributes (an altar with a snake) are similar to a number of images of this deity, including those that come from Northern Black Sea Coast region. Thus followers of the Aulus Sitiesius tried to emphasize divine character of philosophy and iatrotechnics of the mentor. The idea about divine character of philosophy became very popular because of Plato, and was well-known on Bosphorus. Aulus Sitiesius is the only physician practicing on Bosphorus whose name is known. Besides, he is only representative of philosophical and medical school from Bosphorus. This fact makes its gravestone by especially valuable monument for studying the culture of the Bosporan Kingdom and Northern Black Sea Coast region in general.

Keywords: antique states of Northern Black Sea Coast region, history of medicine, philosophy, prosopography.

УДК 001:930 (470 КРЫМ)ЗАГОРОДСКИХ

**«ИМЕЛ МНОГО БЛАГОДАРНОСТЕЙ И НЕОДНОКРАТНО БЫЛ
ПРЕМИРОВАН»: ДЕКАН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
И ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ СССР ФЕДОР ЗАГОРОДСКИХ**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация*

Email: dr.aan@mail.ru

На основе документов, выявленных в Центральном государственном архиве Республики Дагестан, восстановлена биография кандидата исторических наук, доцента Федора Степановича Загородских (1893–1985), который длительное время возглавлял кафедру истории СССР, работал деканом исторического, историко-филологического факультета Крымского государственного педагогического и учительского институтов им. М. В. Фрунзе. Печальную известность в истории крымоведения приобрели действия Загородских по оговору крупнейшего крымоведа эпохи Н. Л. Эрнста. Деятельность Ф. С. Загородских в вузе, его научная и общественная работа были характерными для научно-творческой интеллигенции предвоенного и послевоенного времени. Из выявленных документов наиболее информативной является автобиография (автограф), написанная в эвакуации в августе 1942 года в связи с решением руководства Дагестанского государственного педагогического института им. Сулеймана Стальского выдвинуть Ф. С. Загородских на пост заведующего кафедрой марксизма-ленинизма этого вуза. Приводится полный текст этого документа. На основе выдержек из рецензии показана негативная роль Ф. С. Загородских в оговоре Н. Л. Эрнста в 1938 году.

Ключевые слова: Ф. С. Загородских, Крымский гос. педагогический институт им. М. В. Фрунзе, автобиография, Дагестанский гос. педагогический институт им. Сулеймана Стальского, Н. Л. Эрнст.

Еще в начале 70-х годов XX века, по воспоминаниям ветеранов, Ф. С. Загородских появлялся на партсобраниях в университете, хотя уже давно был на пенсии. Об одном из наиболее знаковых преподавателей историко-филологического факультета Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, заведующем самой крупной факультетской кафедрой – истории СССР – до последнего времени было известно крайне мало. Появление Ф. С. Загородских в Крымском пединституте было связано с прошедшей в русле решений местного Обкома ВКП(б) крупной чисткой в вузе 1934 года, когда были «удалены из института буржуазные националисты А. У. Шумин, Измайлов, О.-Н. А. Акчокраклы» [1]. В это же время были уволены профессора, видные ученые А. Н. Деревицкий (первый декан историко-филологического факультета Таврического университета), И. Н. Леманов, А. М. Лукьяненко [2]. Именно тогда институт был «укреплен опытными кадрами» – в том числе доцентов Ф. С. Загородских (история СССР) и Феличкина (всеобщая история).

Федор Степанович Загородских (1893–1985) родился в деревне Верхний Урал Чердынского района Пермской губернии. После окончания Чердынского городского четырехклассного училища в 1909 году продолжил образование в Вятке на двухгодичных педагогических курсах. С 1911 до 1915 годы служил учителем

**«ИМЕЛ МНОГО БЛАГОДАРНОСТЕЙ И НЕОДНОКРАТНО БЫЛ ПРЕМИРОВАН»:
ДЕКАН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
И ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ СССР ФЕДОР ЗАГОРОДСКИХ**

сельской школы в Чердынском уезде. В январе 1915 года был мобилизован в армию, где воевал на полях Первой мировой до марта 1917 года. Уже в августе 1918-го Загородских был мобилизован в Красную армию. В 1919 году после ранения ему ампутировали ногу. Вернувшись к гражданской жизни, герой борьбы за советскую власть без труда поступает в вуз. Он окончил общественно-экономическое отделение Пермского университета (1927 г.), член ВКП(б) с 1928 года. Федор Степанович решил не останавливаться на уровне школьного учителя, опыт работы в должности которого он уже имел. Занятия в аспирантуре он начал еще в Перми, а затем был переведен в Москву, где в 1934 году стал кандидатом наук. Научные разыскания Ф. С. Загородских были связаны с изучением героических событий Гражданской войны. С первых же дней работы в крымском вузе Ф. С. Загородских развернул бурную деятельность по «выведению на чистую воду» классово чуждых элементов, пьяниц, жуликов, врагов Советской власти. В конце 30-х некоторое время возглавлял исторический факультет Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе. Научные интересы Ф. С. Загородских в Симферополе были связаны с дальнейшим изучением истории Гражданской войны [3]. Во время немецко-фашистской оккупации Крыма, когда крымский вуз был эвакуирован в Махачкалу, где слился с местным Дагестанским педагогическим институтом, Ф. С. Загородских находился в эвакуации. Как отличившийся на строительстве оборонительных сооружений вокруг Махачкалы в 1942 году, он в 1944 году был награжден медалью «За оборону Кавказа». С 18 ноября 1943 года руководил кафедрой марксизма-ленинизма Дагестанского педагогического и учительского института. В 1944–1961 годах, после возвращения института из эвакуации в Симферополь, заведовал кафедрой истории СССР. В 1945–1951 годах – декан историко-филологического факультета [4].

Рис 1. Загородских Ф. С. 1943 год.

Интересные биографические материалы о Ф. С. Загородских удалось выявить в Центральном государственном архиве Республики Дагестан. Туда был вывезен архив Крымского педагогического и учительского института им. М. В. Фрунзе во время эвакуации. Назад документы не вернулись. Дело в том, что во время эвакуации крымский и местный вузы были слиты в единый Дагестанский педагогический и учительский институт имени Сулеймана Стальского. Соответственно и архив был слит. Во время возвращения в суматохе радостных сборов никто не побеспокоился об их разделении и возвращении в Симферополь. Так и остались документы в Махачкале.

Рис 2. Ф. С. Загородских со студентами историко-филологического факультета Крымского пединститута.

Во время эвакуации энергичный крымский преподаватель довольно быстро смог проявить себя в новом для него коллективе и был рекомендован руководством вуза на должность заведующего кафедрой марксизма-ленинизма. В этой связи для процедуры утверждения в обкоме партии ему была выдана характеристика:

«Тов. Загородских Ф. С. рождения 1893 г., член ВКП(б) с 1928 г., работает в Дагестанском педагогическом институте с 1941 г. ноября месяца в качестве доцента истории СССР.

Тов. Загородских перешел из Крымского педагогического института, где работал в качестве доцента истории СССР, основ марксизма-ленинизма и заведовал кафедрой истории СССР.

Помимо работы в ВУЗе он является внештатным лектором РК ВКП(б) и читает лекции в предприятиях и госпиталях в Махач-Кала.

Тов. Загородских пользуется заслуженным авторитетом среди студентов и профессорско-преподавательского состава, как хороший преподаватель, знающий свое дело.

Тов. Загородских является кандидатом исторических наук и доцентом.

Директор пединститута Фаталиев.

Секретарь парторганизации Бабаев» [5].

4 августа 1942 года Секретарю местного обкома ВКП(б) тов. Яковлеву было отправлено письмо, подписанное директором Дагестанского государственного педагогического института Халилом Магомедовичем Фаталиевым, где сообщалось, что дирекция и ученый совет ходатайствуют об утверждении доцента

**«ИМЕЛ МНОГО БЛАГОДАРНОСТЕЙ И НЕОДНОКРАТНО БЫЛ ПРЕМИРОВАН»:
ДЕКАН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
И ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ СССР ФЕДОР ЗАГОРОДСКИХ**

Ф. С. Загородских заведующим кафедрой основ марксизма-ленинизма Дагпединститута [6].

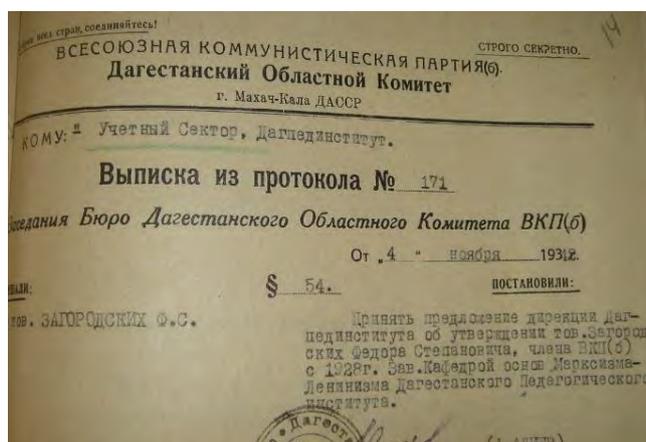

Рис 3. Выписка из протокола № 171. Центральный гос. архив Республики Дагестан.

Согласно выписке из протокола № 171 заседания бюро Дагестанского областного комитета ВКП(б) от 4 ноября 1942 года – §54 о товарище Загородских Ф. С. постановили: «Принять предложения дирекции

Дагпединститута об утверждении тов. Загородских Федора Степановича, члена ВКП(б) с 1928 г. зав. кафедрой основ Марксизма-Ленинизма Дагестанского педагогического института.

Секретарь Обкома ВКП(б) А. Алиев» [7].

Наиболее содержательным из выявленных нами документов является автобиография Ф. С. Загородских, написанная собственноручно 5 августа 1942 года. Она не только содержит интересные и достаточно подробные биографические сведения, но и порой довольно эмоционально передает отношение ее автора к отдельным событиям. Приведем ее текст полностью:

«АВТОБИОГРАФИЯ

доцента истории СССР и основ марксизма Ф. С. Загородских.

Родился в 1893 году 15 февраля в семье крестьянина середняка, с Урала, Чердынского района Молотовской обл. Отец умер в 1928 г., а мать 78 лет живет на иждивении двух братьев, которые работают в колхозе с самого начала коллективизации.

Учился в Чердынском городском 4-х классном училище с 1905 по 1909. По окончании городского училища учился в г. Вятке на 2-х годичных педагогических курсах, каковые окончил в 1911 г. До 1915 г. служил учителем сельской школы в Чердынском уезде. В 1915 г. был в январе взят в Царскую Армию и служил писарем до марта 1917 г. Во время Первой мировой войны был в Польше, Галиции и Румынии. В марте 1917 г. от Румынского фронта был командирован в Одессу в военную школу, в которой проработал до июня 1917 г. В июне был уволен по приказу об увольнении учителей начальных школ от военной службы. С июня 1917 г. по август 1917 г. жил в деревне у своего отца. Учителем не служил, т. к. почти все школы не функционировали.

**«ИМЕЛ МНОГО БЛАГОДАРНОСТЕЙ И НЕОДНОКРАТНО БЫЛ ПРЕМИРОВАН»:
ДЕКАН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
И ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ СССР ФЕДОР ЗАГОРОДСКИХ**

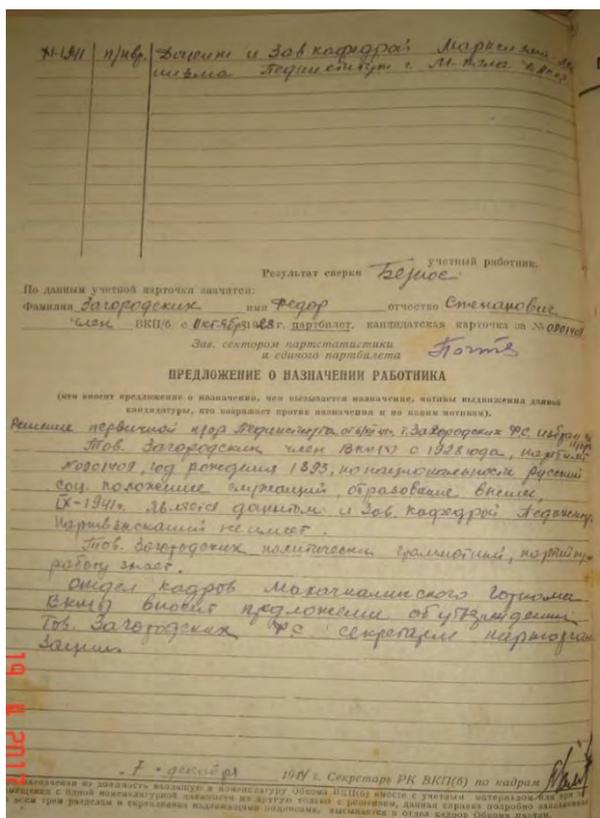

Рис 6. Предложение о назначении Ф. С. Загородских секретарем парторганизации. Центральный гос. архив Республики Дагестан.

санитарном поезде из Владивостока в Благовещенск. Проезда в Советскую Россию не было. В Чите наводнились семеновцы и японцы. Нужно было ждать ликвидации белых. Мне, как пленному красноармейцу, было предложено поступить в штаб партизанских отрядов, который помещался в вагонах и находился на станции Зилово и я охотно согласился. Меня назначили начальником строевого отдела штаба. В штабе работал больше семи месяцев, т. е. до полной ликвидации белогвардейщины. В штабе работал круглые сутки. Из мелких партизанских отрядов нами была сформирована, по примеру Красной Армии, дивизия и отдельные кавалерийские бригады. Когда была сформирована дивизия, я был назначен старшим пом. начальника штаба дивизии по адм. части. За службу в штабе дивизии во время ожесточенной борьбы дивизии под Читой, от начальника дивизии имею благодарность с опубликованием в приказе по всем частям дивизии (приказ № 6 от 9/XII – 1920 г. по Амурской стрелковой дивизии). После ликвидации белых уволился и уехал на родину. (На Урале имеются сослуживцы, которые меня знают по службе в

было бы ее вылечить. С перевязочного пункта всех раненых красноармейцев отправляли в город Ишим. Нас на ст. Ишим погрузили вместе с тифозными белогвардейцами и отправили в глубь Сибири. Мест в госпиталях Сибири не было и весь состав провезли во Владивосток. Дорогой некоторые красноармейцы заразились тифом и умерли. Во Владивостоке нас, пленных красноармейцев, поместили в Крепостном госпитале, где лежали красноармейцы и партизаны под усиленной охраной. После лечения из госпиталя белые отправляли красноармейцев на Русский Остров в специальный красноармейский лагерь, где большинство умирали от голода и тифа. Во Владивостокском крепостном госпитале лежал 3 месяца. В первых числах мая был освобожден партизанами, которые временно захватили во Владивостоке власть в свои руки. Меня выписали из госпиталя и снабдили протезом, и с инвалидами и политическими освобожденными отправили во 2-м советском

Красной Армии и на Дальнем Востоке). По приезде на родину проработал полгода, так как в дороге простудился. После выздоровления поступил учителем сначала в своей деревне, а потом в селе Анисимове. Учителем служил до 1923 г. и в 1923 г. Чердынским Отделом народного образования был командирован в Пермский университет, который окончил в 1927 г. После окончания общественно-экономического отделения университета был назначен преподавателем истории ВКП(б) и истории классовой борьбы в Пермский рабфак, где работал с 1927 г. по 1931 г. В 1931/1932 г. вел преподавательскую работу по истории СССР в Пермском педагогическом институте аспирантом. В 1932 г. аспирантура при Институте была ликвидирована и по решению окружкома был командирован в Москву заканчивать аспирантуру. В Москве состоял аспирантом по истории СССР при Историко-Филологическом институте и закончил аспирантуру в 1934 году. В этом же году защитил диссертацию на тему “Партизанское движение на Украине в тылу Деникина” и утвержден кандидатом исторических наук. В Москве вел пропагандистскую работу и все годы руководил кружками по изучению истории ВКП(б) и выполнял разные поручения Горкома партии.

По окончании аспирантуры ЦК Партии направил в Симферопольский педагогический институт преподавателем ист. СССР.

В Симферопольском пед. институте работал с 1934-го г. по октябрь 1941 г. С 1934 по 1941 зав. каф. истории СССР. С 1935 г. декан ист. фака. Одновременно преподавал два года курс – “Основы марксизма”. За работу в институте имел много благодарностей и неоднократно был премирован. В 1940 году опубликована работа на тему: “Борьба з деникинщиной и интервенцией в Крыму” – (140 стр.). Тема получила хороший отзыв.

Во время работы в Симф. пед. институте вел пропагандистскую работу. Состоял лектором Горкома и Обкома ВКП(б). В октябре 1941 г. из Симферополя вместе с Институтом эвакуировался в гор. Махач-Кала и работаю в Дагестанском педагогическом институте до настоящего времени. Работаю в институте доцентом истории СССР. По заданию Институтской Парторганизации выполняю различные поручения и читаю доклады и лекции. По

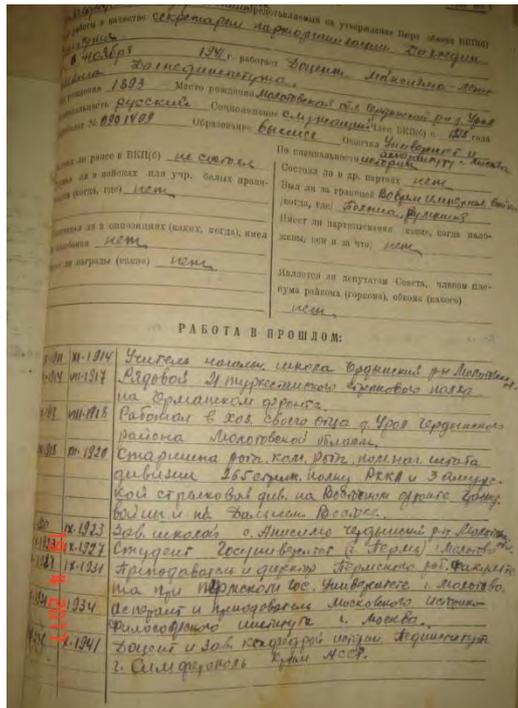

Рис 7. Трудовая деятельность Ф. С. Загородских. Центральный гос. архив Республики Дагестан.

Московского государства образовалось из “татарских шаек”, бродивших по степи. Такое утверждение клеветнически-лживое. <...> Эта небольшая статья в корне искажает исторические события, которые происходили в XIV и XV веках в Московском государстве и на юге. Она характеризует, что автор стоит на буржуазных позициях, т. е. враждебных Марксизму-Ленинизму. Автор излагает события субъективно и стремится и факты излагать так, чтобы оправдать свои антимарксистские взгляды» [9]. Ф. С. Загородских, хорошо знавший до этого Н. Л. Эрнста как археолога и крупного авторитетного крымоведа, музейного работника сделал безапелляционное заключение, что такую «религиозную и националистическую галиматью могли напечатать в журнале только люди, враждебно настроенные к Советской власти» [10]. Борца за чистоту рядов в исторической науке, историка революционного движения, героя гражданской войны, ставшего на ее полях инвалидом, человека искренне пропитанного идеями коммунистического будущего – Федора Степановича Загородских – раздражала такая цельная, занявшая свое первостепенное место в крымской историографии фигура глубокого специалиста-историка, «недобитого интеллигента» ушедшей эпохи, каким был Н. Л. Эрнст. Уничтожить классика крымоведения поставил своей целью sereneцкий доцент пединститута. Читая рецензию Ф. С. Загородских, поражаешься обилию грамматических и пунктуационных ошибок «ученого эксперта». Ф. С. Загородских вместе с другими авторами подобных рецензий на иные труды Н. Л. Эрнста присутствовал и на заседании суда над Н. Л. Эрнстом.

Ф. С. Загородских, без сомнения, неоднозначная фигура в истории нашего вуза, он отдал жизнь идее воспитания нового поколения советских людей. Он занимал ответственные должности, руководил ведущей кафедрой истории СССР, был деканом исторического и некоторое время – историко-филологического факультета (после слияния), членом парткома вуза. Эпоха не могла не наложить свой отпечаток на особенности жизни и деятельности историка. Приведенные документы показывают его негативную роль в уничтожении научного крымоведения в конце 30-х годов XX столетия. Некомпетентная экспертиза научных трудов видных исследователей Крыма той эпохи авторства Ф. С. Загородских, приведшая к их исключению из научной жизни, а зачастую и переселению в регионы с иным климатом, на целые десятилетия расчистила дорогу в крымоведении «идеологически правильным», но низкоуровневым трудам, популяризме и искажению исторической правды.

Список использованных источников и литературы

1. Безверхова Л. Первые шаги перестройки Педагогического института / Л. Безверхова // Красный Крым.– 1934.– № 223(4133).– 2 октября.– С. 3.
Bezverhova L. Pervye shagi perestrojki Pedagogicheskogo instituta [The first steps of the restructuring of the Pedagogical Institute]. Krasnyj Krym, 1934, № 223(4133), 2 oktyabrya, P. 3 (In Russian).
2. Непомнящий А. А. Перипетии судьбы российского профессора: неизвестные сюжеты биографии А. Н. Деревницкого / А. А. Непомнящий // Пространство и Время.– 2016.– № 3/4.– С. 201–219.

**«ИМЕЛ МНОГО БЛАГОДАРНОСТЕЙ И НЕОДНОКРАТНО БЫЛ ПРЕМИРОВАН»:
ДЕКАН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
И ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ СССР ФЕДОР ЗАГОРОДСКИХ**

- Непомнящий А. А. Peripetii sud'by rossijskogo professora: neizvestnye syuzhety biografii A. N. Derevickogo [Vicissitudes of the fate of the Russian professor: unknown subjects of the biography of A. N. Derevitskiy]. *Prostranstvo i Vremya*, 2016, № 3/4, pp. 201–219 (In Russian).
3. Загородских Ф. С. Борьба с Деникинщиной и интервенцией в Крыму / Ф. С. Загородских.– Симферополь: Крымгосиздат, 1940.– 135 с.
Zagorodskikh F. S. Bor'ba s Denikinshchinoj i intervenciej v Krymu [Struggle against the Denikin regime and intervention in the Crimea]. Simferopol', Krymgosizdat, 1940, 135 p (In Russian).
4. Гос. архив Республики Крым, ф. П-1, оп. 1, д. 1679, л. 134.
Gos. arhiv Respubliki Krym [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-1, op. 1, d. 1679, l. 134 (In Russian).
5. Центральный гос. архив Республики Дагестан, ф. П-1, оп. 82, д. 2482, л. 11.
Central'nyj gos. arhiv Respubliki Dagestan [Central State Archive of the Republic of Dagestan], f. P-1, op. 82, d. 2482, l. 11 (In Russian).
6. Там же, л. 14.
Op. cit. l. 14.
7. Там же, л. 1.
Op. cit. l. 1.
8. Там же, л. 7–10.
Op. cit. l. 7–10.
9. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий.– Киев: Стилос, 2012.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15).– С. 325.
Непомнящий А.А. Professor Nikolaj Jernst: stranicy istorii krymskogo kraevedenija [Professor Nikolai Ernst: pages of the history of Crimean regional studies]. Kiev, Stilos, 2012 (Serija: «Biobibliografija krymovedenija»; vol. 15), P. 325 (In Russian).
10. Там же.
Op. cit. l.

Непомнящий А. А. «Has many acknowledgements and has been preserved muchly»: the Dean of the Historical faculty and the Chair of the History of the USSR Fedor Zagorodskikh

The biography of Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Fedor Stepanovich Zagorodskikh (1893-1985), who for a long time headed the Department of History of the USSR, worked as dean of the historical, historical and philological faculty of the M.V. Frunze Crimean State Pedagogical and Teacher's Institute on the basis of documents revealed in the Central State Archive of the Republic of Dagestan was restored. A notorious fame in the history of Crimean studies by the actions of the Zagorodskikh in agreement with the largest Crimean scholar of the era of N. L. Ernst was acquired. The activities of F. S. Zagorodskikh in the university, his scientific and public work were characteristic of the scientific and creative intelligentsia of the prewar and postwar period. The most informative autobiography (autograph) written in the evacuation in August 1942 and created in connection with the decision of the leadership of S. Stalsky Dagestan State Pedagogical Institute to nominate F. S. Zagorodskikh to the post of the head of the Department of Marxism-Leninism of this university among the revealed documents was presented. The full text of this document was provided. The negative role of F.S. Zagorodskikh in the calumny of N. L. Ernst in 1938 on the basis of excerpts from the review was indicated.

Key words: F. S. Zagorodskikh, M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute, autobiography, S. Stalsky Dagestan State Pedagogical Institute, N. L. Ernst.

УДК 929-913

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПО КРЫМУ СУПРУГИ ОМЕР ДЕ ГЕЛЛЬ:

ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Орехов В. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье реконструируются биографии Адели и Ксавье Омер де Гелль, которые посещали Крым в начале 1840-х гг. и неоднократно отразили полуостров в своем научном и литературном творчестве. Восстановление биографий супругов Омер де Гелль приобретает особое значение в свете того, что в XIX в. Адель Омер де Гелль стала жертвой мистификации П. П. Вяземского, что на долгие годы дискредитировало в глазах исследователей и личность путешественницы, и результаты ее творчества.

Ключевые слова: Омер де Гелль, Крым, путешествие, биография, литературное крымоведение.

Многим исследователям имя Адели Омер де Гелль хорошо знакомо благодаря скандальной мистификации, осуществленной в конце XIX в. П. П. Вяземским, который подделал более сотни интимных писем француженки и таким образом создал миф, долгое время владевший и читательским воображением, и убеждениями историков. Разоблачение этого мифа произошло в 1934–1935 гг. и имело вид сенсации [2; 3]. С этого времени так называемые «Письма и записки» Омер де Гелль перестали служить историческим источником, однако реальная биография французской путешественницы и поэтессы осталась известна исследователям лишь фрагментарно. Даже во Франции документальные свидетельства о жизни А. Омер де Гелль настолько прочно забылись, что в начале XX столетия прозвучали предположения, не является ли она вымышленным историческим персонажем. Историк литературы П. С. Попов (в свое время разоблачивший подделку П. П. Вяземского [5]) писал разочарованно: «От французских писателей и журналистов мы вправе были ожидать солидных и документальных данных по поводу мнимых писаний О. де Гелль: на родине писательницы легче вскрыть обстановку ее жизни» [4, с. 768].

Важно отметить, что факты жизни и творчества и Адели Омер де Гелль, и ее мужа Ксавье представляют большой интерес для крымоведения, поскольку в начале 1840 г. супруги-путешественники исследовали Крым, запечатлев в своих произведениях множество ценных для нас исторических деталей. Исходя из этого, целью настоящей статьи является реконструкция их биографий, и в том числе – прояснение обстоятельств их крымского путешествия.

Некоторую информацию о супругах Омер де Гелль содержат известные французские справочники. Так, в «Большом универсальном словаре XIX века» Пьера Ларуса об Адели сказано: «Омер де Гелль (Адель Эрио, дама) – французская писательница, родившаяся около 1820 г. Умерла в июне 1883 г. Ее последнее сочинение озаглавлено “Через мир, восточная жизнь, креольская жизнь” (1870–1872, in-18)» [49]. В

гораздо более позднем и более компактном, но «родственном» предыдущему справочнике «Универсальный Ларусс» есть информация и о муже Адели: «Омер де Гелль (Игнас-Ксавье), французский геолог и путешественник; родился в Альткирше, ум. в Исфохане (1812–1848). Вместе с женой Жанной Эрио (1815–1883) совершил интересные путешествия по южной России и берегам Каспийского моря» [48]. Заметим, что в названных источниках указаны разные даты рождения Адели Омер де Гелль: около 1820 г. и 1815 г.

В «Универсальном словаре...» известного энциклопедиста Густава Ваперо об Адели Омер де Гелль сообщается следующее: «Жена французского путешественника, носившего ту же фамилию и умершего в 1848 г. в Исфохане, родилась в 1819 г. Она сопровождала мужа в научной миссии, порученной ему правительством; провела пять лет в южных владениях России между Дунаем и Кавказом и участвовала в создании большого труда “Степи Каспийского моря” (1844–1847, 3 т., in-8, карты и планы). Ее участие в этом сочинении выразилось в живописном повествовании о путешествии, в создании зарисовок о нравах, характерах и лицах. После смерти мужа она опубликовала отдельно “Путешествие по степям Каспийского моря и по южной России” (1860, in-18; 2-е изд. в 1868 г.). Ей также принадлежат “Грезы путника” (1845, in-18), стихотворения, которые были хорошо приняты; кроме того, статьи в “Ежегодном обозрении путешествий”, “Через мир, восточная жизнь, креольская жизнь” (1870, in-18, 2-е изд. – 1872). Она также приняла участие в подготовке к изданию “Путешествия в Турцию и Персию”, которое начало публиковаться в 1854 г. и которого IV том вышел в 1860 г. (in-8, 24 ил.)» [60, р. 949]. Итак, у нас есть третий вариант даты рождения – 1819 г. Однако и в этой статье нас тоже кое-что должно смутить: «Степи Каспийского моря» публиковались не в 1844–1847 гг., как ошибочно указывает Г. Ваперо, а в 1843–1845 гг. Следовательно, и дата рождения может оказаться ошибочной.

В поисках уточнений приходится обращаться к более скрупулезным жизнеописаниям путешественников. Так, в «Бюллетене геологического общества» опубликован доклад А. Викснеля (A. Viquesnel), озвученный 6 мая 1850 г., «О коллекции горных пород, собранных в Малой Азии и Персии покойным Омер де Геллем». Из этого сообщения можно почерпнуть подробную информацию о последней восточной экспедиции (1846–1848) Омер де Гелля и о важности обнаруженных им минералогических образцов [61]. В том же году в «Бюллетене географического общества» был помещен некролог Ксавье Омер де Геллю, написанный известным французским географом, главным секретарем центрального комитета Общества Александром Дево де ла Рокетом. Некролог был озвучен на заседании 26 июля 1850 г. и, по сути, представлял собой первое биографическое исследование о К. Омер де Гелле от его рождения в 1812 г. до гибели в 1848 [57]. Де ла Рокет не обошелся «общими фразами», а целенаправленно собирал информацию. Кроме личных воспоминаний о покойном (который являлся членом Общества) и уже опубликованных работ Омер де Гелля, он воспользовался еще и неопубликованными материалами последней экспедиции, которые цитировал и подробно анализировал и которые, по его словам, хранились у вдовы путешественника. Очевидно, что многие сведения о юности и первых путешествиях Омер де Гелля А. Д. де ла Рокет также получил именно от Адели Омер де Гелль.

Достоверность приведенных в некрологе сведений подтверждается, скажем, тем, что в дальнейшем близкий друг семьи Омер де Гелль Шарль Гуцвиллер очень часто ссылался на этот текст и называл его «основательным очерком жизни и трудов ученого, очерком, написанным специалистом талантливым и осведомленным» [23, р. 338].

Теперь о самом Гуцвиллере. В историю Эльзаса Шарль Антуан Адам Гуцвиллер вошел, прежде всего, как художник и писатель [13]. Он родился в 1819 г. в Альткирше – родном городе К. Омер де Гелля. Здесь же, в Альткирше, закончил колледж, где проявил способности рисовальщика, а позднее занял преподавательскую должность. Кроме того, он служил секретарем мэрии и одновременно сотрудничал в журнале «Эльзасское обозрение» («Revue d'Alsace»). С 1855 г. был главным секретарем мэрии Кольмара – крупного эльзасского города. Очень многое сделал для развития местных ученых обществ, библиотеки и музея [59, р. 632–633]. По его чертежам в родном Альткирше был построен красивый готический фонтан [13, р. 140]. Словом, Гуцвиллер был одним из тех образованных и целеустремленных провинциалов, благодаря которым французские области и сумели сохранить свою историю и культурную уникальность.

Первый и весьма обширный очерк о супругах Омер де Гелль Ш. Гуцвиллер напечатал в 1860–1861 гг. в «Эльзасском обозрении», назвав Ксавье не только своим другом и земляком, но и одним из «пионеров цивилизации» [23, р. 338]. По тексту видно, что помощь в сборе материалов Гуцвиллеру оказывала А. Омер де Гелль, поскольку он постоянно цитирует неизданные письма путешественника, которые могли храниться только у его вдовы.

В 1885 г. Ш. Гуцвиллер поместил вариант очерка о К. Омер де Гелле в справочном издании «Биографии эльзасцев с портретами и фотографиями» [22]. В 1898 г. он посвятил рассказу о супругах Омер де Гелль часть своих мемуаров «Эльзасские воспоминания, портреты, пейзажи: сквозь время» [21]. Здесь очерк о Ксавье представлен в несколько укороченном виде, зато появляются новые материалы о жизни Адели после смерти ее мужа и о помощи, которую она оказывала в сборе мемориальных материалов о нем. Труды Ш. Гуцвиллера, наряду с некрологом, написанным А. Д. де ла Рокетом, основаны на документальных свидетельствах и могут быть использованы как надежный биографический источник о супругах Омер де Гелль.

Кроме этого, есть и другие работы, помогающие восстановить историю их жизни, прежде всего – жизни Адели Омер де Гелль. Речь идет о серии биографических изысканий (разной степени научности), которые создавались в контексте осмысления той роли, какую сыграли женщины-путешественницы в истории землеописания. Так, в 1866 г. вышла книга Ришара Кортамбера «Прославленные путешественницы». Среди двух десятков биографий находим здесь и весьма подробное описание жизни и странствий Адели Омер де Гелль.

Автор книги был потомственным географом. Его отец – Эжен Кортамбер – возглавлял географическое отделение Национальной библиотеки Франции. В этом же отделении, под началом отца, с 1860 г. служил и Ришар. Имея широкий доступ к географической литературе, он посвятил свои труды истории и популяризации путешествий и географических открытий. Последним трудом его жизни стало объемное и

«мастерски написанное» [25] сочинение «Новая история путешествий и географических открытий всех времен и народов».

Основную информацию о путешествиях Адели Омер де Гелль Кортамбер брал из путевых записок самой Омер де Гелль, которые имеют документальный характер. Однако он еще и лично общался с путешественницей, поскольку цитирует ее письма и рассказывает о ее планах на будущее. Надо полагать, что именно со слов Адели Омер де Гелль Кортамбер сообщает подробности о ее детстве и юности. А потому труд Кортамбера послужит для нас одним из основных источников в дальнейшем разговоре об Адели Омер де Гелль, тем более что в дальнейшем биографы путешественницы так или иначе опирались на материалы, опубликованные Кортамбером.

Это относится, например, к Амели Шевалье, которая создавала портреты женщин (прежде всего француженок), сыгравших заметную роль в истории и культуре. Пожалуй, наиболее известное ее сочинение – «Женщины прошлого» (1899), представляющее историю французского общества сквозь призму женских биографий [15]. Этому труду предшествовала книга «Путешественницы XIX века», которая выдержала два издания: в 1888 и 1889 гг. Здесь отдельная глава посвящена Адели Омер де Гелль [16]. А. Шевалье ссылается лишь на один источник – книгу самой Омер де Гелль «Путешествие по степям Каспийского моря». Однако даже поверхностное сравнение текстов позволяет уверенно заключить, что автор порою почти дословно использовала фрагменты из работы Кортамбера (при этом временами путая датировку событий).

В 1894 г. по пути Кортамбера пошел другой известный географ, специалист в области картографии, создатель «Географического лексикона», основатель и главный секретарь Восточного географического общества [26] Жозеф-Виктор Барбье. На национальном конгрессе французских географических обществ он выступил с докладом «Роль французских путешественниц в географии», значительное внимание уделив Адели Омер де Гелль [12]. Основную часть сведений Барбье взял у Кортамбера, о чем и сообщил публике. Самому Барбье принадлежали некоторые довольно меткие наблюдения об экспедициях супругов Омер де Гелль и указание на год смерти путешественницы – 1883.

К тому же 1894 г. относится еще одна попытка описать жизнь Адели Омер де Гелль – на сей раз пером писательницы и переводчицы Мари Дронсар. В книге «Великие путешественницы» один из очерков она посвятила А. Омер де Гелль. Он основан на тексте все того же Кортамбера, причем порою с почти буквальной передачей его фраз. При этом почти все биографические даты М. Дронсар попросту опустила. В том редком случае, когда Дронсар все же решилась допустить календарную конкретику и указала год смерти Ксавье Омер де Гелля, она тут же попала впросак, написав вместо 1848 года – 1849. К «нововведениям» Дронсар можно отнести некоторые мелодраматические и не известные на чем основанные замечания, как, например: «Ее замужество представляло собой изящный роман» [19, р. 12]. В целом «труд» М. Дронсар настолько далек от следования историческим реалиям, что не способен создать объективное представление о жизни супругов Омер де Гелль.

Важным и чрезвычайно информативным источником являются путевые описания самих супругов Омер де Гелль, имеющие документальный и, соответственно, автобиографический характер. Основные из этих сочинений: 1) трехтомное издание «Степи Каспийского моря, Кавказ, Крым и южная Россия» [44], в 1843–1845 гг. опубликованное супругами Омер де Гелль в соавторстве; 2) «Путешествие по степям Каспийского моря и по южной России» [42], написанное и опубликованное в 1860 г. Аделью Омер де Гелль уже совершенно самостоятельно; 3) книга Адели «Через мир. Восточная жизнь. Креольская жизнь» [27], первая часть которой основана на сведениях, накопленных в период пребывания в Турции во второй половине 1840-х гг., а вторая – включает описание двух путешествий, осуществленных в 1860-х гг.: на Мартинику и в придунайские земли. Кроме перечисленных основных трудов супругов Омер де Гелль, нам удалось обнаружить во французских научных и периодических изданиях XIX в. еще целый ряд публикаций Адели, которые позволяют проверить и уточнить важные биографические факты.

Итак, полное девичье имя Адели Омер де Гелль – Жанна-Луиза-Аделаида Эрио (Hériot) [57, р. 30]. Она родилась в 1819 г. в городке Арбуа департамента Юра. Очень рано потеряла мать, так что воспитанием девочки занималась старшая сестра, проявлявшая о ней «совершенно материнскую заботу» [18, р. 181]. Отцу Адели приходилось бороться со многими житейскими невзгодами, и, наконец, он устроился в сфере народного просвещения. Последовали частые переезды по Франции: Франш-Конте, Бурбонне, Овернь. Кортамбер даже высказал предположение, что именно «кочевой» характер отца привил Адели склонность к путешествиям.

Когда девочке исполнилось семь лет, семейство переехало в Париж, и ее отдали в пансион Сен-Манде в нескольких километрах от столицы. После смерти отца она поселилась у родной сестры, которая к тому времени уже жила в Сент-Этьене. В скором времени она познакомилась со студентом Горного института в Сент-Этьене Ксавье Омером. Между ними возникла взаимная привязанность, которой пришлось преодолеть объективные препятствия: Адели едва исполнилось 15 лет, у нее не было состояния, а Ксавье еще не был обеспечен местом службы. Между тем он «не успокоился, пока не добился от своих родителей разрешения вступить в брак» [16, р. 23].

Полное имя Ксавье – Игнас Ксавье Моран Омер. «Де Гелль» он прибавил лишь в 1839 г., когда получил от российского правительства орден Св. Владимира, что подразумевало и получение дворянства. «Де Гелль» – имя его матери, которая принадлежала к роду бывших балы из Ландсера. Ксавье Омер родился 24 ноября 1812 г. в эльзасской коммуне Альткирш, которая и сегодня представляет собой совсем небольшой населенный пункт – до 6 000 жителей. Чтобы описать детские и отроческие годы Ксавье, достаточно процитировать воспоминания его земляка Ш. Гуцвиллера: «Единственный сын и кумир благочестивой и нежной матери, он рос в окружении изошренных забот <...>. Впрочем, хрупкое, почти болезненное сложение юного Омера, по-видимому, оправдывало заботы, которыми он был окружен в детстве и отрочестве. Первоначальное классическое образование он получил в колледже Альткирша <...>. В нем рано проявилась тяга к науке и графике, и было заметно, что он с жаром обучается рисованию, что оказалось столь полезным для него позже» [23, р. 339].

Продолжил свое образование Ксавье Омер вдали от дома, в Королевском колледже Дижона – солидном учебном заведении, где Ксавье был одним из лучших учеников и откуда вышел в 1831 г. Поскольку молодого человека более прочего интересовала геология, он поступил в Горное училище Сент-Этьена, которое и поныне остается одним из наиболее престижных заведений Франции по подготовке инженеров. В 1833 г. он завершил свое образование, получив квалификацию гражданского инженера.

Рис. 1. Ксавье Омер де Гелль.
Литография Ш. Гуцвиллера по рисунку Ж. Лорана.

Тогда и состоялась его женитьба на Адели Эрио. Здесь следует вновь процитировать Ш. Гуцвиллера, свидетельство которого выглядит велеречиво, но зато принадлежит человеку, лично знавшему и Ксавье, и Адель на протяжении многих лет. «Познакомив его, – вспоминал Гуцвиллер о юности Ксавье, – в самом начале поприща с душой, способной понять его душу, разделить его рискованные проекты, внушить ему веру в будущее и в результате упорного труда, судьба преподнесла ему то, к чему многие люди тщетно стремятся всю жизнь, – совместное счастье <...>. Один ученый, другая поэтесса – оба одарены деятельными и нежными сердцами, признающими счастье лишь во взаимной страсти <...>! Не противясь желанию своего мужа искать успеха на Востоке, она живо разделила это желание и осознала, что там, в солнечной стране, свершится их судьба» [23, р. 341].

Прежде чем «искать успеха на Востоке», молодой чете, не имевшей состояния, приходилось сначала устраивать свою жизнь на родине. В ту эпоху в регионе велась подготовка грандиозного инженерного мероприятия – проектировалась железная дорога из Лиона в Марсель вдоль русла Роны, навигация по которой была трудной, что сужало возможности по перевозке грузов и пассажиров [45, р. 1]. Ксавье принял участие в проектировании дороги, и его жизнь превратилась в беспрестанные разъезды между пунктами будущего строительства. Жалование при этом было скудным [12, р. 258]. И 2 октября 1835 г. в поисках удачи Омер де Гелль отправился в Константинополь, оставив во Франции жену и только что родившегося сына [23, р. 342].

Пережив по дороге в Стамбул кораблекрушение, после которого родные и друзья несколько недель считали его погибшим [57, р. 30], Ксавье добрался до Турции, где очень скоро был принят на службу в качестве гражданского инженера на выгодных условиях: его жалование составляло 2000 пиастров в месяц, что было эквивалентно 6360 франкам во Франции. «Ему также предоставили казенную квартиру, – добавляет Гуцвиллер, – и таим, или ежедневное обеспечение мясом, рисом и углем. Для Константинополя, где жизнь в ту пору была весьма дешева, это были очень выгодные условия» [23, р. 346]. Видимо, сразу после этого к Омер де Геллю переехала и жена с сыном.

По убеждению Кортамбера, именно на Востоке начали развиваться поэтические дарования Адели: «Она всегда была очень восприимчива к красотам природы, очарованию стихов, к возвышенным раздумьям, но она никогда не стремилась сформулировать свои впечатления; переход из Марселя в Константинополь показал ей столь прекрасную природу, что она пережила, так сказать, преображение. <...> Вид Константинополя, Босфора, Принцевых островов привели ее воображение <...> в состояние восторга, близкого к экзальтации. Как она сама признается в одном из писем, в течение некоторого времени она жила в духовном опьянении, которое люди рациональные вполне могли бы принять за безумие» [18, р. 183].

В то время в Турции свирепствовала чума, однако Адель и Ксавье много ездили по стране, что, видимо, объяснялось не только любознательностью, но и профессиональной деятельностью молодого инженера. Ш. Гуцвиллер сообщает: «Первым порученным ему заданием было проектирование 200-метрового висячего моста для Константинопольского порта. 14 декабря полевые исследования были завершены, и он рассчитывал через три недели представить султану свои планы. В то же время Алим-паша, зять султана, заказал ему проект строительства маяка на берегу Черного моря у входа в Константинопольский канал. Затем он был представлен Намиком капутан-паше, или командующему флотом, с которым беседовал без драгомана по-итальянски. Этот высокопоставленный сановник пообещал ему блестящее будущее, если ему удастся использовать турецкую железную руду для литья пушек в Константинополе» [23, р. 346–347].

Уже тогда у Адели проявились качества, которые определили ее дальнейшую судьбу, – она была постоянной спутницей мужа в его поездках и умела запечатлевать в памяти самые колоритные картины жизни. Амели Шевалье очень поэтично (хотя лишь перефразируя оригинальное исследование Кортамбера) выразила настроение, которое владело юной французской путешественницей во время ее стамбульской

жизни: «Живое воображение г-жи де Гелль было сильно поражено живописным обликом восточной жизни, яркостью ее красок, изяществом ее форм, столь отличными от тривиальной обыденности Запада. <...> Сопровождая мужа, она с наслаждением исследовала тихие уголки гористых и почти пустынных улиц в наименее посещаемых кварталах Стамбула, где зарешеченное окно или приоткрытая дверь подсказывали ей сюжет целого романа или заставляли ее грезить о дивных дворцах» [16, р. 24–25].

Между тем удача отвернулась от французского инженера. Его покровитель впал в немилость, а это привело к тому, что «заглохли» все курируемые им проекты: подвесной мост, маяк, литейный завод. Ксавье приходилось искать для себя новые возможности, и именно поэтому он задумал поездку в Россию. Ему удалось заручиться рекомендательным письмом к французу, долго состоявшему на русской службе, генералу К. И. Потье. 15 мая 1838 г. молодая чета села на одесский пароход [44, т. I, р. 1–3], пересекла Черное море, провела какое-то время в Одессе, а далее направилась в имение Потье, расположенное между Джарылгацким и Тендровским заливами Черного моря.

Карл Иванович Потье был инженером и находился на русской службе с 1810 г., занимая высокие посты: член Совета путей сообщения, управляющий Комиссией проектов и смет, директор Института Корпуса путей сообщения. В 1836 г. в звании генерал-лейтенанта он вышел в отставку [6] и поселился в имении, которое в честь супруги называл Кларовкой (ныне с. Клуглоозёрка в Херсонской области). Кстати, для Крыма в свое время Потье подготовил проект здания керченского карантинного здания и проект дороги из Бахчисарая в Севастополь в объезд Северной стороны [1, с. 344, 362, 400].

Приезд Ксавье пришелся впору, поскольку как раз в тот момент генералом Потье владела идея устройства мельниц на Днепре. Проект был сразу же поручен молодому французскому инженеру [12, р. 259]. Это потребовало от Ксавье исследования берегов Днепра, и тут ему снова улыбнулась удача: в 1839 г. близ Екатеринослава он обнаружил месторождение железной руды, за что (думается, не без протекции Потье) был награжден орденом Св. Владимира [21, р. 289]. С той поры Адель и Ксавье и стали писать свою фамилию на дворянский манер – Омер де Гелль.

Между тем Ксавье всеми силами старался проявить себя в чем-то большем, нежели строительство мельниц. Ш. Гуцвиллер свидетельствует, что в 1838 г. Омер де Гелль, находясь в Херсоне, направил при посредстве французского консула в Одессе Шалле записку русскому правительству, где «совершенно свободно рассуждал об арсеналах Николаева и Севастополя» [23, р. 351]. Трудно сказать, имело ли это какое-нибудь продолжение. Но вот другой замысел Ксавье – экспедиция по южной России и на Каспий – действительно осуществился.

Позднее, уже в описании экспедиции, Омер де Гелль так формулировал задачи этого предприятия: «Отправляясь из Константинополя в Одессу, я преследовал одну основную цель – познакомиться с геогностическим строением Крыма и степей Новороссии и путем положительных наблюдений решить большой вопрос Босфорского разлома. Начав это исследование, я не мог ограничиться рамками первоначального замысла и был вынужден исследовать также обширные области от Дуная до Каспийского моря и вплоть до северных склонов Кавказа. Таким образом, я провел в южной

России около пяти лет, исколесив эту область во всех направлениях, исследовав пешком и верхом русла рек и потоков, посетив все русское побережье Черного, Азовского и Каспийского морей» [44, т. I, р. V].

Очевидно, при содействии того же К. И. Потье Омер де Геллю удалось заручиться поддержкой новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова, по воле которого в распоряжение Омер де Гелля были предоставлены «великолепный драгоман с казаком, который должен был внушать уважение и страх полудиким степным племенам, а кроме того, – просторная и прочная бричка» [18, р. 186]. Помимо того, Воронцов обеспечил финансирование экспедиции [57, р. 32], снабдил путешественников подорожными грамотами и рекомендательными письмами к губернаторам областей, через которые пролегал маршрут.

Ксавье сомневался, брать ли супругу в столь долгий и трудный путь, однако ее воодушевление победило его чувство осторожности. Позднее она вспоминала свое настроение накануне отъезда на Каспий: «Все рассказы знаменитых путешественников всплывали в моем сознании, и я с некоторой гордостью повторяла себе, что я, женщина, парижанка, тоже отправляюсь исследовать далекие земли и месяцы напролет наслаждаться существованием, которое мало кому суждено изведать! <...> Странная вещь, подтверждающая мое призвание путешественницы! Все, что ужаснуло бы большинство женщин, более всего и влекло меня в это путешествие, и перечисление моим мужем тягот, лишений и даже опасностей, которым мы подвергнем себя, имели результатом лишь то, что усилили мое нетерпение двинуться в путь» [42, р. 2].

Между тем была еще одна причина, которая подталкивала Адель сопровождать супруга. Уже на этапе сборов здоровье исследователя сильно пошатнулось. Его мучили настолько сильные удушья, что Адель вознамерилась всеми силами противиться его путешествию и даже сжечь путевые проекты мужа [57, р. 187], однако болезнь отступила, и вопрос с путешествием был окончательно решен. Сыновей (а их к тому времени было уже двое) оставили в Кларовке – на попечение подруги Адели Омер де Гелль.

Как ни странно, возникает некоторая путаница в датировке экспедиции, причем – речь идет о разнице в целый год. Дело в том, что в описании путешествия, опубликованном в 1860 г., Адель четко указала, что экспедиция началась в начале мая 1840 г. [42, р. 3] Видимо, опираясь именно на это указание, и Кортамбер датировал начало экспедиции 1840 г. Между тем в трехтомном путешествии «Степи Каспийского моря...» (1843–1845), написанном авторским дуэтом Адели и Ксавье, дата указана иная – начало мая 1839 г. [44, т. I, р. 228] Думается, что эта датировка является верной, поскольку, во-первых, трехтомное описание путешествия издавалось «по свежим следам» экспедиции, во-вторых, оно гораздо более академично, нежели позднейшие издания Адели о странствиях по России, в-третьих, стихи Адели, написанные на берегу Волги, в Таганроге, Астрахани и Кисловодске (то есть во время экспедиции), и автором датированы 1839 годом [39, р. 89, 100, 105, 129].

Вообще говоря, хронологическая привязка событий в сочинениях супругов Омер де Гелль о поездке по России прослеживается весьма сложно: авторы очень редко

указывают, когда они прибыли в тот или иной пункт. Когда Адель переиздавала описание своих путевых впечатлений о России в 1868 г., она убрала даже дату начала путешествия [36, р. 1], которая, напомним, в издании 1860 г. обозначалась как 1840 г. Видимо, Адель Омер де Гелль опасалась, что ее впечатления будут восприняты публикой как сильно устаревшие и решила не акцентировать внимание на точном времени путешествия.

Но вот почему путевые даты почти отсутствуют в трехтомном, научном описании экспедиции, изданном в 1843–1845 гг.? Думается, и это объяснимо.

Дело в том, что кроме основной экспедиции, Ксавье предпринял еще ряд не столь масштабных поездок по югу России – какие-то с супругой, а какие-то без нее. В некоторых местах (например, в Керчи и на Кавказе) он побывал дважды, в иных – возможно, и по несколько раз. Поденное описание всех этих поездок «развалило» бы путевую композицию «Степей Каспийского моря...», рассредоточило бы информацию об одних и тех же пунктах по разным частям издания. Поэтому Ксавье и Адель прибегли к тому же композиционному приему, что и швейцарский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший юг России и Кавказ незадолго до них – в 1832–1834 гг. Он издал 6-томное «Путешествие вокруг Кавказа к черкесам и абхазам в Колхиду, Грузию, Армению и Крым» (1839–1843). Наблюдения, сделанные в ходе многих поездок и научных экскурсий, он представил в виде одного «линейного» путешествия, что позволило «упорядочить» подачу материалов. Тем же соображением руководствовались и супруги Омер де Гелль, полагая, что целостное описание различных пунктов и объектов предпочтительнее, нежели точное следование хронологии дневниковых записей. Ксавье, завершая описание крымской поездки, как бы между делом сообщал читателю: «Обстоятельный рассказ обо всех наших прогулках, конечно, был бы монотонным и скучным, и мы предпочли ограничиться тем, что проследили основные маршруты, в которых красоты пейзажа объединились с наиболее замечательными напоминаниями о древности. Мы уже использовали этот принцип при составлении нашего “Путешествия” на Каспийское море: вместо того, чтобы занимать читателя описанием наших многочисленных экскурсий и сорока или пятидесяти тысяч верст, которые мы проделали в экипаже или верхом, мы сочли за лучшее сделать на основании всех разнообразных наблюдений рассказ об одной единственной экспедиции» [44, т. II, р. 513–524].

Тем не менее, одна – главная – экспедиция на Каспий, которую совершили супруги Омер де Гелль, несомненно, имела место, пусть даже ее маршрут и не был вполне идентичен описанному в трехтомнике. И мы выяснили, что началась эта экспедиция в мае 1839 г. Что касается ее завершения, то можем утверждать, что его следует отнести к концу 1839 г. Из текста «Путешествия...» видно, что, проведя летний сезон в Прикаспийских степях, путники двинулись на Кавказ и прибыли на кислые воды, когда курортный сезон уже завершился, то есть осенью. Оттуда они отправились на северное побережье Азовского моря, куда добрались к началу морозов. В Одессу они попали уже в пору метелей [44, т. II, р. 199, 352, 356]. Таким образом, их путешествие продлилось с мая по зиму 1839 г.

Как следует из того же текста, в следующем, 1840 г. Ксавье снова ездил на Кавказ, причем без Адели. Во всяком случае, именно такой вывод можно сделать из обрывка его фразы: «В 1840 г., когда состоялось мое последнее путешествие на Кавказ <...>» [44, т. II, р. 337]. Местоимение «мое», а не «наше», вполне ясно указывает, что в 1840 г. странствовал по Кавказу он уже в одиночку.

Но вернемся к их главной экспедиции – на Каспий. Она началась в самую лучшую пору – в первых числах мая. Путь пролегал по зеленеющим степям сначала в Екатеринослав, потом в Мариуполь и оттуда – через малые и большие жилые пункты с разноплеменным населением – в Таганрог и Ростов-на-Дону. Далее – цивилизация становилась все менее заметной, дорога труднее, народы – экзотичнее. Но, судя по путевым впечатлениям, энтузиазм Адели не остывал. Это особенно чувствуется в том, например, как она описывает Волгу, за которой, по представлениям путешественников, находился мир неизведанный, дикий, переполненный неожиданностями: «Утром я жадно устремила взор к Волге, которая почти сияла в ярких лучах восходящего солнца. С каким воодушевлением и даже гордостью смотрела я тогда на эту прекрасную реку, которая простирала перед нами свои спокойные и величественные воды, свои излучины и многочисленные островки, поросшие ольхой и осиной, изрезанные тысячей русел! По ту сторону Волги тянутся необозримые степи, где находятся кочевья киргизов и калмыков и чья линия на горизонте столь же гладкая, как у океана. Трудно представить зрелище более грандиозное и более гармонирующее с тем изображением, что Волга, течение которой составляет шестьсот лье, принадлежит к первому разряду великих рек Европы» [42, р. 101–102].

Путешественники добрались до Астрахани, оттуда отправились в Прикаспийские степи, а затем через Кавказ снова вернулись к Азову и уже по знакомому пути поехали в Одессу. Нам нет необходимости описывать подробности этого продолжительного вояжа. Но один фрагмент из воспоминаний Адели Омер де Гелль мы все же приведем, поскольку он очень ярко характеризует не только саму экспедицию, но и умонастроение французской путешественницы. Это фрагмент из предисловия к изданию 1868 г. ее книги о поездке в Россию: «<...> Из множества впечатлений наиболее сильным было то, что поразило нас после трудного дня пути по пескам, – когда мы увидели Астрахань, сначала мало-помалу проглядывающую на горизонте сквозь золотую пыль, а потом явившуюся перед нашими замороженными взорами, будто один из фантастических городов, о которых говорится в арабских сказках. Все поддерживало иллюзию: пустыня, песок, сушь. Время от времени – стадо верблюдов, идущих на водопой к Волге. Малейшее дуновение ветра нагоняло под нашу бричку песчаные волны, обнажая обломки кибиток (хижин), остовы ишаков и лошадей; нигде нет и следа культуры, из растительности – только пучки полыни и бледные асфаделины, печально белеющие на тонких и хрупких стеблях. Окрестности у города, купола, минареты и шпили которого уже были для нас различимы, все более четко вырисовывались на горизонте и принимали рельеф и контуры, внятные для глаз!» [36, р. I–III]

По всему видно, что трудное путешествие не разочаровало Адель и оставило в ее памяти одно из самых светлых и волнующих воспоминаний. Ее очередная запоминающаяся поездка с мужем – путешествие в Крым. В книге описано одно крымское

путешествие, но все же возникает вопрос: а не было ли двух поездок на полуостров, описанных позднее как одна? Объясним причину сомнений.

На время крымского путешествия однозначно указывают, по крайней мере, два источника. В 1844 г., то есть за год до публикации 2-го тома «Степей Каспийского моря...», написанного в соавторстве с мужем и вмещающего описание поездки в Крым, Адель опубликовала в «Восточном обозрении» под своим именем «Фрагмент путешествия в Крым». Так вот: здесь указано время отправления на полуостров – последние дни апреля 1841 г. [29, р. 222] Кроме того, в Крыму Адель написала несколько стихотворений, которые датированы 1841 г., а два – еще более конкретно: 29 апреля (Бахчисарай) и 2 мая (Ялта) 1841 г. [39, р. 157, 197] Но вот неувязка: в трехтомном издании «Степей Каспийского моря...» сказано, что Адель прервала свой крымский вояж в Судак и не смогла последовать за мужем в Феодосию, Керчь, а далее – на Кавказ и к калмыкам [44, т. II, р. 486]. А как помним, последнее путешествие на Кавказ Ксавье, по его же словам, совершил в 1840 г. (из текста видно, что в том же году он побывал и в Крыму). То есть, можно допустить, что Адель приезжала в Крым дважды: в 1840 и 1841 гг., причем примерно в одно и то же время года (конец весны – лето), поскольку детали описания соответствуют именно этой поре. Потом воспоминания об этих двух поездках были оформлены в виде описания одного путешествия по соображениям, уже оговоренным нами выше. Впрочем, это лишь версия.

Так или иначе, но в Балаклаву путешественники добирались на яхте своего одесского знакомого, консула Нидерландов Э. В. Тетбу де Мариньи, который мог сообщить путешественникам много полезной информации, поскольку основательно исследовал побережье Черного и Азовского морей, многое сделал для описания и сохранения крымских древностей, тесно общался со многими знатоками истории и географии полуострова [7, с. 142–143].

В Крыму супруги Омер де Гелль вместе посетили Балаклаву, Севастополь, Бахчисарай, Симферополь, проехали по Южному берегу, а Ксавье уже без жены посетил еще Феодосию и Керчь. Зимой 1841–1842 гг. Омер де Гелли снова провели в Одессе, а затем двинулись в Молдавию. Здесь Адели пришлось забыть о приключениях истинного путешествия и какое-то время вести активную светскую жизнь. Между тем Ксавье заболел дунайской лихорадкой, что предопределило их возвращение во Францию – после 7 лет странствий [18, р. 212].

В 1842 г. Омер де Гелли вернулись в Париж [21, р. 290] и начали готовить к изданию описание своего путешествия по России. Одновременно Ксавье налаживал контакты в академической среде и подготавливал внимание ученых к выходу этого объемного сочинения. 10 апреля 1843 г. он выступил в Академии наук с докладом о разнице между уровнями Черного и Каспийского морей [9, р. 341], что являлось ключевым вопросом его экспедиции в Россию.

В конце 1843 г. в свет вышел первый том 3-томного издания Омер де Геллей «Степи Каспийского моря, Кавказ, Крым и южная Россия». В предисловии Ксавье сообщал, что труд печатается «без чьего бы то ни было покровительства», а потому сохраняет «независимость от чужого влияния». Кроме того, он подчеркнул некоторые важные особенности сочинения: «Пользуясь содействием местных властей, я

смог собрать самые достоверные сведения о положении людей и вещей; таким образом, к научной части естественным образом присоединилось все то, что касалось истории, статистики и состояния разных народов, населяющих южную Россию, и мое путешествие, которое изначально должно было быть научным, постепенно стало живописным, историческим и статистическим. <...> Моя жена, которая не отступила ни перед какими трудностями, чтобы сопровождать меня в большей части экспедиций, во Франции стала моей помощницей в редакторской работе. Именно ей принадлежит вся живописная часть путешествия» [44, т. I, р. VI–VII].

Иными словами, Адель стала соавтором «Степей...». Чтобы определить меру ее участия в создании трехтомного труда, конечно, хорошо бы для начала определить, что такое «живописная часть» и каким образом она отделяется от научной.

Структура издания такова: 1-й и 2-й тома, опубликованные, соответственно, в 1843 и 1845 гг., представляют собой собственно описание путешествия по России. 3-й том вышел в 1844 г. и содержал исключительно естественнонаучный материал географического и геологического порядка. Очевидно, что этот 3-й том Адель могла редактировать, но вряд ли дополняла его собственным повествованием. Так что принадлежащую перу Адели «живописную часть» следует искать в 1-м и 2-м томах. Поскольку понятие «живописности» весьма субъективно, то опираться лишь на него, думается, не стоит. Так, скажем, А. Шевалье, видимо, посчитав оба тома достаточно «живописными», уверенно заявила, что их полностью написала Адель [16, р. 57]. Однако внимательное прочтение текста не позволяет с этим согласиться.

Итак, что помогает нам отделить текст Адели от текста Ксавье? Прежде всего, напомним, что некоторые поездки Ксавье совершал без Адели. Эти моменты в тексте оговариваются, и повествование в таких случаях ведется от лица самого Ксавье. Так, например, во время крымского путешествия супруги разъехались близ Судака (в имении г-жи Жакмар): Адель поехала в Улу-Узень, а Ксавье – в Феодосию и Керчь; ясно поэтому, что повествование о Судакской крепости и об этих двух городах принадлежат ему.

Еще одна подсказка – путевые впечатления Адели, опубликованные отдельно, под ее лишь именем. Так, ее рассказ о Севастополе, который она посетила вместе с мужем, был опубликован в 1844 г. – годом раньше, чем вышел 2-й том «Степей...», содержащий описание крымской поездки. В этом томе картина Севастополя существенно дополнена: появляется рассказ о разрушении Херсонеса, севастопольском портовом и фортификационном строительстве, кораблях черноморского флота и т. д. Можно было бы отнести эти дополнения на счет уточнений, которые Адель могла сделать, скажем, при разборе дневниковых записей. Но это опровергается другим текстом. В 1860 г. она опубликовала свою авторскую версию путешествия в Россию: «Путешествие по степям Каспийского моря и по южной России». Так вот здесь описание Севастополя приближено к варианту 1844 г., то есть не имеет тех дополнений, которые появились в 1845 г. во 2-м томе «Степей...». Эти дополнения со всей очевидностью должны быть приписаны перу Ксавье Омер де Гелля.

Сравнивая, таким образом, крымский фрагмент «Степей...» и самостоятельные публикации Адели, с уверенностью можем заключить, что ей принадлежат три крымских сюжета: о «загадке» графини Гаше (был опубликован самостоятельно еще в

1844 г. [41]), о княжнах Адиль-бей и о Мангупе (напечатан в 1844 г. [39]), а также об Аксинии Ланг (появился лишь в издании 1860 г.).

Оба описательных тома «Степей...» содержат не только повествования о событиях, людях и разного рода достопримечательностях, но и переполнены пространными историческими и статистическими справками компилятивного характера. Эти фрагменты столь далеки от представления о «живописности» и столь мало согласуются с вещами, которые интересовали, судя дальнейшим публикациям, Адель Омер де Гелль, что не могут рассматриваться как результат ее творчества.

Словом, в большинстве случаев мы можем «разделить» тексты Адели и Ксавье.

Следует отдать должное Ксавье Омер де Геллю: он сумел добиться того, что в ученых кругах о «Степях...» сразу же заговорили, причем весьма благожелательно. Едва из типографии появился 1-й том, а «Ежегодник путешествий и географии» на 1844 г. уже посвятил ему целый ряд хвалебных страниц. Сам редактор ежегодника Фредерик Лакруа анонсировал выход 1-го тома «Степей...». Приведем выдержки из его отзыва, чтобы было понятным настроение, с каким публика должна была встречать новую книгу о России. «Наиболее значительным путешествием по Европе, без сомнения, стало путешествие г. Омер де Гелля, – начинает Ф. Лакруа обзор опубликованных путешествий за год. – <...> Пять лет были посвящены этой обширной экспедиции, пять лет, в течение которых г. Омер пересек во всех направлениях южную Россию, двигаясь пешком и верхом вдоль русел рек и потоков, посетив все русское побережье Черного, Азовского и Каспийского морей, повсюду присоединяя к своей научной работе изучение людей с трех точек зрения: исторической, физиологической и политической. Сопровождаемый в большинстве своих поездок госпожой Омер де Гелль, чье мужество не уступает уму, храбрый геолог препоручил ей пополнение путевого журнала такими наблюдениями, которые находятся в исключительно женской компетенции и часто ускользают от мужчин, чей разум более склонен к общим соображениям. <...> Научные результаты этого долгого путешествия еще более ценны. Что касается, например, Каспия, то наблюдения г-на Омера в значительной степени помогут решить проблемы, связанные с этим внутренним морем. Г. Омер констатировал, что разница между уровнями Азовского и Каспийского морей составляет 18 м, а не 108 метров, как настаивали в 1812 г. Паррот и Энгельгардт, и не 25 метров, как утверждали в 1839 г. три члена Санкт-Петербургской академии. Он доказывает, как и некоторые геологи, что эта разница уровней обусловлена не понижением земной поверхности, а простым уменьшением воды в Каспийском море; уменьшением, которое вызвано, с одной стороны, разделением морей, а с другой – потерей воды в Урале, Волге и Эмбе вследствие вырубки лесов в Уральских горах и развития земледелия на берегах Волги» [9, р. 17–19].

На следующий год Ф. Лакруа опять хвалил сочинение Омер де Гелля (впрочем, не прибавив к уже цитированному нами ничего нового) и сообщал читателю, что Омер де Гелль разделил с г-ном д'Арно премию Французского географического общества в 10 000 франков [10, р. IV–V].

Издание «Степей...» получилось очень дорогим – по 110 франков за комплект. Не последнее место в формировании его стоимости имел живописный атлас, по

оценке Ф. Лакруа, «искусно изготовленный г-ом Ферождё (Férogio)», с картой «превосходной гравировки г-на Буфара (Bouffard)» [9, p. 327]. Ш. Гуцвиллер вспоминал, что «высокая стоимость первого издания, опубликованного роскошно и, ко всему, с живописным атласом, представляющим собой настоящий шедевр, делала его доступным лишь для небольшого числа читателей» [23, p. 349]. Однако и затраты на издание, и силы, вложенные в его осуществление, вполне оправдывались тем, что авторитет Адели и Ксавье после путешествия неуклонно рос. Как констатирует биограф, «их повсюду принимали с живым уважением и большим почетом»: «Тогда как молодой и уже известный инженер получил крест, его жена, разделившая с ним все труды и опасности <...>, удостоилась самого почетного приема у г-на Вильмена, тогда министра народного просвещения» [18, p. 212]. Кстати, крест, о котором идет речь, это – знаменитый орден Почетного легиона, врученный Омер де Геллю в 1845 г. [21, p. 290]

«Степи...» обсуждались в прессе и научной периодике. «Новая летопись путешествий, географии и истории» причисляла труд Омер де Геллей к «замечательным путешествиям» и ставила вровень с уже упоминавшимся нами исследованием Ф. Дюбуа де Монпере [58, p. 24]. В двух номерах авторитетного «Журналь де Деба» по поводу книги выступил профессор из Сорбонны и член Французской академии Сен-Марк Жирарден. Позднее, в 1860 г., Адель перепечатала его отзыв в качестве предисловия к своему «Путешествию по степям Каспийского моря и по южной России». Вот фрагмент этого отзыва: «В “Степях Каспийского моря” две части, написанные разным пером. Г-н Омер де Гелль, весьма известный инженер, ученый-экономист, хороший географ <...>, взял на себя наше знакомство со всем, что касается торговли, навигации, промышленности, дорог, администрации, морского флота, состояния жителей и их происхождения. Г-жа де Гелль, которая бесстрашно сопровождала своего мужа в долгом и порой рискованном путешествии, взяла на себя описание всего, что касается непосредственно путешествия и путешественников: их приключения, радости, опасности, переживания; и она выполнила свою задачу с большим изяществом, большим остроумием и, что особенно важно, остроумием вполне непринужденным» [42, p. I–II].

На труд Омер де Геллей активно ссылались ученые и журналисты. Вот, скажем, солидный журнал «Revue des deux mondes» («Обозрение двух миров»), читаемый, кроме Франции, во всей Европе, да и в России, рассказывает в 1846 г. о Кавказе и использует статистические сведения из «Степей...». Но при этом журнал ссылается не на само произведение, а лишь на имя Ксавье Омер де Гелля, видимо, полагая, что его труд и так у всех на слуху и потому не стоит перегружать читателя излишними библиографическими данными [55, p. 41].

Рис. 2. Адель Омер де Гелль.
Литография по рисунку Ж. Лорана. 1859 г.

Успех «Степей...» воодушевил авторов. Уже в 1846 г. Адель выпустила свой поэтический сборник «Грезы путника» [39], а Ксавье подготовился к новой экспедиции. В феврале, по заданию французского правительства [17, р. 531], Омер де Гелль в сопровождении супруги и молодого художника Жюля Лорана снова отправился в путь. Детей пришлось оставить дома на попечение родственников [12, р. 260].

Целью новой экспедиции были Турция и Персия, но путь туда пролегал через Италию, где Омер де Гелль проводил картографические исследования и «изучил политическую ситуацию в маленьких итальянских государствах, смотревших друг на друга с кровожадной завистью» [21, р. 291]. Добравшись до Турции, Ксавье занялся исследованиями, а Адель поселилась на европейском берегу Босфора в Терабья [27, р. 35] и могла сопровождать супруга лишь в некоторых поездках. Зимой 1846–1847 г. они провели в Терабья, а весной, как вспоминала позднее Адель, материнские обязанности призвали ее оставить Турцию [27, р. VII], а Ксавье начал новую серию экспедиций и поездок. Вместе с Жюлем Лораном он обследовал на лодке западное и южное побережье Черного моря, сплавлился по Ефрату на плоту из бурдюков [21, р. 291] и посетил истоки Тибра, пересек Курдистан и добрался до Персии.

Лихорадка, укрощаемая на время дозами хинина, мучила его все сильнее, но он смог объездить большую часть Персии и добрался до одного из самых древних ее городов – Исфахана. Болезнь уже настолько прогрессировала, что путешественник

едва мог держаться в седле. В Исфахане Ксавье остановился в доме миссионера-проповедника отца Джованни. Но восстановить силы он уже не мог и лишь фиксировал в своем журнале быстрое развитие болезни.

Рис. 3. Ксавье Омер де Гелль.

Литография по рисунку Ж. Лорана. Константинополь, 20 января 1847 г.

30 августа 1848 г. Ксавье Омер де Гелль умер и был похоронен на армянском кладбище в Новой Джульфе – пригороде Исфахана. Адель приехала в Исфахан и установила на его могиле скромный памятник с надписью: «Омер де Гелль, французский путешественник, умер в Исфахане 30 августа 1848 г.» [21, р. 292–293]

...Кортамбер свидетельствует, что вернувшись в Париж в конце 1848 г., Адель Омер де Гелль была настолько сокрушена горем, что, по ее собственному признанию, более года засыпала с одной только мыслью – о смерти, которая позволила бы ей снова соединиться с мужем [18, р. 213].

Ей было всего 29 лет, она воспитывала троих сыновей, единственным состоянием которых (как справедливо заметил де ла Рокет в некрологе, посвященном Ксавье) было имя их отца [57, р. 58].

Впрочем, оставались дневники Ксавье, написанные во время его последнего путешествия на Восток. Они хранились у вдовы, и, отметим, тот же де ла Рокет имел возможность ими пользоваться при составлении некролога. Оценив их научную важ-

ность, в 1850 г. де ла Рокет призвал научное сообщество и все государственные инстанции, курировавшие экспедицию Ксавье, позаботиться об издании материалов этой экспедиции [57, р. 58]. Инициатива была поддержана министром народного просвещения и культов: именно он направил бумаги Ксавье Омер де Гелля для научной экспертизы в Академию надписей и изящной словесности. В конце 1851 г. Академия рекомендовала к печати материалы последнего восточного путешествия К. Омер де Гелля [43, т. I, р. 7–11].

Для подготовки издания была создана комиссия из ученых, специализирующихся в разных сферах географии [17, р. 531]. Иллюстрации были подготовлены спутником Омер де Гелля – художником Ж. Лораном, сумевшим придать атласу, прилагавшемуся к изданию, «характер настоящего литографического памятника» [21, р. 293]. Вдова путешественника приняла самое деятельное участие в подготовке издания и занималась составлением и редактурой описательной части [47, р. 147]. Ей было тем проще разобраться в материалах, что часть путешествия она совершила вместе с Ксавье. Результатом совместной работы ученых и Адели Омер де Гелль стало четырехтомное издание – «Путешествие в Турцию и Персию, совершенное по поручению французского правительства в 1846, 1847 и 1848 годах Ксавье Омер де Геллем» (1854–1860).

Несомненно, подготовка четырехтомного издания потребовала от Адели немалых усилий, но именно эта работа заставила ее вернуться к полноценной творческой активности. Особенно плодотворным для Адели оказался 1860 г. В конце 1859 г. она жила какое-то время в Карпантра у Ж. Лорана [21, р. 286], который, как помним, запечатлел в рисунках экспедицию Ксавье Омер де Гелля на Восток. Видимо, теперь Адель совместно с Лораном завершала работу над изданием «Путешествия в Турцию и Персию». В том же 1859 г. активно собирал информацию о жизни Ксавье Омер де Гелля Ш. Гуцвиллер. И в этом Адель также приняла деятельное участие, передав в распоряжение биографа «объемную корреспонденцию своего мужа» [21, р. 293].

И вот в 1860 г. вышел, наконец, четвертый и последний том «Путешествия в Турцию и Персию», а в «Эльзасском обозрении» началась публикация подготовленного Ш. Гуцвиллером большого очерка о жизни и исследованиях Ксавье Омер де Гелля. Но это не все. В 1860 г. Адель выпустила еще и собственную книгу – «Путешествие по степям Каспийского моря и по южной России».

Вот некоторые подробности об этом сочинении. Мы помним, что Адель стала соавтором своего мужа при создании трехтомного издания «Степи Каспийского моря...» (1843–1845). Ей принадлежала «живописная» (как оговаривалось в предисловии, а мы бы сказали – описательная) часть текста. Причем читатель зачастую угадывал, какие фрагменты создавались пером именно Адели.

Теперь Адель решила издать в формате отдельной книги уже только «живописную» часть записок о ее совместном с Ксавье путешествии на Каспий, юг России, Кавказ и в Крым. Однако чисто механически вычленив текст Адели из «Степей...» было невозможно, поскольку перу Ксавье принадлежали не только научные периоды текста, но значительная доля путевых описаний и впечатлений. Так что для нового, самостоятельного издания Адели пришлось существенно переработать текст. Эти пе-

переработки были разного масштаба и уровня: во-первых, были убраны пассажи, написанные Ксавье, во-вторых, добавлены новые сюжеты (например, рассказ о драматичной любви баронессы Аксинии Ланг), в-третьих, несколько изменен маршрут по Крыму, и в-четвертых, предпринята дополнительная стилистическая обработка текста.

Словом, подготовка «Путешествия по степям Каспийского моря и по южной России» потребовала от Адели Омер де Гелль кропотливой редакторской работы и серьезного переосмысления материалов. Критикой книга была встречена доброжелательно. Например, в «Национальном и зарубежном обозрении науки, политики и литературы» известный писатель Артур Арну писал: «Более всего нас поразило в этой книге трезвый и тонкий талант наблюдателя. Автор обладает редкостным даром распознавать среди тысячи предметов предмет характерный и важный, выбирать из многочисленных приключений такое, которое наилучшим образом позволяет нам проникнуть в жизнь малоизвестного народа, чьи основные черты здесь изображаются» [11, р. 320]. А «Восточное обозрение» поместило большую статью, где представила читателю наиболее интересные моменты путешествия Адели по степям Каспийского моря и Кавказу [20]. «Критическое обозрение» оценило Адель как «превосходную путешественницу», чье «остроумное перо умеет оттенить мельчайшие детали» [54].

Однако все эти творческие успехи затмились для Адели Омер де Гелль новой страшной утратой. В 1860 г. в возрасте 21 года в Кабилии погиб ее средний сын Густав. Он служил в 3-м полку зуавов, что само по себе является красноречивой характеристикой личности. Зуавы – наиболее боеспособное, элитное подразделение французской армии. Чтобы попасть в полк зуавов, сын Адели Омер де Гелль должен был обладать безусловной храбростью. Можно почти с уверенностью сказать, что он принимал участие в победоносной Итальянской кампании 1859 г., в ходе которой зуавы отличились в сражениях против австрийцев. После Итальянской войны зуавы были возвращены в Африку, где Густав пал в бою смертью храбрых [23, р. 164].

Какое-то время Адель Омер де Гелль, видимо, пыталась находить успокоение в непрерывных разъездах и совершила путешествия в Бельгию, Италию, Лондон, несколько поездок на юг Франции [18, р. 213]. А вскоре она отправилась и вовсе за океан: на остров Мартиника – владение Франции в Карибском море. Дело в том, что на Мартинике уже давно обосновался ее старший сын Эдуард. Он был профессором математики, сотрудничал с журналом «Восточное обозрение» в качестве специалиста в области экономики. На Мартинике он завел собственное хозяйство и стал колонистом [21, р. 293]. И вот Адель вместе с младшим сыном Леоном отправилась через Атлантику повидать своего первенца.

Биографы указывают, что путешествие это состоялось в 1863 г. [18, р. 213; 21, р. 294], однако из записок Омер де Гелль явствует, что она отправилась на остров в 28 августа 1862 г. и провела там 6 месяцев, после чего вернулась во Францию [27, р. 202, 307]. Путешествие подействовало на нее благотворно, и в июле 1863 г., уже из Сент-Этьена, она писала Ш. Гуцвиллеру: «Я вернулась из Нового Света, с одного из Алеутских островов, рассеянных в океане <...>. Есть истинная прелесть в том, чтобы взбираться по горным скатам и тропам и объять взором картины самой очаровательной природы. Ничто у нас в Европе не дает понятия об этом. Это изобилие жизни,

роскошь форм, разнообразие линий и горизонтов, и все это способно попросту ослепить» [21, р. 294].

Это путешествие дало Адели новые впечатления, которые помогли ей снова приняться за работу. 3 августа 1865 г. Адель выступила на четвертой сессии общего собрания Конгресса ученых Франции в Руане. Ее доклад основывался на материалах, собранных на Мартинике, и содержал описание природы острова, местных нравов и обычаев, положения негров после их освобождения от рабства в 1848 г. Не обошлось, конечно, и без упоминаний о «драматических перипетиях» вояжа. Все это было представлено в «изыщном и живописном стиле», как замечал обозреватель научного мероприятия, а выступление Адели «неоднократно прерывалось аплодисментами аудитории» [8, р. 112].

Осенью того же года «Воспоминания о Мартинике» Адели Омер де Гелль были опубликованы в «Нормандском обозрении» [40]. Здесь же появилось ее новое стихотворение «Дикий цветок» [30]. Вообще, Адель стала постоянным автором «Нормандского обозрения». В следующем году она опубликовала здесь стихотворение «Весна жизни. Юной итальянке» [33] и довольно пронзительное, если знать личные обстоятельства автора, – «Горе» [32], содержание которого сводится к тому, что жизнь представляет собой непрерывное сражение, и если душа, хоть ненадолго, предается покою, злой рок наносит ей очередной удар. В 1867 г. в «Нормандском обозрении» появились еще два ее стихотворения – «Маргаритка» [37] и «Путешественник» [34], а кроме того, весь журнальный раздел «Путешествия» был занят тремя ее статьями. Одна из них была основана на недавних наблюдениях путешественницы и рассказывала о ботаническом саде на Мартинике [31], но две другие – «Из Константинополя в Триест» [28] и «Армяне в Константинополе» [35] – представляли собой возвращение к уже публиковавшимся некогда сюжетам из путешествий Адели и Ксавье на Восток. В 1868 г. Адель Омер де Гелль осуществила переиздание своего «Путешествия...» в Прикаспийские степи, эта новая версия носила название «Степи Каспийского моря: путешествие в южную Россию» [36].

В 1870 г. Адель Омер де Гелль выпустила очередную книгу, которую называла «младшей сестрой “Степей...”» [27, р. VIII] – «Через мир. Восточная жизнь. Креольская жизнь». Издание делится на две части. Первая основана на сведениях, накопленных Аделью в период пребывания в Турции в пору второго восточного путешествия ее мужа. Вторая часть книги включает описание еще двух путешествий: первое – на Мартинику (о нем мы уже говорили), а второе – в Румынию, Молдавию и другие придунайские земли. Когда состоялось это второе путешествие, сказать сложно, поскольку сама Омер де Гелль его не датировала. Так что приходится догадываться по косвенным указаниям. Так, в предисловии к изданию своих «Степей...» 1868 г. Адель сообщает, что «совсем недавно спускалась в Галац по Дунаю», причем само предисловие писалось в Галаце (румынском городе) и датировано 22 июня 1868 г. [36, р. I, XIX]. Из текста путевых описаний следует, что Галац был финальным пунктом ее поездки. Перед тем, в конце ноября, она, например, посетила Одессу, где некогда провела немало времени в период странствий по югу России и где намеревалась перезимовать на сей раз. Однако теперь город показался ей унылым и негостеприимным, поразил «резким контрастом между крайней роскошью и крайней нищетой» [27,

р. 372], и она предпочла в начале декабря отправиться на зимовку в Галац. Резонно предположить, что дунайское путешествие Адели Омер де Гелль состоялось в 1867–1868 гг. Что касается причины этого вояжа, то из предисловия следует, что в Восточную Европу Адель призвала материнская любовь. То есть надо полагать, что Адель отправилась в Румынию навестить своего младшего сына, как некогда ездила на Мартинику навестить старшего.

Реакция критиков на эту книгу Адели Омер де Гелль была, кажется, менее активной, нежели на ее «Путешествие по степям Каспийского моря». Но все же реакция была. «Живописный магазин», рассказывая о ботаническом саде на Мартинике, взамен «ботанической номенклатуры» предлагал читателю познакомиться с «красочным описанием, которое недавно сделала знаменитая путешественница г-жа Омер де Гелль» [51, р. 314] в книге «Через мир». «Синий чулок» – ежемесячный указатель художественных и литературных произведений, созданных женщинами, – не просто упомянул книгу Омер де Гелль среди литературных новинок, но и заявил, что мало какое сочинение «исполнено такими же умом, живостью ощущений, художественным вкусом и необычайным талантом выражать впечатления красочно и точно» [52]. Отзыв, конечно, весьма лестный, но и весьма запоздалый: он появился в 1874 г. – через четыре года после выхода самой книги.

Насколько нам известно, после 1870 г. Адель Омер де Гелль более ничего не публиковала. Можно предположить, что причиной тому явилась, кроме прочего, Франко-прусская война, которая разразилась в 1870 г. и привела к поражению Франции. В этом отношении очень красноречивы воспоминания Ш. Гуцвиллера, поэтому процитируем фрагмент из них: «Последнее письмо ко мне от г-жи Омер де Гелль было отправлено из Версаля 9 сентября 1970 г. – за десять дней до осады Парижа немецкими войсками. Ее сын Леон уехал в Селесту, где находился молдавский юноша Антонин Романенко, которого он должен был привезти в Париж для получения образования. Г-жа Омер де Гелль предупреждала о визите ко мне ее сына, но Эльзас был захвачен, Кольмар оккупирован, а Селеста осаждена. Он вынужден был повернуть назад, не повидавшись со мной.

Вот последние слова из упомянутого письма: “В кошмаре, в котором мы живем, все становится поводом для тревоги. Рассудок настолько потрясен, что более не знает, на чем остановиться”.

Эта необыкновенная женщина, которая уже так много страдала, вернулась в Париж, где испытала все муки и лишения осады. Она не противилась этому последнему испытанию, и когда ворота Парижа оказались снова открыты, она покинула его, едва найдя силы, чтобы добраться до Сен-Этьена, где умерла на руках у своей старшей сестры. Угаснуть в своем родном городе, где начинался роман ее жизни, где ее ублаживали лучезарные мечты о будущем, – не это ли высшее утешение для столь исключительной души?» [21, р. 295].

В 1872 г. «Bulletin monumental», издаваемый Французским археологическим обществом, поместил некролог, посвященный Адели Омер де Гелль. «Умерла г-жа Омер де Гелль, – говорилось там. – Знаменитая путешественница по Востоку, Антильским островам и по многим другим другим странам Старого и Нового Света умерла несколько месяцев назад, хотя и была еще в молодом возрасте. Те, кто участвовал в

1865 г. в научном конгрессе в Руане, не забыли два сообщения г-жи де Гелль, которые она сделала по просьбе г-на Баруффи из Турина. Появление ее “Путешествия на берега Каспийского моря”, ее книг, озаглавленных “Восточная жизнь”, “Гражданская жизнь”, обратило на себя большое внимание» [53]. Автор некролога напутал с названием книги: правильно не «Гражданская жизнь» («La vie civile»), а «Креольская жизнь» («La vie créole»). Но была в этом некрологе еще одна ошибка – вовсе ошеломительная: Адель Омер де Гелль не умерла в 1872 г.!

Трудно сказать, почему сразу два источника – и Ш. Гуцвиллер, хорошо знавший Адель, и автор некролога в «Bulletin monumental» (думается, некто из ее знакомых по ученым кругам) – ошибочно сообщили о ее смерти вскоре после завершения Франко-прусской войны. Можно лишь догадываться, что был некий повод для возникновения подобных слухов, скорее всего, – тяжелая болезнь. Понятно лишь, что с Ш. Гуцвиллером, который оставался в аннексированном Германией Эльзасе, Адель Омер де Гелль после 1870 г. уже не переписывалась, и он пребывал в неведении относительно ее истинной судьбы. От литературной работы Адель Омер де Гелль тоже отошла. О последних годах ее жизни нам ничего не известно.

...В 1883 г. появился еще один некролог, к несчастью, теперь уже оправданный. Его поместила крупная газета «Галл» («Le Gaulois») и перепечатало литературное обозрение «Книга» («Le Livre») [50]. «Г-жа Адель Омер де Гелль, – говорилось в нем, – жена французского путешественника, умершего в Исфахане в 1848 г., недавно тихо угахла в возрасте шестидесяти трех лет.

Писательница с талантом столь же самобытным, сколь и серьезным, г-жа Омер де Гелль оставила серию путешествий, которые весьма оценены теми, кто путешествовал по южным областям России. Это, прежде всего, труд, написанный в сотрудничестве с мужем, “Степи Каспийского моря”; потом, после смерти Жюль де Гелля, – “Путешествие по степям Каспийского моря и южной России” с предисловием Сэн-Марка Жирардена, “Грезы путника”, сборник стихотворений, очень изящных и вызвавших своим появлением некоторый шум; наконец, “Путешествие в Турцию и Персию”.

Из всех этих сочинений, бесспорно, наибольший интерес представляет “Путешествие по южной России”, опубликованное в 1860 г.

Г-жа де Гелль повествует о своем пребывании у повелителя калмыков, князя Тюменя, которому Александр Дюма посвятил столь интересные главы своей книги “В России”. Однако, хотя путешествия двух авторов происходили с разницей всего в два года, последний представляет князя как молодого еще человека, поскольку он поборолся с ним голыми руками и победил дважды, а другой автор представляет его как глубокого старика.

Во время второй империи у г-жи де Гелль на улице дю Бак был салон, где собирались все члены «Либерального союза»: гг. Монталамбер, Гизо, Ренан, Жюль Симон и др. Именно в этих апартаментах она умерла вчера утром. Ее похороны состоятся завтра в церкви Святого Фомы Аквинского» [56].

Как видим, автор некролога не слишком озаботился сбором точных сведений об усопшей и даже перепутал имя ее супруга. Совершенно нелепо и его наблюдение по

поводу князя Тюменя, изображенного в книге Адели «Путешествие по степям Каспийского моря и по южной России». Год издания книги – 1860 – автор некролога принял за датировку самого путешествия, а потому и решил, что Адель странствовала по России двумя годами позже Александра Дюма, который ездил по России и Кавказу в 1858–1859 гг. На самом деле путешествие Омер де Гелль состоялось двумя десятилетиями ранее, и встречались они вовсе не с тем князем Тюменем, что Дюма.

Грубые биографические ошибки, хотя Адель Омер де Гелль не так уж и давно отошла от литературной и научной жизни... Так проходит мирская слава!

Ксавье Омер де Геллю в этом отношении повезло более. Увековечением его памяти занялся его друг и земляк Ш. Гуцвиллер. Он вспоминал, что Адель в свое время передала ему портрет Ксавье, написанный Ж. Лораном в Терабье. Этот портрет должен был послужить моделью для скульптора, который взялся бы исполнить бюст, одобренный, по предложению Гуцвиллера, городской администрацией. «Впрочем, из-за весьма значительных издержек, – сообщал Гуцвиллер, – работа эта была отложена. Однако г. Авг. Бартольди любезно изготовил для меня небольшой макет бюста, по которому отлил два гипсовых муляжа: один для музея Альткирша, другой – для хранения у меня. К моему глубокому сожалению, на том дело стало и более уже не возобновлялось» [21, р. 293]. Однако Ксавье не был забыт гражданами родного города. Именем Ксавье Омер де Гелля была названа улица, ведущая к его родному дому (она и ныне носит его имя), а на самом доме установили мемориальную доску. В 1912 г., в связи со 100-летним юбилеем Ксавье Омер де Гелля, усилиями мэрии в Альткирше был проведен торжественный вечер в честь путешественника, прославившего свой край [14].

Сочинения супругов Омер де Гелль о Крыме, к сожалению, долгое время оставались у нас забытыми. Роковую роль в этом, конечно, сыграла мистификация П. П. Вяземского, которая дискредитировала и личность Адели Омер де Гелль, и ее творчество. Предпринятая нами биографическая реконструкция показывает, что реальная Адель Омер де Гелль не имеет ничего общего с персонажем, вымышленным П. П. Вяземским. Жизнь и творчество французской поэтессы и путешественницы, как и научная судьба ее супруга, – важная веха в освоении французской наукой и литературой российских, и в частности крымских реалий, а их труды – важный исторический источник. В завершение остается лишь сообщить, что в скором времени отечественные исследователи получат доступ к русскоязычному переводу значительных фрагментов из сочинений супругов Омер де Гелль, поскольку крымские страницы их произведений должны быть напечатаны в качестве приложений к монографии «В лабиринте крымского мифа», публикация которой запланирована на 2017 г.

Список использованных источников и литературы

1. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / сост., подгот. текста и вступ. ст. В. В. Орехова. – Киев: Стило. – 414 с.

Montandon Sh. Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyj vvedeniem o raznyh sposobah perezda iz Odessy v Krym / sost., podgot. teksta i vstup. st. V. V. Orekhova. – Kiev: Stilos. – 414 s.

2. Немзер А. С. Затянувшаяся шутка / А. С. Немзер // Вяземский П. П. Письма и записки Оммер де Гелль. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 5–22.

**ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПО КРЫМУ СУПРУГИ ОМЕР ДЕ ГЕЛЛЬ:
ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

- Nemzer A. S. Zatyanyuvshayasya shutka / A. S. Nemzer // Vyazemskij P. P. Pis'ma i zapiski Ommer de Gell'. – М.: Hudozh. lit., 1990. – S. 5-22.
3. Орехов В. В. Литературное крымоведение и проблема исторической истины в образовательном процессе / В. В. Орехов // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. Кн. 1. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. – С. 164–192.
- Orekhov V. V. Literaturnoe krymovedenie i problema istoricheskoy istiny v obrazovatel'nom processe / V. V. Orekhov // Sovremennaya kartina mira: krymskij kontekst: kollekt. monogr. Кн. 1. – Simferopol': ИТ «Ariал», 2017. – S. 164–192.
4. Попов П. С. Отклики иностранной печати на публикацию «Писем и записок» Омэр де Гелль / П. С. Попов // Литературное наследство. Т. 45–46: М. Ю. Лермонтов. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 767–775.
- Popov P. S. Otkliki inostrannoј pečhati na publikaciju «Pisem i zapisok» Omehr de Gell' / P. S. Popov // Literaturnoe nasledstvo. T. 45–46: M. YU. Lermontov. II. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – S. 767–775.
5. Попов П. С. Мистификация / П. С. Попов // Новый мир. – М., 1935. – Кн. 3. – С. 282–293.
- Popov P. S. Mistifikacija / P. S. Popov // Novyj mir. – М., 1935. – Кн. 3. – S. 282–293.
6. Русский биографический словарь. Т. XIV. – СПб., 1905. – С. 717–718.
- Russkij biograficheskij slovar'. T. XIV. – SPb., 1905. – S. 717–718.
7. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб.: Наука, 2002. – 676 с.
- Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyah yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) / I. V. Tunkina. – SPb.: Nauka, 2002. – 676 s.
8. Allard P. Quatrième séance générale / P. Allard // Congrès scientifique de France. Trente-deuxième session tenue à Rouen au mois d'août 1865. – Paris – Rouen, 1866. – P. 111–113.
9. Annuaire des voyages et de la géographie pour l'année 1844, par une réunion de géographes et de voyageurs. – Paris, 1844. – 360 p.
10. Annuaire des voyages et de la géographie pour l'année 1844, par une réunion de géographes et de voyageurs. – Paris, 1845. – 290 p.
11. Arnould A. Bulletin bibliographique / A. Arnould // Revue nationale et étrangère politique, scientifique et littéraire. – Paris, 1861. – T 4. – P. 320.
12. Barbier J.-V. Rôle des voyageuses françaises dans la géographie / J.-V. Barbier // Congrès national des Sociétés françaises de géographie. XV-e session (Lyon, 1894). Compte rendu des travaux du congrès. – Lyon, 1895. – P. 258-260.
13. Bibliographie alsacienne: revue critique des publications concernant l'Alsace. T. 6 (1934–1936). – Paris, 1938. – 632 p.
14. Charpentier-Page G. Le centenaire de Hommaire de Hell, célébré à Altkirch le 1-er décembre 1912 / G. Charpentier-Page // Bulletin de Société belfortaine d'émulation. – Belfort, 1914. – № 33. – P. 211–216.
15. Chevalier A. Femmes d'autrefois / A. Chevalier. – Tours: A. Mame et fils, 1899. – 368 p.
16. Chevalier A. Les voyageuses au XIXe siècle / A. Chevalier. – Tours: A. Mame et fils, 1889. – P. 23–58.
17. Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Académie des sciences. T. 50. – Paris, 1860. – 1253 p.
18. Cortambert R. Les illustres voyageuses / R. Cortambert. – Paris: E. Maillot, 1866. – 396 p.
19. Dronsart M. Les grandes voyageuses / M. Dronsart. – Paris, 1904. – 314 p.
20. Fabr J. R. Du Dnieper au Caucase / J. R. Fabr // Revue de l'Orient. Bulletin de la Société orientale. T. 12. – Paris, 1860. – P. 348–362.
21. Goutzwiller Ch. Souvenirs d'Alsace, portraits, paysages: à travers le passé / Ch. Goutzwiller. – Belfort, 1898. – 474 p.
22. Goutzwiller Ch. X. Hommaire de Helle / Ch. Goutzwiller // Biographies alsaciennes avec portraits en photographie. Série 3. Livr. 1. – Colmar, 1885. – P. 29–32.
23. Goutzwiller Ch. X. Hommaire de Helle. Étude biographique / Ch. Goutzwiller // Revue d'Alsace. – Colmar, 1860. – P. 337-355, 385-401, 469-478, 529-54; 1861. P. 145–166.
24. Grad Ch. L'Alsace, le pays et ses habitants / Ch. Grad. – Paris, 1909. – 632 p.
25. Gravier G. Nécrologie. Cortambert Richard / G. Gravier // Société normande de géographie. Bulletin de l'année 1884. T. VI. – Rouen, 1884. – P. 51–52.

26. Gravier G. Nécrologie. Joseph-Victor Barbier / G. Gravier // Société normande de géographie. Bulletin de l'année 1898. T. XX. – Rouen, 1898. – P. 342–346.
27. Hommaire de Hell A. A travers le monde. La vie orientale. La vie créole / A. Hommaire de Hell. – Paris: Didier, 1870. – 396 p.
28. Hommaire de Hell A. De Constantinople à Trieste / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 7. – Rouen, 1867. – P. 65–77.
29. Hommaire de Hell A. Fragment d'un voyage en Crimée / A. Hommaire de Hell // Revue de l'Orient. Bulletin de la Société orientale. T. 5. – Paris: Delavigne, 1844. – P. 222–237.
30. Hommaire de Hell A. La fleur sauvage / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 5. – Rouen, 1865. – P. 704–706.
31. Hommaire de Hell A. Le Jardin des Plantes à Saint-Pierre (Martinique) / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 7. – Rouen, 1867. – P. 282–288.
32. Hommaire de Hell A. Le malheur / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 6. – Rouen, 1866. – P. 464.
33. Hommaire de Hell A. Le printemps de la vie. A une jeune Italienne / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 6. – Rouen, 1866. – P. 54–56.
34. Hommaire de Hell A. Le voyageur / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 7. – Rouen, 1867. – P. 468–470.
35. Hommaire de Hell A. Les arméniens à Constantinople / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 7. – Rouen, 1867. – P. 775–787.
36. Hommaire de Hell A. Les steppes de la mer Caspienne: voyage dans la Russie méridionale / A. Hommaire de Hell. – Paris: Librairie académique, 1868. – 367 p.
37. Hommaire de Hell A. Marguerite / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 7. – Rouen, 1867. – P. 178–180.
38. Hommaire de Hell A. Princesses tatares. Mangoup-Kalé / A. Hommaire de Hell // Annuaire des voyages et de la géographie pour l'année 1844, par une réunion de géographes et de voyageurs. – Paris, 1844. – P. 164–172.
39. Hommaire de Hell A. Rêveries d'un voyageur. Orient, Russie et Moldavie / A. Hommaire de Hell. – Paris: Amyot, 1846. – 239 p.
40. Hommaire de Hell A. Souvenirs martiniquais / A. Hommaire de Hell // Revue de la Normandie. V. 5. – Rouen, 1865. – P. 521–532, 585–596.
41. Hommaire de Hell A. Trois femmes célèbres / A. Hommaire de Hell // Le Compilateur: revue des journaux français et étrangers. T. V. – Paris, 1844. – № 34. – P. 533–536.
42. Hommaire de Hell A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale / A. Hommaire de Hell. – Paris: L. Hachette, 1860. – 411 p.
43. Hommaire de Hell X. Voyage en Turquie et en Perse, exécuté par ordre du gouvernement français pendant les années 1846, 1847 et 1848. T. I–IV. – Paris: P. Bertrand, 1854–1860.
44. Hommaire de Hell X., <Hommaire de Hell A.> Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. T. 1-3 / X. Hommaire de Hell, A. Hommaire de Hell. – Paris: Bertrand, 1843–1845.
45. Kermaingant M. F. Mémoire sur le projet d'un chemin de fer de Lyon à Marseille / M. F. Kermaingant. – Paris: Imprimerie royale, 1837. – 172 p.
46. Lacroix F. Résumé des voyages de l'année / F. Lacroix // Annuaire des voyages et de la géographie pour l'année 1844, par une réunion de géographes et de voyageurs. – Paris, 1844. – P. 17-19.
47. Langlois V. Voyage en Turquie et en Perse / V. Langlois // Revue de l'Orient. Bulletin de la Société orientale. T. 12. – Paris, 1860. – P. 146–150.
48. Larousse universel en 2 volumes: nouveau dictionnaire encyclopédique. Tome 1 / publié sous la direction de Cl. Augé. – Paris, 1922. – P. 1123.
49. Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle: français, historique, géographique, mythologique, bibliographique, littérature, art, sciences, etc. T. 17 (suppl. 2) / P. Larousse. – Paris, 1888. – P. 1393.
50. Le Livre: revue du monde littéraire. A. 4. – Paris, 1883. – P. 475.
51. Le Magasin pittoresque. A. 38. – Paris, 1870. – 412 p.
52. Livres nouveaux écrits par des femmes // Le Bas bleu. A. 2. – Paris, 1874. – № 23. – P. 13.

53. M. L. Nécrolog / M. L. // Bulletin monumental. T. 8. – Paris – Caen, 1872. – P. 178.
54. Revue critique des livres nouveaux. A. 29. – Paris – Genève, 1861. – P. 32.
55. Revue des deux mondes. T. 14. – Paris, 1846. – P. 41.
56. Roche P. Madame de Hell / P. Roche // Le Gaulois. – Paris. – № 305 (17.05.1883). – P. 2.
57. Roquette de la. Notice nécrologique sur M. Hommaire de Helle, membre de la Société de géographie, voyageur français, mort en Perse / de la Roquette // Bulletin de la Société de géographie. T. 14. № 79–84. – Paris, 1850. – P. 29–58.
58. Saint-Martin V. de. Notice sur le progrès des découvertes géographiques pendant l'année 1844, lue à l'assemblée générale de la Société de Géographie, le 20 décembre 1844 / V. de. Saint-Martin // Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire, contenant des relations originales inédites, communiquées par des voyageurs français et étrangers;. T. 1 (105). – Paris, 1845. – P. 15–77.
59. Sitzmann É. Dictionnaire de biographie des hommes célèbres de l'Alsace: depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Tome 1 / É. Sitzmann. – Rixheim, 1909. – 873 p.
60. Vapereau G. Dictionnaire universel des contemporains: contenant toutes les personnes notables de la France et des pays étrangers / G. Vapereau. – Paris, 1880. – 1892 p.
61. Viquesnel A. Notice sur la collection de roches recueillie en Asie Mineure et en Perse par feu Hommaire de Hell / A. Viquesnel // Bulletin de la Société géologique de France. 2-e série. T. 7. – Paris, 1850. – P. 491–514.

Orekhov V. V. Spouses Hommaire de Hell – travelers across the Crimea: an attempt at biographical reconstruction.

This article examines the biographies of two French travelers: Adèle Hommaire de Hell and Xavier Hommaire de Hell. They traveled to the Crimea in the early 1840s. They have described the peninsula many times in their works. Biography Adèle Hommaire de Hell is of special importance for science, as this writer became a victim of literary hoaxes. At the end of XIX century. The letters of Adèle Hommaire de Hell were forged by Pavel Vyazemsky. This greatly spoiled the reputation of the traveler. Historians have ceased to trust her works. However, this article proves that the real Adèle Hommaire de Hell is not at all like the fictional character of Pavel Viazemsky.

Keywords: Hommaire de Hell, Crimea, travel, biography, travel notes.

УДК 910.4(1-924.71):929АНЭ

КРЫМСКИЙ ВОЯЖ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ КЛОДА АНЭ.

ГОД 1905-Й¹

Петрова Э. Б.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

Среди сочинений путешественников по Крыму начала XX в. представляет исторический и литературоведческий интерес книга французского писателя Клода Анэ (Claude Anet; литературный псевдоним Жана Шопфера) «В Персию на автомобиле через Россию и Кавказ» (Париж, 1906), в которой автор описал свой вояж, совершённый в апреле–июне 1905 г. в компании друзей. Их пребывание в Крыму пришлось на 18–21 апреля. За это время путники посетили Севастополь, Балаклаву, Бахчисарай, Ялту и Ливадию. В Ялте Клод Анэ встретился с Максимом Горьким и его гражданской женой – актрисой М. Ф. Андреевой. Они беседовали о революционных событиях 1905 г., о Л. Н. Толстом, его творчестве и мировоззрении.

Ключевые слова: путешественники по Крыму начала XX в., Клод Анэ (Жан Шопфер), А. М. Горький, М. Ф. Андреева, Л. Н. Толстой.

«Путешествия» по Крыму, составленные довольно многими иностранцами в конце XVIII – начале XX в., – важный исторический источник, содержащий самые разнообразные сведения о полуострове после присоединения его к России. Здесь и попытки проследить его историю, и впечатления о богатой природе, этническом разнообразии, особенностях быта, традиций, религиозных верованиях, культуре обитавших в Крыму народов, и описания памятников старины. Это был взгляд со стороны, в значительной мере субъективный и не всегда доброжелательный, что, однако, не умаляет значимости для научных исследований путевых записок иностранцев, которые полезно сравнить между собой, с «путешествиями» российских вояжёров и иного рода источниками.

Со времени присоединения Крыма к России и до Первой мировой войны на полуострове побывало множество людей с самыми разными целями. Кто-то оставался подолгу, старался увидеть и узнать как можно больше, кто-то был в течение короткого времени или просто проездом – и тогда получал лишь поверхностное представление о Крыме. Не все обладали писательским даром и стремились оставить свои впечатления на бумаге. И всё-таки многие, к счастью для нас, это сделали. Преподнесённая ими информация и по объёму, и по значимости неравноценна для науки. Есть сочинения, специально посвящённые путешествию по Крыму, а есть такие, в которых Крым представлен как эпизод в большой поездке по России или по многим странам, но при этом короткий рассказ о пребывании на полуострове может оказаться настоящей «изюминкой» в длинном ряду путевых записок.

¹ В работе над статьёй большое участие принял Геннадий Игоревич Беднарчик, выступив в роли переводчика «крымской» части сочинения Клода Анэ. Благодарю его за ряд ценных советов.

Именно таким стала небольшая заметка о четырёхдневном – 18–21 апреля 1905 г. – посещении Крыма проездом в книге известного французского писателя Клода Анэ «В Персию на автомобиле через Россию и Кавказ», увидевшей свет в Париже в 1906 г. [29]. Ни вся книга, ни рассказ о Крыме в ней никогда не публиковались в русском переводе и, насколько мне известно, не фигурировали в научной литературе. Между тем в этом сочинении есть то, что делает лаконичное повествование автора о пребывании на полуострове весьма ценным для специалистов – историков, литературоведов.

Во-первых, нужно отдать должное литературному таланту автора. Перед нами не просто записки путешественника, но произведение мастера словесности. Оно читается как увлекательный приключенческий роман (по тем временам поездка на автомобиле на столь большое расстояние выглядит настоящей авантюрой). Во-вторых, содержащийся в нём рассказ о Крыме абсолютно оригинальный, непохожий на все другие. Особенно ценен для нас пассаж о пребывании французского писателя на ялтинской даче у Алексея Максимовича Горького и его гражданской жены – Марии Фёдоровны Андреевой.

Клод Анэ (Claude Anet; 28 мая 1868, Морж (Швейцария) – 9 января 1931, Париж) – литературный псевдоним Жана Шопфера (Jean Schopfer). Личность необыкновенная, натура творческая, постоянно пребывавшая в состоянии поиска новых впечатлений и собственных достижений, он приобрёл заслуженную известность в Европе и за её пределами. Плодовитый писатель, заядлый путешественник, успешный спортсмен (между прочим, чемпион Франции по теннису 1892 г.). Его любовными и приключенческими, включая исторические, романами зачитывалась вся Франция – и не только. По его книгам снимались полубившиеся публике фильмы с участием выдающихся актёров. Дважды (в 1935 и 1968 гг.), например, экранизировался роман «Майерлинг» (1929 г.).

Клод Анэ не понаслышке знал Россию и в своём художественном творчестве обращался к сюжетам из русской жизни. Это роман «Арина» (1919 г.; экранизировался в 1932 и 1957 гг.); книга «Любовь в России» (1930 г.; сборник из трёх новелл – «Надя», «Вера» и «Соня», в которых анализируется психология любви русской женщины).

Клоду Анэ довелось некоторое время жить в России: в июле 1916 – июне 1918 г. В качестве корреспондента двух парижских газет («Temps», «Le Petit Parisien»), аккредитованного при Временном правительстве, он освещал события русской революции и Гражданской войны. Деятельность француза в Петрограде вызвала подозрение большевиков. В записке, которую Анэ отправил в Париж 2 мая 1918 г. (она опубликована в «Le Petit Parisien»), говорится, что в четыре часа утра в его квартире провели обыск, изъяли все записи, телеграммы, статьи и личную переписку, арестовали, поместив в «небольшую зловонную камеру, где в отсутствии свежего воздуха томились около сорока заключенных: бандиты, фальшивомонетки, спекулянты и лица, заподозренные в контрреволюционной деятельности», но в тот же день после беседы с комиссаром М. С. Урицким отпустили. Анэ рассказывает: «Он задал мне вопросы о моих русских и французских друзьях, составил протокол допроса... Наша беседа с

Урицким протекала в очень спокойной и доброжелательной атмосфере... мы обсудили текущую политическую обстановку и взвесили шансы оппозиционных партий на успех. Урицкий счёл эти шансы нулевыми. Покидая его кабинет, я выразил надежду на то, что мы ещё раз встретимся с ним, когда оба будем более... свободными» (пер. Г. И. Беднарчика) [31]. В июне 1918 г. французский корреспондент покинул Россию.

Главным произведением Клода Анэ о России стала четырёхтомная «Русская революция», опубликованная в Париже в 1917–1919 гг. [30] и представляющая собой собрание главным образом его корреспонденций, отправленных из Петрограда в Париж. В 1920 г. в газете «Таврический голос» на это сочинение появилась рецензия известного крымского историка, профессора Таврического университета Георгия Владимировича Вернадского [8; 9]. Рецензент отмечает, что на Западе мало знают о жизни в России, так как не стремятся о ней знать, между тем корреспонденции Клода Анэ «легко и талантливо написаны и, в общем, дают правдивую и яркую картину русской смуты», «Анэ хорошо осведомлён и за немногими исключениями сравнительно хорошо умеет разбираться в явлениях русской действительности» [9, с. 131–132]. Всё, что происходило в России на глазах Клода Анэ, пишет Вернадский, не могло не вызывать у него ужаса, особенно большевистский режим, его Анэ называет самым кровавым временем во всей истории России. Тем не менее французский писатель верит в то, что Россия «сумеет извлечь для себя урок из ужасного своего испытания. В этом юном народе заложены несчётные силы; в этой “широкой натуре” есть источники, кажущиеся неиссякаемыми. Мучениями приведённая от слов к действительности, Россия примет за ежедневные суровые задачи, исполнение которых одно только поможет ей возобновить своё шествие к великому будущему, которого желают ей все её друзья» [цит. Клода Анэ по: 9, с. 134–135].

Очевидно, что в жизни и творчестве путешественника, писателя, журналиста Клода Анэ Россия занимала значительное место. И именно он, уже побывавший на юге России в 1905 г., оказался в Петербурге-Петрограде во время Первой мировой войны, революций 1917 г. и Гражданской войны. Судьба России была ему безразлична, а под её друзьями он, конечно, понимает и себя самого.

Путешествие Анэ и его друзей. В 1905 г. 37-летний отважный романтик и опытный путешественник Клод Анэ отправился в большой вояж на автомобиле из Бухареста (Румыния) в далёкую Персию (Иран). Он и его спутники первыми в Европе осуществили вояж такого рода – поездку малокомфортабельную и небезопасную. Автомобиль как вид транспорта, рассчитанный на далёкие расстояния, по тем временам был ещё недостаточно освоенным. Ехали, правда, не только на автомобилях, но именно им отводилась главная роль. Да и обстановка в России, через южные регионы которой проезжали путешественники, была весьма напряжённой.

Результатом путешествия стала книга Клода Анэ «В Персию на автомобиле через Россию и Кавказ». Она начинается замечательной фразой, под которой мало кто отказался бы подписаться: «Путешествие – это одно из самых больших удовольствий для человека». В предисловии автор даёт необходимые пояснения относительно того, как родилась идея осуществить столь заманчивый вояж и кто принял в нём участие.

Инициатором предприятия был Эммануэль Бибеску, пожелавший «совершить автомобильное путешествие, более серьёзное, чем прогулка из Тулона в Ниццу», а именно: на Южный берег Крыма и Кавказ. Путеводитель Карла Бедекера подсказал ему, что «между Севастополем и Батумом на Кавказе осуществляется пароходное сообщение». А «Кавказ – это очень живописная горная область». Неплохо было бы там побывать! Своими планами Эммануэль Бибеску поделился с Клодом Анэ. Вместе «путешествуя» с помощью географической карты по Кавказу, они «дошли» до Каспийского моря, а там уж «рукой подать» и до персидского города Решта, ведь «дважды в неделю из Баку в Решт отплывает пароход». Из Решта же неплохая дорога до Тегерана. В общем, решение организовать путешествие довольно быстро было принято.

Из Бухареста выехали 11 апреля 1905 г., конечным пунктом поездки являлся персидский город Исфahan. Дорога от Бухареста до Исфahана и пребывание в Исфahане заняли семь недель. Путь лежал через Россию и её неотъемлемую часть – Крым. Вояж закончился в Константинополе, куда путники прибыли 19 июня 1905 г.

Маршрут путешествия был следующим. Отплыли по Дунаю из Бухареста до Измаила. От Измаила – на автомобилях по территории России: Болград – Аккерман (Белгород-Днестровский) – Татар-Бунары (Татарбунары) – Овидиополь – Одесса. Из Одессы – на пароходе в Севастополь. Далее путь лежал через Крым. По Крыму ехали на автомобилях. Побывали в Севастополе, Балаклаве, Бахчисарае, Ялте, Ливадии. Из Ялты отправились на Кавказ: пароходом – в Батум, поездом – в Кутаис. В Кутаисе сели на поезд, чтобы добраться до Тифлиса, оттуда – в Баку. А из Баку – в Персию: на пароходе – в Энзели, на лодке – в Пир-Базар, на лошадях – в Решт, на автомобилях – в Манджил, Казвин, Тегеран, Кум. Из Кума – на дилижансе в Исфahan: «...мы познали ужасы путешествия на дилижансе по персидской пустыне. К концу шестой недели нашей экспедиции, преодолев многочисленные трудности и лишения, мы прибыли в исфahanский рай, где провели целую неделю», – пишет Анэ. Заранее намеченный обратный маршрут пришлось изменить из-за забастовки в Батуме. Путники погрузились на французскую торговую яхту и отправились по Чёрному морю вдоль северного побережья Турции по направлению: Трапезунд (Трабзон) – Константинополь (Стамбул). На этом последнем пункте путешествия Анэ заканчивает своё повествование.

Такой сложный и длительный вояж необходимо было тщательно подготовить и хорошо продумать (на сборы ушло три месяца), а его участники должны были быть людьми, не побоявшимися осуществить столь рискованное предприятие. Компания оказалась хорошо подобранной, в неё вошли бесстрашные мужчины, спортсмены и любители приключений, а также выносливые представители так называемого слабого пола. Её костяк составили хорошие знакомые Клода Анэ – представители румынского княжеского рода Бибеску (Бибеско), тесно связанные с Францией.

Князь Георге (Георгий) Валентин Бибеску (1880–1941) – первый румынский авиатор и автолюбитель, участник автогонок, один из основателей Румынского автомобильного клуба (1901 г.). С ним, убеждён Анэ, ничего не страшно: «Управляет ли он парусником, или держит в своих руках руль автомобиля, этот человек всегда мыслит в правильном направлении, принимает верное решение, рискует и побеждает».

Его молоденькая жена – княгиня Марта Бибеску (урожд. Марта Лючия Лаховари; 1886–1973. Впоследствии она стала довольно известным писателем). Её кузина – Мишель Шарль Ферекиди (Фередики). Супруг последней – Михай Ферекиди (1842–1926. Известный политический деятель, министр иностранных дел Королевства Румынии в 1885–1888 гг., министр внутренних дел Королевства Румынии в 1897–1899 и 1909–1910 гг.). Князь Эммануэль Бибеску (1874–1917. Коллекционер произведений живописи и почитатель художественного слова) был инициатором экспедиции, а в России – переводчиком для своих спутников, не знавших ни слова по-русски. Сопровождали путников румынский спортсмен Леон Леонида и три механика-водителя – швейцарец Келлер, француз Эжен, румын Гиорги, без которых экспедиция не состоялась бы.

Запаслись оружием – всякое возможно в пути, в особенности в объётой революционным пожаром России. Впрочем, оно не понадобилось, о чём не без юмора рассказывает Анэ.

Вояж, скорее всего, был предпринят не только ради развлечения жаждущей новизны и приключений почтенной публики, хотя Клод Анэ и уверяет нас в том, что он и его спутники путешествовали «просто ради своего удовольствия», потому что им «захотелось отправиться в Персию и насладиться розами Исфахана». Наверняка предполагалось испытание возможности ещё не очень широко распространённого автомобильного транспорта. Но не исключена и более веская причина, например, путники могли выполнять некую дипломатическую миссию, ведь среди участников экспедиции были небезызвестные политические деятели, а события на международной арене не отличались спокойствием.

Ехали на трёх новеньких автомобилях («Мерседес с открытым верхом 1904 года выпуска, 40 лошадиных сил; Мерседес, 20 лошадиных сил; Фиат, 16 лошадиных сил, – оба 1904 года выпуска») со скоростью 30 километров в час, причем, нередко она существенно уменьшалась. Анэ заметил, что в одной из деревень крымского Южного бережья им пришлось ехать со скоростью 8 километров в час – дабы не смущать местную публику. Малая скорость зависела не только от технических возможностей машин, но и от состояния дорог, которые далеко не всегда были приспособлены к автомобильным гонкам.

Пребывание в Крыму. Севастополь, Бахчисарай, Балаклава. Ещё до начала вояжа наши путешественники озадачились политической ситуацией в России, где им предстояло проехать довольно большой путь. «... в России, – пишет Анэ, – произошла революция. Газеты пестрели самыми ужасными заголовками... В Одессе объявлена всеобщая забастовка... В Севастополе произошли волнения в арсеналах... На Кавказе процветает бандитизм на дорогах и погромы в городах, повсеместно – грабежи и убийства, в городах – чрезвычайное положение. В Батуме – анархия, а крестьяне Гори провозгласили республику... Стоит нам занести в маршрутный лист какой-нибудь город, как тут же там вспыхивают беспорядки. Так же случилось и с Ялтой: как только мы подумали о ней, там сразу произошли погромы».

Да, Россия переживала свою Первую революцию. Впрочем, нельзя сказать, что наши путешественники как-то от неё пострадали. Анэ констатирует: «С тех пор как

мы находимся в России, о волнениях и погромах в которой без устали трубят в зарубежной прессе, мы ещё ни разу не видели ни малейшей стычки и ни одного покушения на представителя власти». Кажется, гораздо больше неприятностей доставляли неудобства, с которыми пришлось столкнуться знающим толк в комфорте путникам, в особенности дороги. Впрочем, эта беда сглаживалась очаровательными пейзажами и великолепием крымского апреля, когда, как замечает Анэ, зеленеют луга, цветут миндаль и персики, распустились первоцветы.

В Севастополе, где «слишком шумно и по-военному строго», побывали дважды, но каждый раз совсем недолго. Из Севастополя через Бельбекскую долину направились в Бахчисарай, где в «узкой долине, вдоль длинной, живописной улицы проживает около пятнадцати тысяч татар». При появлении иностранцев весь город «высыпал на улицу, чтобы увидеть уникальное зрелище» – путешественников на автомобилях. В Бахчисарае Анэ и его спутники осмотрели ханский дворец и ханское кладбище, восхитились садами. По дороге из Севастополя в Ялту сделали остановку в монастыре Св. Георгия, затем в «сказочно-миниатюрной», «игрушечной зелёно-голубой» Балаклаве с её уникальной бухтой. Проехали Байдарские ворота, полюбовавшись скалами и морем, и прибыли в Ялту, куда особенно стремились.

Ялта. В гостях у Максима Горького. В Ялте Анэ и его друзья «с жадностью» ищут следы революционных беспорядков, но ничего такого не находят, хотя местные жители и рассказали им, что таковые были – и даже весьма серьёзные. Между тем в Ялте Клода Анэ ожидало нечто очень для него важное: «... мы узнали, что на недалеко расположенной от нас вилле остановился на лечение Максим Горький». Не задумываясь, наш путешественник решил навестить «знаменитого писателя», о котором много слышал и, конечно, был знаком с его произведениями.

К тому времени Максим Горький (Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) уже был хорошо известен в Европе. Его сочинения вызывали большой интерес во Франции, их переводили на французский язык, о них много спорили [см. например: 2; 5; 6]. Французский писатель и литературный критик Эжен Мельхиор де Вогюэ в очерке, опубликованном в русском переводе в 1905 г., заметил: «Подобно росту листьев при внезапно наступающей русской весне, репутация Максима Горького прочно установилась менее чем в три года... У него много восторженных поклонников в России, его рассказы начинают переводиться и за границей» [10, с. 3]. В феврале 1905 г. во Франции возникло «Общество друзей русского народа», осудившее арест Горького, последовавший за резко отрицательной реакцией Алексея Максимовича на кровавую расправу властей с мирными демонстрантами 9 января 1905 г. Арест Горького буквально всколыхнул передовое французское общество – в прессе, на митингах звучало требование освободить русского писателя. Анэ, конечно же, обо всём этом был осведомлён и сочувствовал Горькому, как и многие французы. Оказавшись в Ялте и узнав, что Алексей Максимович находится неподалёку, он тут же принимает решение отправиться к нему.

Максим Горький бывал в Крыму неоднократно, иногда жил подолгу. Несколько раз приезжал в 1890-х гг., ежегодно – в 1901–1905-м, затем – в 1916, 1917, 1928 гг., ежегодно – в 1933–1936 гг. Отдыхал, лечился, много и плодотворно работал, здесь у него были замечательные знакомства, встречи, беседы с близкими ему по духу

людьми, среди которых писатели, деятели искусства [см. например: 23, с. 143–155; 11; 24, с. 269–313]. Близким другом, с которым Горький особенно часто виделся в Крыму, стал Антон Павлович Чехов.

В ноябре 1901 – апреле 1902 г. Максим Горький с женой Екатериной Павловной, сыном и дочкой жил на даче «Нюра» в Олеше. Хозяин дачи – сибирский купец Иван Фёдорович Токмаков, поселившийся со своей семьёй в Крыму в начале 80-х гг. XIX в. «Он купил у графа П. П. Шувалова 11 десятин земли – вытянутый от подножия Ай-Петри до моря участок» и построил на нём (по проекту ялтинского архитектора И. М. Котинкова) «двухэтажную деревянную дачу, единственным украшением которой являлись затейливые резные карнизы и наличники. Большая резная деревянная веранда располагалась с южной стороны»; на первом этаже было семь комнат, на втором – четыре (дача «Нюра» до нашего времени не сохранилась) [13, с. 6, 38; 14, с. 311, 342]. На этой даче останавливался «весь цвет российской творческой интеллигенции» [13, с. 38; 14, с. 343].

Олеиз находится недалеко от Гаспры, где жил Лев Николаевич Толстой. Алексей Максимович хотел «быть ближе к Толстому» [20, с. 191]. «С величайшим интересом, напряжённо наблюдал Горький великого русского писателя и мыслителя Льва Николаевича Толстого, с которым в Крыму впервые – и единственный раз – общался так близко и продолжительно» [11, с. 47].

Толстой бывал в Крыму трижды: в первый раз – с ноября 1854 по ноябрь 1855 г. (во время Крымской войны, участником которой являлся), во второй – в марте 1885 г. (сопровождал заболевшего друга князя Л. Д. Урусова), в третий – в сентябре 1901 – июне 1902 г. [см. например: 4; 12; 23, с. 50–60; 24, с. 118–193; 25; 27]. В этот последний приезд он жил с семьёй в Гаспре, в имении графини Софьи Владимировны Паниной (ныне санаторий «Ясная поляна»). В прошлом это поместье с роскошным дворцом принадлежало известному государственному деятелю князю Александру Николаевичу Голицыну. Дворец возводился в 1830-х гг. архитекторами графа М. С. Воронцова – Ф. Ф. Эльсоном и В. Гунтом. По стилю он напоминал Алушкинский дворец Воронцовых. Двухэтажное здание фланкировали трёхъярусные восьмигранные башни с зубцами, окна стрельчатые – всё в духе готики. Роскошна внутренняя отделка. Дворец окружал парк, создававшийся садовником Л. Кремером. После смерти Голицына гаспринское имение сменило несколько владельцев, а в конце XIX в. перешло в собственность графини Паниной, известной своей благотворительностью [см. о ней например: 7, с. 38–44]. Софья Владимировна знала, что Толстой тяжело болел, и пригласила писателя отдохнуть в своё имение, близ моря, где он и отдыхал, и работал – писал.

Через несколько дней по приезде в Крым Максим Горький навестил Льва Николаевича в Гаспре (к тому времени они уже были знакомы, их знакомство состоялась в январе 1900 г. в Москве). Они стали часто видеться, оба были этому рады. Нередко их встречи и беседы проходили в присутствии Антона Павловича Чехова, жившего в Ялте. Иногда и Толстой бывал у Алексея Максимовича в Олеше. Из этих встреч и бесед родился очерк-воспоминание М. Горького «Лев Толстой». «Эта книжка, – пишет Горький, – составилась из отрывочных заметок, которые я писал, живя в Олеше,

когда Лев Николаевич жил в Гаспре, сначала – тяжело больной, потом – одолев болезнь»; «Он много раз и подолгу беседовал со мной; когда жил в Крыму, в Гаспре, я часто бывал у него, он тоже охотно посещал меня, я внимательно и любовно читал его книги... Не хуже других известно мне, что нет человека более достойного имени гения, более сложного и противоречивого и во всём прекрасного», он – «человек человечества» [21, с. 461, 485].

Встречи и беседы с великим мастером слова, мыслителем много дали для души и творчества молодого писателя. Горький с восторгом слушал Толстого, но не со всем соглашался. И даже сделал по-пролетарски прямолинейное заявление: «Во Льве Николаевиче есть много такого, что порою вызывало у меня чувство, близкое ненависти к нему, и опрокидывалось на душу угнетающей тяжестью»; «Он часто казался мне человеком непоколебимо – в глубине души своей – равнодушным к людям, он есть настолько выше, мощнее их, что они все кажутся ему подобными мошкам, а суета сует их – смешной и жалкой» [21, с. 485, 486]. А революционные события начала 1905 г. позволили молодому пролетарскому писателю быть просто непочтительным по отношению к Льву Николаевичу в письме к нему. Чего стоят, например, такие строки: «... вот что я хочу сказать Вам, граф... Вы уже не знаете, чем теперь живут простые рабочие люди нашей страны, Вы не знаете их духовного мира, Вы не можете говорить о желаниях их – Вы утратили это право с той поры, когда перестали прислушиваться к голосу народа... Вы несправедливо присваиваете себе теперь роль выразителя народных желаний» [16, с. 279–280. № 151]. Толстой у Горького – человек неискренний и самовлюблённый [17]. Но тот же Горький восклицал: «Этот человек богоподобен!»; «Это самый удивительный человек, коего я имел наслаждение видеть»; «...самый красивый, мощный и великий» [21, с. 506; 17; 19, с. 426, № 228]. Конечно, нужно учитывать, что Горький неодинаково воспринимал Толстого в разные периоды своей жизни (со временем его пыл смягчился), да и ценил доброе к себе отношение Льва Николаевича, недаром писал ему: «...я знал, что Вы относитесь к людям просто и душевно, но не ожидал, признаться, что именно так хорошо Вы относитесь ко мне» [15]. (Тема «Горький и Толстой» обширна и сложна, она стала предметом исследования многих литературоведов. И сегодня в нашей непростой жизни она кажется особенно актуальной.)

С 29 марта по 7 мая 1905 г. Алексей Максимович отдыхал и лечился в Ялте. Его сопровождала Мария Фёдоровна Андреева. Он познакомился с ней раньше, когда в 1899 г. в Крым (Севастополь и Ялту) на гастроли приезжал московский Художественный театр. Горького восхитила игра замечательной русской актрисы Марии Фёдоровны Андреевой (урожд. Юрковская; 1868–1953), надолго ставшей его другом и гражданской женой [1, с. 40–43, 43–49, см. также: с. 689]. Горького и Андрееву сближали общие политические взгляды. В 1904 г. Мария Фёдоровна стала членом Российской социал-демократической партии. Приверженность к марксизму, большевизму сохранила до конца жизни. Образованная, знавшая многие языки, она стала для Алексея Максимовича не только женой и единомышленницей, но и первым помощником: вела его переписку, перепечатывала рукописи, делала переводы статей из зарубежных изданий, переводила сочинения Горького

на европейские языки. Алексею Максимовичу доводилось принимать иностранцев, в роли переводчика выступала Мария Фёдоровна. Так было и тогда, когда к ним в Ялте пожаловал с визитом Клод Анэ.

Встреча и беседа Максима Горького и М. Ф. Андреевой с французским писателем состоялась 20 апреля. Мария Фёдоровна, замечает в своей книге Анэ, «очень хорошо говорит по-французски... у неё нежный голос и очаровательное произношение. Горький говорит только по-русски, но благодаря посредничеству его жены между нами тремя завязывается довольно содержательная беседа». Для Анэ Лев Толстой и Максим Горький – «самые великие русские писатели» его времени. На него произвело впечатление восхищение Алексея Максимовича такими классиками французской литературы, как Флобер, Мопассан, братья Гонкуры, Анатоль Франс, Пьер Лоти, а Октав Мирбо «потряс Горького до глубины души».

Максим Горький был всесторонне интересен Клоду Анэ. И Анэ обращает внимание на его «неровные черты измученного лица», «ярко-голубые глаза, в которых читается сильная воля и решимость, глаза истрадавшего человека дела, который тратит себя всего, без остатка», на его коренастую, стройную, гибкую фигуру, манеру слушать собеседника. Лицо Алексея Максимовича меняется, когда Анэ говорит о глубокой симпатии к нему французов: «...напряжение на лице писателя спадает, взгляд смягчается, начинают блестеть глаза, а рот расплывается в счастливой, доверчивой улыбке человека большой доброты и душевной молодости». Анэ передаёт печальный рассказ Марии Фёдоровны об аресте Горького вскоре после событий 9 января 1905 г. и о его пребывании в Петропавловской крепости, после чего у него начался сильный кашель – вот почему он оказался в Ялте на лечении.

Клод Анэ счёл нужным как можно подробнее рассказать своим читателям во Франции, в Европе о Максиме Горьком – ведь о его биографии «написано много лжи». Для Анэ очевидно, что Горький сам выбрал для себя тернистый нищенский путь странника, бродяги, познающего мир во всём его многообразии.

А затем следует беседа Клода Анэ, Алексея Максимовича и Марии Фёдоровны о Льве Николаевиче Толстом – это, пожалуй, самая важная часть рассказа французского писателя о его встрече с Горьким в Ялте. «Услышав имя Толстой, Горький посмотрел на меня долгим пристальным взглядом. Он испытывает безграничное восхищение перед творчеством Толстого. Это – самый великий русский писатель... их дружба была безграничной. Горький обожает Толстого-романиста», но при этом считает, что «Толстой-апостол, освещающий революционные события в России, – это совсем другой человек!».

Мария Фёдоровна тут же даёт пояснения: «Толстой – аристократ... Он не знаком с жизнью простого народа, не чувствует его чаяний. Он не имеет никакого морального права выступать от имени народа и говорить то, чего сегодня Россия слышать уже не хочет... Он хочет, чтобы всё человечество встало под знамёна христианской морали и путём духовного очищения, а также волевого решения отказалось от применения насилия».

Очевидно, что Андреева в своём пояснении отразила лишь негативное восприятие Толстого Горьким. Но отношение Алексея Максимовича к гению русской

культуры было гораздо более сложным. Да, он говорил: «По-разному с ним (с Толстым. – Э. П.) мы видели жизнь и судили по-разному»; считал толстовскую философию непротивленчества «противонародной» [28, с. 143, 146]. И в то же время (из воспоминаний о М. Горьком): «О Толстом Алексей Максимович рассказывал с душевным трепетом, почти с обожанием, радуясь тому, что природа может создавать таких великих художников, могучих знатоков человеческих душ» [26, с. 235]. А когда в 1917–1918 гг. «буревестник» революции увидел обратную сторону революции, то выразил протест против «грубейших насилий над человеком», «преступлений против личности», ратуя за то, чтобы «воспитывать в самих себе чувство брезгливости к убийству, чувство отвращения к нему» [22, с. 23, 24].

Покидая своих собеседников, Анэ думает «об этом большом человеке (о Горьком. – Э. П.), за которым стоит жаждающая справедливости многострадальная Россия».

В тот же день Клод Анэ и его спутники гуляли по роскошным паркам Массандры.

Ливадия. 21 апреля путешественники прибыли в Ливадию и посетили императорский дворец в отсутствие царской семьи.

В прошлом ливадийское имение принадлежало графу Льву Севериновичу Потоцкому (1789–1860), после смерти коего перешло к его дочерям и вскоре (в августе 1860 г.) было куплено у них для царской семьи Департаментом Уделов Министерства Императорского Двора. Александр II подарил Ливадию супруге – императрице Марии Александровне. Здесь появилось много разных построек, главные – Большой дворец Марии Александровны и Малый дворец, построенный для Александра III в бытность его наследником престола. Эти дворцы до нашего времени не сохранились: Большой – по причине ветхости разобрали в начале XX в. (на его месте в 1911 г. появилось замечательное произведение выдающегося ялтинского архитектора Н. П. Краснова – ныне существующий белый Ливадийский дворец); Малый – сгорел в конце 1941 г.

В летней царской резиденции Клода Анэ поразили «маленькие комнатки, простая, скромная обстановка» дворца императора Всея Руси. «Любой зажиточный лондонский лавочник имеет куда более шикарную виллу», – заметил он. А ещё его удивило огромное количество солдат, охранявших дворец: «На каждом повороте аллеи дежурит целый взвод, на полянах солдаты выполняют военные упражнения». По-видимому, наш путешественник не учёл, что время было тревожное, революционное. Отсюда и солдаты, и военные упражнения.

21 апреля вечером путники сели в Ялте на пароход и покинули полуостров. В памяти Клода Анэ Крым остался «одним из самых красивых уголков в мире»...

Рис. 1. Клод Анэ.

Рис. 2. Автомобили Клода Анэ и его спутников на постоялом дворе в Бессарабии. Фото из книги Клода Анэ.

Рис. 3. В Одессе. Фото из книги Клода Анэ.

Рис. 4. Главная площадь Севастополя (Екатерининская, Нахимова).
Фото из книги Клода Анэ.

Рис. 5. Вход в Ханский дворец в Бахчисарае.
Фото из книги Клода Анэ.

Рис. 6. В Ханском дворце.
Фото из книги Клода Анэ.

Рис. 7. Георгиевский монастырь у мыса Фиолент, близ Севастополя.
Открытка начала XX в.

Рис. 8. Балаклава (вдали слева остатки генуэзской крепости).
Открытка начала XX в.

Рис. 9. А. М. Горький, М. Ф. Андреева и Клод Анэ в Ялте.
Фото из книги Клода Анэ.

Рис. 10. А. М. Горький и М. Ф. Андреева. Фото 1905 г.

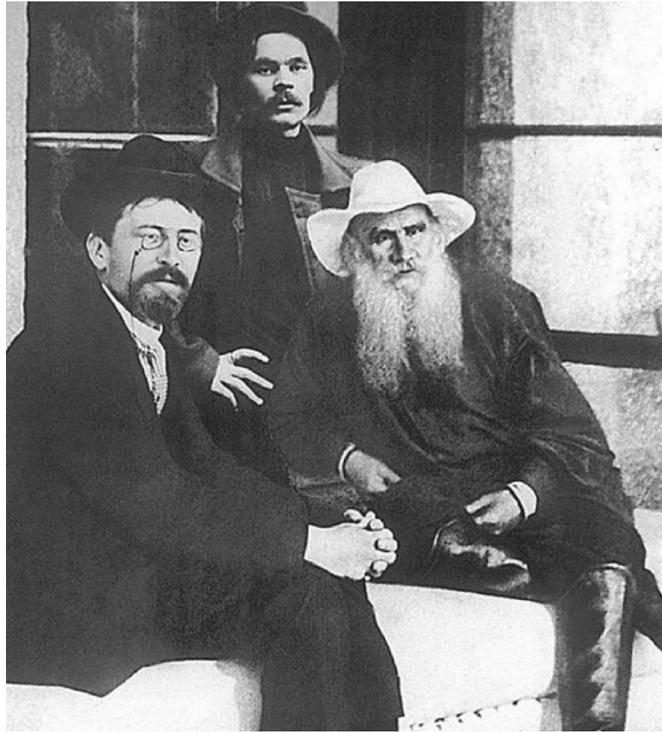

Рис. 11. А. П. Чехов, Л. Н. Толстой и А. М. Горький в Крыму. Фото 1901 г.

Рис. 12. Большой императорский дворец в Ливадии. Фото конца XIX в.

Клод Анэ
В Персию на автомобиле через Россию и Кавказ¹
Предисловие²

Путешествие – это одно из самых больших удовольствий для человека. Открывать для себя быстро сменяющиеся друг друга новые картины природы, проезжать некогда процветающие, а сегодня абсолютно мёртвые города, разыскивать храмы, которые в нашем воображении выглядят величественными и роскошными, а на самом деле представляют собою просто глыбы камней, обнаруживать пустыню и одиночество там, где некогда жили могущественные народы, а затем ехать всё дальше и дальше, не останавливаясь ни на минуту, созерцать оживлённые места и развалины, ощущать то, как, привыкнув к очередному пейзажу, вы сразу же теряете его из виду, причём, теряете навсегда, – какое же это наслаждение и какая мучительная тревога! Мне особенно ценно всё то, что ускользает от меня, и я лихорадочно стремлюсь к неизведанному, но, как только достигаю цели, сразу же теряю её и начинаю с особой страстью любить то, чего уже нет. Может быть, именно в этом и заключается пьянящее чувство радости во время путешествия? Но как всё это объяснить словами тому, кто предпочитает сидеть дома в своём кресле?

Нам захотелось отправиться в Персию и насладиться розами Исфахана³. Для этого мы решили прибегнуть к необычному транспортному средству. Вместо того чтобы отправиться в Баку на поезде, предпочли проехать самую протяжённую часть пути на автомобиле. Таким образом мы пересекли Бессарабию, область, которая ещё долго будет оставаться terra incognita для путешествий на автомобиле; также мы посетили Южный берег Крыма; на Кавказе нас задержали дожди и снега, и после нескольких экскурсий в окрестности Батума и Кутаиса мы сели на поезд; в Персии, в то время как один из нас на своей машине тщетно пытался преодолеть неприступные горы вблизи Табриза⁴, защищающие высокое Иранское плато, остальные автомобили достигли Кума⁵, второго по святости города шахской империи⁶. В этом месте под золотым куполом горделивой мечети покоится святая Фатима, сестра имама Резы, мавзолей которого находится в городе Мешхеде⁷. В Куме у нас возникли проблемы с бензином, и мы познали ужасы путешествия на дилижансе по персидской пустыне. К концу шестой недели нашей экспедиции, преодолев многочисленные трудности и лишения, мы прибыли в исфаханский рай, где провели целую неделю.

Вместе с нами путешествовали две смелые, жизнерадостные, полные энтузиазма и решимости молодые дамы. Привыкшие к комфорту и роскоши, они мужественно переносили бессонные ночи, недостаток питания, пребывание в грязных лачугах,

¹Anet Claude. La Perseen automobile a travers la Russie et le Caucase. Paris: Felix Juven, 1906. 313 p. Перевод с французского Г. И. Беднарчика. Комментарии и примечания Э. Б. Петровой.

² [29, p. VII–XII].

³Исфахан – город в Иране (Персии), расположен к югу от Тегерана и Кума.

⁴Табриз (Тебриз) – город в Иране, к востоку от озера Урмия.

⁵Кум – священный город в Иране, находится к югу от Тегерана.

⁶С 1795 по 1925 г. в Персии (в 1935 г. переименованной в Иран) правила династия Каджаров. Правление пятого её шаха – Мозафереддин-шах Каджара – пришлось на 1896–1907 гг.

⁷Мешхед – город на северо-востоке Ирана.

утренние холода, ледяной ветер в горах и убийственную жару пустыни. Они были в Исфахане. И вернулись оттуда целыми и невредимыми...

Так каким же образом семеро трезвомыслящих людей приняли решение отправиться в Исфахан на автомобиле?

Желание совершить автомобильное путешествие, более серьёзное, чем прогулка из Тулона в Ниццу, вдохновило одного из моих друзей – Эммануэля Бибеску – отправиться на Южный берег Крыма, правда, сначала только по карте, следуя путеводителю Бедекера¹, который сообщал, что между Севастополем и Батумом на Кавказе осуществляется пароходное сообщение.

Именно после этого, первого января 1905 года и состоялась наша с ним беседа. Тот, кто хотя бы чуточку знаком с географией, знает, что Кавказ – это очень живописная горная область, где русские построили прекрасные дороги. И вот, правда, пока ещё сидя в кресле, мы уже путешествуем по Кавказу, поднимаемся в долины, пересекаем перевалы, делаем остановки в городах. Вскоре по карте доезжаем до Баку. Здесь перед нами возникает преграда – Каспийское море, поэтому мы проводим в этом нефтяном городе несколько дней. И вдруг Эммануэль говорит мне:

– Ты знаешь, где находится порт Решт?²

– Персидский Решт?

– Именно он.

– На юге, недалеко от Каспийского моря.

– Ты не забыл, что пока мы остановились на несколько дней в Баку?

– Конечно, нет, я как-будто бы вижу перед собой казачьи разъезды на его улицах.

– Так вот, дважды в неделю из Баку в Решт отплывает пароход...

Моё сердце учащённо забилося.

– А из Решта в Тегеран, – продолжает Эммануэль, – русские построили дорогу длиною в триста двадцать пять километров³.

– Больше ни слова! Когда мы отправляемся?

На сборы у нас ушло три месяца.

Между тем в России произошла революция⁴. Газеты пестрели самыми ужасными заголовками. Но больше всего нас интересовали события на юге России. В Одессе объявлена всеобщая забастовка, а ведь Одесса является одним из этапов нашего путешествия. В Севастополе произошли волнения в арсеналах, и этот город тоже числится в нашем маршруте. На Кавказе процветает бандитизм на дорогах и погромы в городах, повсеместно грабежи и убийства, в городах чрезвычайное положение. В Батуме анархия, а крестьяне Гори провозгласили республику. И ведь нам никак не избежать Кавказа на пути в Персию.

¹Карл Бедкер (1801–1859) – немецкий издатель. В 1827 г. в Кобленце он открыл книжный магазин и основал издательство путеводителей по разным странам. В 1872 г. его сыновья перевели издательство в Лейпциг. Путеводители («бедкеры») пользовались популярностью в Европе, их знали в России. Кстати, было несколько изданий путеводителей и по России. Издательство Карла Бедкера и ныне существует.

²Решт – город на северо-западе Ирана, к югу от Каспийского моря.

³К 1900 г. Россия проложила шоссейную дорогу, соединившую персидские города Решт и Тегеран.

⁴Революция 1905–1907 гг.

Каждый день газеты печатают мрачные телеграммы о событиях в России. Стоит нам занести в маршрутный лист какой-нибудь город, как тут же там вспыхивают беспорядки. Так же случилось и с Ялтой: как только мы подумали о ней, там сразу произошли погромы. Многие умные головы сочли нашу затею сумасшествием, особенно когда узнали, что мы берём с собой двух молодых женщин.

Но ничто не могло остановить нас. В начале апреля мы уже были в Бухаресте. А теперь, дорогой читатель, настало время познакомить Вас с моими попутчиками: князь Георгий Валентин Бибеску, известный спортсмен, сын знаменитого Бибеску, участвовавшего в Мексиканской кампании и в войне 1870 года¹; его молодая жена, которая даже в пустыне умудрялась отыскать цветы и так красиво декламировала стихи; её кузина, госпожа Мишель С. Ферекиди со своим супругом, выпускником колледжа Людовика Великого; князь Эммануэль Бибеску, инициатор этой экспедиции, взваливший на себя основную ответственность за участок маршрута в Крыму и на Кавказе; господин Леонида, румынский спортсмен, по характеру упрямее бульдога. Кроме этого, с нами были три механика-водителя: швейцарец Келлер; не любящий море француз Эжен и румын-меланхолик Гиорги. Все трое так и не поверили до конца в то, что мы совершаем это путешествие просто ради своего удовольствия.

Нельзя не сказать и о наших трёх замечательных автомобилях: Мерседес с открытым верхом 1904 года выпуска, 40 лошадиных сил; Мерседес, 20 лошадиных сил; Фиат, 16 лошадиных сил, – оба 1904 года выпуска.

А теперь в путь, нас ожидают удивительные приключения!

Крым²

Вторник, 18 апреля. Или дае К семи часам утра, когда мы вышли на палубу корабля, на горизонте в туманной дымке появились расплывчатые очертания крымских берегов. Через некоторое время на бледно-голубом фоне мы увидели горы, а затем и сам Севастополь с его Черноморской эскадрой. Но что это, неужели наш пароход «Великая княгиня Ксения» приняли за японский военный корабль?³ И вот уже на всех парах в нашу сторону несутся пять миноносцев, а за ними следуют два крейсера. Да ведь это манёвры в нашу честь! Мы были весьма благодарны штабу российского флота за это незабываемое зрелище. Севастопольский рейд очень красив и удобен. Как показывает опыт, здесь может укрыться целый флот. Входим в порт. Там уже всю кипит бурная деятельность: строятся новые суда, а в сухих доках ремонтируются старые. Со всех сторон слышатся свистки, сирены и адские удары молота по корабельным заклёпкам. В воздухе постоянно витают клубы пара. Здесь слишком шумно и по-военному строго, поэтому мы задерживаемся в Севастополе всего на несколько часов, чтобы подготовить наши автомобили к поездке в небольшой татарский городок Бахчисарай.

¹Отцом Георгия Валентина Бибеску был Георг Бибеску (1834–1902).

² [29, р. 36–57].

³В то время, когда Анэ путешествовал, ещё не закончилась русско-японская война 1904–1905 гг.

Севастополь не представляет для нас большого интереса. Конечно, здесь есть музей обороны города во время войны 1854–1855 годов¹, но это событие произошло так давно, и вообще сейчас мы абсолютно не настроены на рассказы о героических защитниках города. Лучше поинтересуемся актуальными политическими событиями. Один француз показывает мне свежий номер парижской газеты, рассказывающей о том, что весь Севастополь охвачен пламенем революции. Кто бы сомневался!

– Скажите, а в Ялте тоже беспокойно? – спрашиваем мы у нашего соотечественника.

– Я думаю, что все эти сведения сильно преувеличены, – отвечает нам коммерсант-француз, заинтересованный в том, чтобы толпы туристов продолжали приезжать на отдых в тихий и спокойный Крым.

На сегодня у нас запланирован следующий маршрут: ранний обед и отъезд к 11 часам дня в Бахчисарай, расположенный в пятидесяти километрах от Севастополя. Оттуда мы поднимемся в Бельбекскую долину², затем проедем горный перевал в окрестностях Ялты и, наконец, спустимся в этот знаменитый курортный город, получивший прозвище «русская Ницца». По горной дороге Ялта отстоит от Бахчисарая на сто километров. Нам обещают дорогу хорошего качества. Дай Бог, чтобы это так и было!

Наконец в час дня, сопровождаемые проклятиями со стороны многочисленных татарских извозчиков, собравшихся на площади перед нашей гостиницей, мы покидаем Севастополь. Нам хорошо знакомы названия многих севастопольских окрестностей. Какой француз не знает проспектов Альма или Малахов?³ Мы пересекаем город и оказываемся на высоком Малаховом холме. Оттуда направляемся в Бахчисарай через Бельбекскую долину. Нас не обманули: здесь действительно есть хорошие дороги, на которых всё же частенько встречаются неожиданные колдобины. Мне больно видеть, как мой чемодан внезапно подскакивает над багажным автомобилем

¹Севастопольский военно-исторический музей открыт в сентябре 1869 г. благодаря сбору средств, организованному газетой «Русский инвалид». Во главе комитета, занимавшегося организацией музея, стоял герой Крымской войны генерал-адъютант Эдуард Иванович Тотлебен. В формировании экспозиции главное участие приняли ветераны обороны Севастополя 1854–1855 гг. и их семьи. Первоначально экспонаты находились в пяти комнатах дома Тотлебена на Екатерининской улице (ныне ул. Ленина). В 1892–1895 гг. по проекту академика архитектуры Александра Мстиславовича Кочетова и при активном участии одесского скульптора Бориса Васильевича Эдуардса для музея построили специальное здание – тоже на улице Екатерининской. Ныне в этом здании находится Музей Краснознамённого Черноморского флота Российской Федерации – преемник Севастопольского военно-исторического музея.

²Бельбекская долина (Бахчисарайский район) – долина реки Бельбек, берущей начало на Главной гряде Крымских гор и впадающей в Чёрное море недалеко от Севастополя – у села Любимовка.

³Альма и Малахов – наименования проспектов в Париже, появившиеся после Крымской войны 1853–1856 гг. Альма – река на северо-западном склоне Горного Крыма. В Альминском сражении 8 (20) сентября 1854 г. русская армия понесла огромные потери – почти 6 тысяч; союзники – 3,5 тысячи (или даже больше). Малахов курган – высота на Корабельной стороне Севастополя (историческое название восточной части Южной стороны Севастополя), где находился бастион 4-й дистанции оборонительной линии, возведённый летом 1854 г. Этот бастион называли Корниловским по имени вице-адмирала Владимира Алексеевича Корнилова, смертельно раненого на Малаховом кургане во время первой бомбардировки Севастополя 5 (17) октября 1854 г. Малахов курган противники штурмовали в июне и сентябре 1855 г. 28 июня (10 июля) 1855 г. здесь получил ранение адмирал Павел Степанович Нахимов, через два дня он скончался. После штурма кургана противником 27 августа (8 сентября) 1855 г. защитники Севастополя вынуждены были оставить бастион. Это был 349-й день обороны Севастополя.

и, совершив кульбит, приземляется на дорожное полотно. Уверен, что если бы мы, следуя за этим авто, не держались крепко за наши сидения, то оказались бы рядом с моим несчастным чемоданом.

Пейзаж просто очаровывает. Из-за запоздалой в этом году весны всё ещё зеленеют луга и цветёт миндаль. Мы наслаждаемся удивительным ощущением открытия абсолютно нового для нас края.

Наконец прибыли в Бахчисарай. В узкой долине, вдоль длинной, живописной улицы проживает около пятнадцати тысяч татар. У въезда в город, на холме расположена казарма, в которой квартирует русский батальон. Мы пересекаем город под оглушительное сопровождение автомобильных гудков. Весь Бахчисарай высыпал на улицу, чтобы увидеть уникальное зрелище. В ходе нашего автомобильного пробега у меня постоянно возникает иллюзия (а может, и не иллюзия) того, что мы посещаем так много стран лишь для того, чтобы развлечь жителей далёких городов. Сидя на корточках в своих настешь распахнутых лавочках, многочисленные бахчисарайские сапожники, портные, мясники, жестянщики, гончары и бакалейщики с явным наслаждением наблюдают за нашим автомобильным караваном. Для них – это бесплатное развлечение. Но мы-то очень хорошо знаем цену этому спектаклю.

В древнем дворце, где когда-то жили татарские ханы, прежние хозяева этого края, нам показали спальню императрицы Екатерины Великой¹. Восточная архитектура дворца довольно невзрачна, но сады, окружённые невысокими зданиями этого комплекса, просто очаровательны. Мы с большим интересом осматриваем ханское кладбище². Здесь множество саркофагов, некоторые датируются XV и XVI веками. В открытых саркофагах растут фиалки и левкои, а над всем кладбищем витает тонкий аромат цветущих персиков. Рядом с могилами выстят хрупкий минарет дворцовой мечети³.

Час спустя (это который же сейчас час? Уже пять?!) мы вновь поднимаемся в Бельбекскую долину. Нам предстоит проехать сто километров по горной дороге и

¹ В январе-июле 1787 г. состоялось грандиозное путешествие Екатерины II из Санкт-Петербурга через западную и центральную части России в Крым. Императрицу сопровождала огромная свита. Пребывание в Крыму продолжалось 13 дней – с 19 по 31 мая (по ст. ст.) 1787 г. Путешественники побывали в Перекопе, Бахчисарае, Инкермане, Севастополе, Симферополе, Карасубазаре (ныне город Белогорск), Старом Крыму, Феодосии. В Бахчисарае Екатерина II провела три дня. Покои для императрицы подготовили в ханском дворце, предварительно его отремонтировав и украсив. Екатерининской комнатой стала ханская спальня, где к приезду знатной гостьи были сделаны существенные преобразования. В комнате установили кровать, привезённую из Петербурга. Эта кровать долгое время стояла на своём месте, являясь одной из достопримечательностей дворца, но в 1990-е гг. её убрали, тогда же была уничтожена экспозиция, посвящённая присоединению Крыма к России в конце XVIII в.

² Ханское кладбище (мезарлык) – часть большого комплекса Бахчисарайского дворца. В этом святом для мусульман месте находятся захоронения крымских ханов, членов ханских семей и представителей высшей дворцовой знати. Здесь возвышаются два мавзолея (дюрбе): северный – Девлет Гирея I (1551 г.), южный – Ислям Гирея III (1654 г.), а также дюрбе-ротонда с погребением Менгли Гирея II (1739 или 1740 г.). На кладбище многочисленны мраморные и известняковые надгробия, богато орнаментированные, большинство из них – с надписями.

³ Большая Ханская мечеть (Биюк Хан-Джами) построена в 1532 г. основателем Бахчисарая – ханом Сахиб Гиреем I (годы правления – 1532–1551). Мечеть неоднократно ремонтировали, перестраивали, что сказалось на изменении облика здания.

ещё пятнадцать по перевалу, прежде чем мы попадём в Ялту. Нижняя часть Бельбекской долины густо населена. Мы проезжаем мимо маленьких домиков, окружённых миленькими садами, мимо ферм, лугов и полей. Вскоре цивилизация заканчивается: более ни одной деревни, ни одной хижины. Мы оказываемся в лесу, в полной тишине. Дорога идёт в гору. В ста метрах выше от меня я вижу, как наше авто в сорок лошадиных сил легко преодолевает горные зигзаги и крутые повороты, а позади меня где-то со скоростью в пятнадцать километров в час плетётся багажный автомобиль. Почти на каждом повороте нас подстерегает выбоина, а сам поворот встречается через каждые сто метров. Наступает вечер, если всё будет идти таким образом, то по такой тяжёлой дороге мы доберёмся до Ялты только ночью! Подъём продолжается. У подножий деревьев замечаем кучки снега.

Наконец мы покидаем лес и подъезжаем к перевалу. И вдруг на повороте дороги перед нами возникает стена высотой в один метр! Наш мощный «Мерседес» бросается на прорыв и вскоре застревает в снегу. Что делать? Перед нами – около пятисот метров сплошного снега, а до Ялты всего лишь двадцать километров. Позади нас – страшная горная дорога в Севастополь протяженностью в сто километров. Да и в котором часу мы доберёмся до Севастополя, не имея во рту и маковой росинки? Но выбора нет, и вот глубокой ночью мы уже едем назад, следуя вдоль обрывов, подпрыгивая на каждой выбоине и приостанавливаясь через каждые сто метров перед очередным крутым виражом. Фары наших машин отбрасывают яркий дрожащий свет на окружающие нас пейзажи... Наконец мы попадаем на равнину. Ветер крепчает, по чёрному небу плывут тяжёлые облака. К одиннадцати часам ночи мы оказываемся на скалистом Малаховом кургане. Одна из шин внезапно лопается. В то время как механики заменяют колесо, мы расстилаем на земле тёплые шали и, голодные и усталые, ложимся на них, тесно прижавшись друг к другу. Посреди камней и редкой растительности Малахова кургана завывающий ветер напоминает о том, что когда-то здесь лежали ещё более усталые, чем мы, солдаты, усталые до такой степени, что жизнь навсегда покинула их. И это завывание ветра очень похоже на свист пуль и вой снарядов той эпохи...¹

19 апреля. Этим утром мы решили погулять по Севастополю. Во время прогулки я беру урок русского языка, пытаюсь расшифровать названия магазинных вывесок. Почему у русских такой сложный алфавит? Наверное, для того, чтобы запутать французов. Судите сами, русские заимствовали некоторые буквы латинского алфавита и произносят их совсем по-другому. Их буква *H* читается как наша *N*, а буква *P* обозначает нашу *R*!² И потом, в русском языке существуют большие различия в написании печатных и прописных букв. Поэтому считается серьёзным достижением, когда после нескольких недель пребывания в России иностранец может правильно прочесть названия магазинов. Что касается адреса, написанного от руки, то лучше всего просто отказаться от малейшей попытки прочесть этот ребус. Я до сих пор так и не научился писать по-русски своё имя. И ещё одно. Находясь в России на протяжении уже восьми дней, я обнаружил, что очень мало русских владеют французским языком и

¹Имеется в виду Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг.

²Анэ, кажется, не учёл, что русский алфавит произошёл от кириллицы старославянского языка, а кириллица восходит к греческому языку (не к латинскому).

что мнение, сложившееся во Франции на этот счёт, ошибочно. Те русские, которые говорят по-французски, чаще всего живут во Франции или довольно часто посещают наши бальнеологические курорты... Я утверждаю, что российские извозчики, рабочие, полицейские, крестьяне и пастухи не знакомы даже с азами нашего языка. Таким образом, те, кто хочет путешествовать по России на автомобиле, должны уметь говорить и читать по-русски. Нашим переводчиком является Эммануэль Бибеску. Что же касается нас самих, то с помощью жестов нам иногда удаётся и без знания языка решать некоторые мелкие бытовые вопросы. Главное – мы выучили волшебную фразу: «Stakan tchaiou, rojalousta!», произнеся которую даже в самой глухой деревеньке, перед нашим взором, как по мановению волшебной палочки, появляется стакан превосходного горячего напитка.

После обеда мы отправляемся в Ялту по южнобережной горной дороге протяжённостью восемьдесят километров. Наша первая остановка – монастырь Святого Георгия¹. Чтобы добраться туда, необходимо покинуть шоссе и по просёлочной дороге проехать около пятнадцати километров. Наши машины явно отвыкли от таких условий езды. Сопровождающий нас местный крестьянин сбился с пути, и мы налетели на бордюр огромной ямы. Для того, чтобы продолжить путь, некоторое время нам пришлось в качестве дорожных рабочих таскать камни и заполнять ими яму. Наши дамы мужественно работали наравне со всеми. Если в начале этой довольно авантюрной экспедиции я и испытывал некоторые опасения по поводу этих женщин, привыкших к неге и роскоши, то по ходу путешествия ваш покорный слуга абсолютно успокоился на этот счёт. Я видел в Бессарабии, как они не спали целыми ночами, как преодолевали все лишения с улыбкой на устах. Их жизнерадостность и хорошее настроение воодушевляли мужчин и гасили многие конфликты, частенько возникавшие во время длительной, утомительной экспедиции. Поэтому я рекомендую всем мужчинам обязательно брать с собой в путешествие молодых дам...

Монастырь Святого Георгия, возведённый на скалистом выступе высотой в триста метров, очень красиво нависает над морем. Длинноволосые монахи, живущие в нём, имеют все основания для того, чтобы денно и нощно возносить свои молитвы творцу, создавшему такой восхитительный вид.

Вернувшись на основную дорогу, мы продолжаем путь мимо прекрасных долин, волнистых курганов, белоснежных холмов и плодородных полей, орошаемых многочисленными речушками.

¹ Балаклавский монастырь Св. Георгия (Георгиевский или Свято-Георгиевский) – православный монастырь, расположенный между Мраморной балкой и мысом Фиолент. По легенде, он основан греческими мореплавателями в 891 г., чудом спасшимися от гибели во время бури у юго-западного берега Крыма. Пещерная церковь, построенная ими, посвящена Св. Георгию, в котором видели святого заступника и покровителя моряков. Большинство исследователей склонны считать, что монастырь основан в конце XIV – XV в. В XIX в. в нём обитали иеромонахи Черноморского флота; тогда были произведены значительные ремонтные и строительные работы, возведены новые храмы. В 1929 г. монастырь был закрыт. В 90-х гг. XX в. возрождён и ныне принадлежит православной церкви.

К пяти часам вечера наша экспедиция прибывает в Балаклаву. Мы попадаем в какой-то сказочно-миниатюрный городок: маленькие зелёные сады рядом с крошечными домиками, кружева холмов, украшенных остатками генуэзской башни¹ и окружающих что-то наподобие огромного озера с чистой голубой водой, подёрнутой рябью вечернего бриза; вдоль этого озера по всей его окружности следует низкая набережная, а в самом озере мирно дремлют гребные и парусные лодки².

На небольшом расстоянии от нас стоит самый настоящий миноносец с вымпелом на мачте и матросами, с большим интересом рассматривающими наши автомобили. Без сомнения, он именно из-за нас зашёл в эту бухту, и нам было очень приятно созерцать это судно. Мы подходим к концу набережной и замечаем узкий, бутылочный проход из Балаклавской бухты в открытое море. С двух сторон этот проход окружён высокой скалистой стеной. Вскоре мы продолжили свой путь, очарованные этой игрушечной зелёно-голубой Балаклавой, спрятавшейся посреди меловых холмов.

Удобно устроившись на комфортабельных сидениях авто, при свете заходящего солнца в прозрачном небе, мы наслаждаемся окружающими очаровательными пейзажами. Молодые дамы читают нам стихи Ронсара, Шенье, Виньи и Верлена, в которых воспеваются дальние загадочные страны³. Горы приобретают розовый оттенок заходящего солнца. Дорога зигзагами поднимается вверх. И вот мы уже достигаем перевала. После монастыря Святого Георгия нам пока ещё ни разу не встретился морской пейзаж.

Подъезжаем к широкой арке, перегораживающей дорогу. Это – знаменитые Байдарские ворота⁴. Как только мы пересекаем арку, перед нами открывается поразительная картина: слева и справа высются островерхие скалы, покрытые густой растительностью, в восьмидесяти метрах под нами ласково плещется синее море, впереди

¹ Генуэзская крепость Чембало (Цембало), основанная в 40-х гг. XIV в., находится на вершине и склонах горы Крепостной (бывшая Кастрон – *греч.* «крепость»), у входа в Балаклавскую бухту. Крепостной ансамбль состоял из двух городов-крепостей: верхнего города-крепости Св. Николая (внутренний узел обороны, административная часть колонии и резиденция консула Чембало) и нижнего города-крепости Св. Георгия (внешний узел обороны). Толщина оборонительных стен крепости достигала 2 м. Башни и стены украшали плиты с надписями и гербами. Летом 1475 г. крепость захватили турки, переименовали в Балаклаву, разместили в ней свой гарнизон и использовали как темницу. Турки покинули крепость в 1771 г. После присоединения Крыма к России Балаклаву заселили греки. На территории крепости разместился гарнизон, однако сама она уже не использовалась в военных целях. С начала 1990-х гг. здесь проводятся систематические археологические исследования и ремонтно-реставрационные работы.

² Это уникальная по своей конфигурации Балаклавская бухта.

³ Это известные французские поэты, писатели: Пьер де Ронсар (1524–1585); Андре Мари де Шенье (1762–1794); Альфред Виктор де Виньи (1797–1863); Поль Мари Верлен (1844–1896).

⁴ Байдарские ворота (Байдарский перевал, Байдар-Богаз) – горный перевал (высота 503 м над у. м.) на южной оконечности Байдарской долины, ведущий из Севастополя на Южный берег Крыма. Здесь в 1848 г. по проекту южнобережного архитектора Карла Ивановича Эшлимана была построена монументальная каменная арка – собственно ворота, задуманная автором в классическом стиле. Её возведение приурочено к окончанию постройки дороги, соединившей Севастополь с Ялтой.

на небольшом холме высятся пять золочёных куполов православной церкви¹, а у подножия циклопических скал цветут фруктовые деревья. Узкая козья тропа ведёт вниз, в маленькую приморскую деревню².

Солнце, заходя за горизонт, оставляет позади себя горы и море, покрытые синевато-розовым цветом. Здесь царит абсолютная тишина, и мы просто околдованы этим зрелищем. Слева из-за моря встаёт огромная красноватая луна. Она поднимается всё выше и выше, становится жёлтой, и вскоре на морской глади появляется бледно-золотой веер лунного света. Один только вид спуска вниз вызывает головокружение. Дорога следует спиралью с очень крутыми поворотами. Но у нас уже есть опыт езды по Бессарабии, поэтому мы ничего не боимся.

Ещё не изобрели такую дорогу, которая смогла бы остановить нашего бесстрашного и уверенного в себе Георгия Бибеску. В самом начале экспедиции я вручил ему самое ценное, что у меня есть, – свою жизнь. Он дал слово, что возвратит меня в Париж целым и невредимым. Так что это – его забота, пусть выкручивается сам, точка. Управляет ли он парусником, или держит в руках руль автомобиля, этот человек всегда мыслит в правильном направлении, принимает верное решение, рискует и побеждает.

Мне уже приходилось высоко и опасно подпрыгивать, находясь на заднем сидении. Но даже на высоте трёх метров я не испытывал ни малейшего страха, будучи убеждённым в том, что, несмотря ни на что, я обязательно снова приземлюсь на своё место. Именно так всё и происходило. После сотни колдобин и подпрыгиваний на них, когда ты невольно в течение нескольких секунд оказываешься в состоянии свободного полёта, уже перестаёшь обращать внимание на такого рода манеру передвижения, которая чем-то напоминает прыжок лягушки в сочетании с парением птицы. Крепко сжимая руль в руках, постоянно держа ноги рядом с тормозами, невозмутимый Бибеску вот уже двадцать два часа как неотрывно следит за дорогой. Я никогда и ни за что не променял бы такого механика на другого. И это доказывает тот факт, что автолюбитель часто бывает лучше любого профессионала...

Опустилась ночь. Очень любопытно наблюдать за тем, как на данной широте в это время года ночь наступает каждые тринадцать часов. Восемь дней назад такое явление весьма удивило нас, а сегодня мы к этому уже привыкли. Сейчас мы просто переходим в разряд ночных автомобилистов. Если кто-то предпочитает яркий утренний свет и палящее полуденное солнце, то мы выбираем для передвижения по Крыму в основном прохладную темень ночи, придающей любому, самому банальному пейзажу таинственный вид...

Наконец, за мысом показался маяк, затем засверкали портовые огни, ещё десять вёрст среди нескончаемых ароматно цветущих садов, и вот уже наша процессия въезжает на набережную Ялты. Как всегда, оставшись без ужина, мы умираем от голода!..

¹Анэ говорит о церкви Воскресения Христова, построенной в 1892 г. на высокой Красной скале владельцем форосского имения А. Г. Кузнецовым. Автор проекта – академик архитектуры Николай Михайлович Чагин. В работе над внутренней отделкой церкви трудились знаменитые мастера. В советское время форосская церковь использовалась не по назначению, ветшала. В 80-х – 90-х гг. XX в. храм реставрировался и ныне является действующим.

²Это деревня Форос (ныне пгт Форос).

20 апреля. Должен признаться, что не только красота города, но и недавние революционные волнения привлекли нас в Ялту. С тех пор как мы находимся в России, о волнениях и погромах в которой без устали трубят в зарубежной прессе, мы ещё ни разу не видели ни малейшей стычки и ни одного покушения на представителя власти. Ни один полицейский пока ещё не пожертвовал собой ради нашего спасения.

Безусловно, каждый из нас вооружён револьвером. Кроме того, в автомобиле припасены карабин и охотничье ружьё. Наши компаньонки носят на поясах маленькие острые кинжалы для защиты своих чести и достоинства. Правда, пока что эти кинжалы использовались только лишь для разрезания листов совершенно новенького экземпляра «Любви» Стендаля...¹ Что касается Эммануэля Бибеску, то он вооружён... пилочкой для ногтей. Надо признаться, что с самого начала путешествия наше оружие хранилось в автомобиле, так как револьвер очень тяжёл для постоянного ношения. Итак, будучи в Ялте, мы с жадностью ищем следы революционных беспорядков.

– Смотрите, вон там разбитая витрина!

– А вот сгоревший дом!

– Наконец-то!

Мы ведём себя, как самые кровожадные дикари. Нам рассказывают, что в течение сорока восьми часов Ялта находилась во власти бунтовщиков. Одна дама сообщила нам, что один из сожжённых домов принадлежал ей. При этом её рассказ сопровождался истерическим хохотом бедняжки.

– Наше пианино успели спасти, спустив его вниз на верёвках через окно. Оно так смешно болталось в воздухе!

Дама никак не может принять серьёзный вид, и меня удивляет, с какой лёгкостью она воспринимает свою трагедию. Один парикмахер-француз весь кипит от негодования по поводу того, что офицеры не отдали приказа солдатам стрелять в бунтовщиков...

Сегодня город выглядит абсолютно умиротворённым...

В курортной Ялте хозяйничает шумная корпорация татарских извозчиков. Их насчитывается около трехсот. Сейчас они выстроились со своими экипажами вдоль набережной. Шум неизвестных им автомобилей сильно пугает животных. Они встают на дыбы и кидаются в стороны. Настоящий хаос! Извозчики ругают нас самыми последними словами. Мы же со своей стороны терпеливо выжидаем, когда закончится поток этих непонятных нам и почему-то адресованных нашим родителям слов...

Не прошло и суток, как на имя губернатора Тавриды, брата знаменитого властного шефа Санкт-Петербургской полиции Трепова, валом повалили жалобы². Нас

¹ Произведение Стендаля (литературный псевдоним французского писателя Анри-Мари Бейля (1783–1842)) «О любви» (1822 г.) – психологическое эссе (иногда его называют трактатом).

² Владимир Фёдорович Трепов (1860 (1863) – 1918) – таврический губернатор в 1902–1905 гг.; с 1905 г. – сенатор, в 1908–1911 гг. – член Государственного Совета. Его брат – Дмитрий Фёдорович Трепов (1855–1906) – генерал-майор (с 1900 г.), московский обер-полицеймейстер (1896–1905 гг.), в январе 1905 г. назначен Санкт-Петербургским генерал-губернатором, в мае 1905 г. дополнительно к этому – товарищем министра внутренних дел, одновременно заведовал полицией и командовал отдельным корпусом жандармов.

лично посетил раздражённый начальник ялтинской полиции. Как только мы предъявили ему бумагу с печатью и подписью какого-то сановника, отношение к нам резко изменилось. Он учтиво поклонился и выразил уверения в своей глубочайшей преданности нам.

В этот же день мы узнали, что на недалеко расположенной вилле остановился на лечение Максим Горький. Я решил навестить знаменитого писателя. Один фармацевт снабдил меня нужным адресом, и я отправился в путь.

Мой автомобиль следует по дороге в Ливадию, затем въезжает в парк под названием Чукурлар¹; здесь, в стороне от пыльной дороги хаотично разбросаны дачи, фасадами обращённые к морю. Природа тут несколько диковата, что наряду с виноградниками и цветущими фруктовыми садами придаёт Южному берегу Крыма какой-то особый шарм. Здесь не растут саблевидные кактусы, блестящие пальмы, колючие алоэ и уродливые араукарии, увы, так успешно прижившиеся на французском Лазурном берегу.

Крайний дом, к которому ведёт извилистая аллея, представляет собой одноэтажную белоснежную виллу в итальянском стиле с террасой и плоской крышей. Стоящая у двери служанка не понимает ни одного слова по-французски. Я захожу в вестибюль. Навстречу мне выходит крепкий мужчина, одетый во всё чёрное. Это – Максим Горький. Проводив меня в небольшой салон, он сразу же быстрым шагом удаляется в соседнюю комнату. Помещение, в котором я нахожусь, имеет высокий потолок и чисто выбеленные стены. Горький возвращается в сопровождении своей жены. Я представляюсь хозяевам, говоря им, что сюда меня привели давнее восхищение талантом писателя и живая симпатия к его семье.

Госпожа Горький² очень хорошо говорит по-французски. Она немного стесняется меня, у неё нежный голос и очаровательное произношение. Горький говорит только по-русски, но благодаря посредничеству его жены между нами тремя завязывается довольно содержательная беседа. Как только писатель узнаёт, что я прибыл из Парижа, где вожу знакомства со многими французскими литераторами, произведения которых очень нравятся Горькому, его лицо сразу же светлеет. Он хочет высказать своё восхищение писателями, произведения которых читал только в переводе на русский язык. Больше всех ему нравятся представители натуралистической школы, прежде всего Флобер, Мопассан, братья Гонкуры, а также наши современники: Анатоль Франс, Пьер Лоти и Октав Мирбо³. Именно Мирбо потряс Горького до глубины души. Толстой уже давно выражал свой восторг перед творчеством этого француза.

¹Ландшафтный парк «Чукурлар» заложен во второй половине XIX в. недалеко от Ялты, на западном берегу Ялтинского залива. (Земли здесь принадлежали представителям дворянского рода Корсаковых.) Ныне это произведение садово-паркового искусства расположено в черте города Ялты, славится разнообразными видами растений, включая редкие и очень старые.

²Так Анэ называет Марию Фёдоровну Андрееву (урожд. Юрковская, в первом браке Желябужская; 1868–1953) – актрису московского Художественного театра, гражданскую жену А. М. Горького.

³Французские писатели: Гюстав Флобер (1821–1880); Ги де Мопассан (1850–1893); братья Эдмон де Гонкур (1822–1896) и Жюль де Гонкур (1830–1870); Анатоль Франс (Франсуа Анатоль Тибо; 1844–1924); Пьер Лоти (Жюльен Вио; 1850–1923); Октав Мирбо (1848–1917).

Самое страстное, трагическое и болезненное в его произведениях, таких как «Голгофа» и «Дневник горничной», – это яростная сатира на современное общество¹. Именно она завоевала сердца двух самых великих русских писателей нашего времени.

В то время как Горький говорит, я стараюсь хорошенько рассмотреть его. Он коренаст, строен и гибок. Одет во что-то наподобие свободно сидящей на нём чёрной суконной туники со стоячим воротничком и чёрные брюки из той же ткани, заправленные в мягкие сапоги. Носит украшенный серебром кожаный пояс. У него неровные черты измученного лица, широкие ноздри и ярко-голубые глаза, в которых читается сильная воля и решимость, глаза истрадавшего человека дела, который тратит себя всего, без остатка. Мощный лоб изрезан глубокими морщинами, светлые волосы зачёсаны назад, на подбородке – маленькая, редкая рыжая борода.

Он наклоняется к нам, чтобы прислушаться к нашей беседе. Как только мадам Горький переводит мужу мои слова о глубокой симпатии французов к нему в этот тяжёлый момент его жизни, напряжение на лице писателя спадает, взгляд смягчается, начинают блестеть глаза, а рот расплывается в счастливой, доверчивой улыбке человека большой доброты и душевной молодости.

Госпожа Горький рассказывает, как её муж был арестован в Риге, куда он приехал к своей заболевшей жене. Не дав ему и часа передышки, его увезли в Санкт-Петербург и поместили в Петропавловскую крепость². Там Горького обыскали и заставили полностью раздеться. Долгое время он оставался голым в холодной камере, стоя босыми ногами на каменном полу. Именно тогда у него появился сильный кашель, лечиться от которого он и приехал в Ялту. Горький не жаловался на тюремные условия. Главной пыткой было то, что ему запрещали переписываться с больной женой. Наконец писателя временно выпустили из тюрьмы.

Его самым большим преступлением явилось то, что он со своими друзьями делал всё возможное, чтобы избежать ужасной январской бойни. Накануне побоища, в пятницу и субботу, он безуспешно обивал пороги различных министерств, пытаясь образумить царских чиновников. Об этом известно всем. Затем он написал рассказ о трагических днях, а также на черновике составил воззвание³. Этот-то черновик и обнаружил полиция в доме у одного из друзей писателя. Данный призыв не был кем-либо подписан, напечатан или рукописно размножен. В сущности, у следствия нет никакой законной базы для преследования. Процесс должен состояться за закрытыми дверями, но дата его, судя по сообщениям прессы, пока не определена. Всё говорит о том, что никто не заинтересован в раскрытии этого дела...

¹Октав Мирбо (1848–1917) – автор романов, пьес, публицистических произведений. Его романы «Голгофа» (1886 г.) и «Дневник горничной» (1900 г.) переводились на русский язык и пользовались популярностью в России.

²Осуждение М. Горьким расстрела мирной демонстрации рабочих в Петербурге 9 января 1905 г. повлекло за собой арест писателя в Риге 11 января и заключение его в Петропавловскую крепость в Петербурге 12 января, где он находился в течение месяца и был выпущен только благодаря последовавшим за этим протестам в обществе. В правительственные учреждения шли письма, телеграммы. В Европе, США началось движение в защиту русского писателя.

³Воззвание «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств» М. Горький написал 9 января 1905 г., обвинив в нём министра внутренних дел и Николая II «в бессмысленном убийстве многих русских граждан».

Постепенно разговор заходит о биографии Горького. По этому поводу и во Франции, и в России написано много лжи. Говорят, что он родился в нищете. Неправда. Он познал нищету, самостоятельно выбрав для себя этот путь, а это совсем иное.

Горький родился в Нижнем Новгороде в небедной семье. Его дед – маляр-подрядчик на строительных работах – сам дал внуку начальное образование. Школу Максим Горький не посещал. Дед, желая, чтобы юноша пошёл по его стопам, обучил парня своей профессии. Но Горький восстал, он мечтал не о малярных работах, а о путешествиях по свету. Поэтому он и сбежал. Так началась полная приключений жизнь Максима Горького. Он плывал юнгой на пароходе, курсировавшем по Волге, работал помощником пекаря. Познал нищету, страдания обездоленных, жил среди тех, главной заботой которых было найти кусок хлеба на пропитание; он видел тяжёлую жизнь рабочих и крестьян, а также тех, кто находится на обочине жизни, «экс-человеков», как он их называл. Необходимость самому зарабатывать на жизнь, жажда перемен, желание увидеть новые края и условия жизни разных людей сделали из него странника, путешествовавшего по необъятным просторам России. Он несколько раз пересекал огромную территорию империи с севера на юг и с востока на запад, от лесистых финских берегов с затерянными озёрами, берёзами и соснами до прекрасных и суровых Кавказских гор. Да, он был бродягой, но он этого хотел. А ведь мог стать простым маляром, как его дед. Интересная деталь: для властей он так и остался «маляром и писателем», как это записано в обвинительном акте. Говорят, что Горький был неграмотен. Ложь. Молодой человек, где бы он ни был, всегда урывками по ночам читал произведения русских и зарубежных авторов.

– В то время мой муж был очень беден, – продолжает свой рассказ госпожа Горький: у него не было денег даже для того, чтобы купить себе свечей, поэтому он собирал консервные банки из-под сардин, заполнял их тем жиром, что был у него под рукой, и вставлял туда фитиль из шерсти. Эти убогие горелки стали причиной долгой и опасной болезни, которая чуть было не лишила юношу зрения.

Таким образом, мы видим, насколько реальность далека от мифов о неграмотности Горького... Он начал писать в двадцать два года. Сегодня ему тридцать шесть лет. Всего лишь тридцать шесть! Но усталость на его лице красноречиво говорит о годах глубоких страданий, выпавших на долю этого человека.

– Да, тридцать шесть лет, – подхватывает Горький, – во Франции человек такого возраста считается ещё молодым, тогда как в России...

С моих губ срывается провокационный вопрос:

– А каковы взаимоотношения между Горьким и Толстым?

Услышав имя Толстой, Горький посмотрел на меня долгим пристальным взглядом. Он испытывает безграничное восхищение перед творчеством Толстого. Это – самый великий русский писатель. Горький никогда не сможет объяснить словами, чем Толстой был для него в самые трудные периоды его жизни. Позже он сблизился с Толстым и полюбил его; их дружба была безграничной. Горький обожает Толстого-романиста. Но Толстой-апостол, освещающий революционные события в России, – это совсем другой человек! После январского побоища он отправил в газету «Таймс»

письмо, содержание которого огорчило очень многих друзей Толстого¹. Горький намеревался ответить на это письмо, но, учитывая их дружбу с Толстым, не захотел подливать масла в огонь разгоревшейся в прессе кампании критики великого писателя². Кстати, Горькому это стоило очень больших усилий. Госпожа Горький объясняет феномен Толстого:

– Видите ли, – говорит мне она, – Толстой – аристократ. Он родился в среде, которая всегда управляла страной. Он не знаком с жизнью простого народа, не чувствует его чаяний. Он не имеет никакого морального права выступать от имени народа и говорить то, чего сегодня Россия слышать уже не хочет. Мой муж вышел из народа, он его хорошо знает, желает ему помочь и на практике, по-земному делает своё дело.

(В это время я почувствовал, что задел моих собеседников за живое.)

Толстой борется за свою идеальную цель, которую стремится достичь какими-то мистическими средствами. Он хочет, чтобы всё человечество встало под знамёна христианской морали и путём духовного очищения, а также волевого решения отказалось от применения насилия. Для того, кто лицом к лицу общается с богом, не нужны такие понятия, как реальный прогресс экономического развития человечества, уважение личности, неприкосновенность частной жизни, равные права для всех, свобода совести, верховенство закона над силой, образование, доступное всем слоям общества, участие населения в решении общественных задач и т. д. А ведь Россия требует именно этого. Толстому, который не делает никакого различия между политическим и общественным строем Франции, с одной стороны, и России – с другой, Горький во весь голос заявляет: «Прежде всего мы требуем таких же свобод, как и во Франции. Вы проповедуете непротивление силе, а мы хотим конституцию и школы для всего народа!».

Между этими двумя людьми лежит целая пропасть. Горький осознаёт масштаб грандиозных задач, стоящих перед Россией, он видит неграмотность народных масс, страшную силу русской инертности, но вместо того, чтобы пасть духом перед этими трудностями, он наоборот считает их основной причиной для немедленных и активных действий. Ситуация в стране очень напряжённая. Война унесла жизни огромного количества людей, народ обнищал³. Возможно, этот революционный взрыв наконец-то принесёт какие-то положительные результаты.

¹Статья Л. Н. Толстого «Об общественном движении в России» появилась в английской газете «Таймс» в феврале 1905 г.

²Горький написал письмо Толстому, настойчиво называя его графом, тем самым чётко обозначив разделяющую их грань. Письмо жёсткое, прямолинейное, никаких компромиссов: «Вы называли несвоевременной и неразумной деятельность тех людей, которым невыносимо больно видеть русский народ голодным, бесправным, подавленным тяжестью насилий над ним»; «... человек, который во дни несчастья своей страны способен заниматься самосовершенствованием своей личности, произвёл бы на всех, кому дороги идеалы правды, красоты и свободы, – отвратительное впечатление бессердечного фарисея и ханжы» [16, с. 280, 282. № 151]. Однако Горький это письмо не отправил Толстому, о чём сообщил в письме к жене: «Написал было ругательское письмо Льву Николаевичу и едва не напечатал, но, когда его начала лягать всякая сволочь, – отложил это в сторону» [18, с. 153. № 185].

³Анэ говорит о Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Я сказал Горькому, что надеюсь в скором времени увидеть его в добром здравии во Франции. Он ответил, что пока ещё очень нужен здесь, в России. Я чувствую, как он нервничает, опасаясь потерять силы из-за своей болезни.

– Я не люблю Ялту, – говорит он, – там, на Кавказе, куда вы направляетесь, природа мощнее и красивее.

На рабочем столе жены Горького я заметил французские книги, среди которых очень любимый Горькими «Детский сад» Фрапье¹. Госпожа Горький постоянно держит мужа в курсе самых последних новинок французской литературы. В её доме – повсюду цветы. Я покидаю гостеприимную семью Горьких и навсегда сохраняю в своей памяти энергичное и тёплое рукопожатие известного писателя. Оборачиваясь назад, я замечаю стоящую у входа в дом рядом с крепким, волевым Горьким его хрупкую, деликатную, но очень сильную духом жену. Напротив моря, в окружении цветущих фруктовых деревьев я вижу тихую белоснежную виллу и думаю об этом большом человеке, за которым стоит жаждущая справедливости многострадальная Россия. Нет, я никогда не смогу забыть свой визит к Горькому в Чукурларский парк.

В тот же день, после обеда, пока механики приводили в порядок наши машины, мы решили прогуляться по паркам Массандры². Это место на Южном берегу Крыма особенно славится своей красотой и мягким климатом. Крымские горы высотой в полтора километра хорошо защищают Юго-восточное побережье от северных ветров. Они резко обрываются к морю, иногда – заваливая весь берег гигантскими валунами, иногда – оставляя у воды узкую полоску земли, где растут виноградники, фруктовые деревья и тёмные сосны с розовыми стволами. А там, вдали, среди гор, мы видим ниспадающую каскадом горную речку, несущую вниз растаявший снег вперемежку с землёй. Мощные скалистые горы, густые леса, раскинувшиеся у их подножия, россыпи деревьев на склонах холмов, тёплая весенняя атмосфера – всё это способствует тому, чтобы признать Крым одним из самых красивых уголков в мире.

21 апреля. Сегодня мы продолжаем исследовать Южный берег Крыма на своих автомобилях. Проезжаем восхитительные буковые, вязовые и сосновые леса, поляны, усеянные ландышем, подснежником и примулой. В воздухе стоит весенний аромат. По мере того как дорога поднимается в гору, перед нами открывается прекрасный вид на Ялтинский залив и многочисленные белоснежные виллы, утопающие в зелени

¹Леон Эжен Фрапье (1863–1947) – французский писатель, драматург, журналист. В 1904 г. его роман «Детский сад» был удостоен Гонкуровской премии – самой престижной литературной премии во Франции.

²Массандра – живописнейшее место Южного берега Крыма (ныне это восточная окраина Ялты), восхищавшее всех путешествовавших по полуострову. В 1828 г. массандровское имение приобрела графиня А. В. Браницкая и подарила своим внукам – Семёну и Софии, детям новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова и графини Е. К. Воронцовой (урожд. Браницкая). Именем занимался их отец. Обустройством парка, сада, виноградника было поручено мастерам, работавшим под руководством опытных садоводов – Н. А. Гартвиса и К. А. Кебаха. Сажены доставлялись из Никитского ботанического сада. В Нижней Массандре заложен английский парк с экзотическими растениями и множеством цветов, в особенности роз. В Средней Массандре произрастали виноградники, фруктовые деревья, табак. Отличительная особенность Верхней Массандры – леса и луга. Массандра всегда очень нравилась российским императорам и их семьям, и с 1889 г. она стала императорским владением – сначала Александра III, затем Николая II. С этого времени её парки ещё более преобразились благодаря труду талантливых садоводов.

садов. Хотелось бы подольше побыть здесь, под этим голубым небом, и насладиться радостями беспечной жизни. Но мы и так уже отстаём от графика нашего путешествия в Тегеран. И вообще, доедем ли мы когда-нибудь до цели нашей экспедиции?

Во время поездки по окрестностям Ялты в какой-то момент на дороге нам повстречались несколько повозок и крестьянских телег. Увы! Маленькие крестьяне и большие лошади ещё никогда в жизни не видели автомобилей. В результате, несмотря на наше экстренное торможение (во время всего путешествия мы не задавили ни одной курицы), лошадям вдруг сильно захотелось свободы, и они ринулись вперед вместе со своим тяжёлым грузом. Крестьяне разбежались в разные стороны, осыпая нас всевозможными проклятиями. Нам ничего не оставалось, как последовать за испуганными лошадьми.

В одной из деревень, когда мы ехали со скоростью восемь километров в час, один сумасшедший с большой дубинкой в руке вдруг запрыгнул на подножку автомобиля Леонида. «Неужели он собирается разmozжить голову сидящей рядом со мной княгине Бибеску, – подумал я». Нет, этот удар пришёлся по плечу другого человека (не будем называть его имени). Теперь к своему сумасшедшему мужу присоединяется его пьяная жена-мегера. Наконец-то кто-то из нас вытаскивает из своего кармана револьвер. При одном только виде оружия громила падает на обочину дороги. Мы увеличиваем скорость. Огромный булжжик, предназначенный для наших хрупких голов, ударяет о задник автомобиля. Неподальёку мы замечаем группу из двух десятков враждебно настроенных крестьян. Надо быстрее сматываться. Что мы и делаем...

Ливадия – это летняя императорская резиденция¹. Но в этом году государь по понятным причинам не покидает своё Царское село. Перед нами – большой парк, спускающийся к морю. Повсюду раскиданы павильоны для администрации, для императорской свиты, для духовенства и т. д. В двух подобных помещениях проживает сам император. В одном из этих строений скончался Александр III, в другом – в последние годы свой летний отдых проводит Николай II².

Маленькие комнатки, простая, скромная обстановка – так выглядит летний дворец, где дачник-император Всея Руси, обладатель огромного состояния, правит ста сорока миллионами своих подданных. Любой зажиточный лондонский лавочник имеет куда более шикарную виллу в районе Хэмпстед³.

¹Ливадийское имение куплено для царской семьи в 1860 г. Александр II подарил его супруге – императрице Марии Александровне. Первыми дворцами здесь были Большой (Марии Александровны) и Малый (построенный для будущего императора Александра III), до нашего времени не сохранившиеся. Здесь ещё при графе Л. С. Потоцком, хозяине имения в 1834–1860 гг., был заложен прекрасный ландшафтный парк с множеством местных и завезённых из-за границы видов растений. Его создатели – талантливые садоводы Э. Делингер, И. Ташер, К. Геккель. Парк украшали скульптуры, фонтаны. При новых владельцах – императорской семье – в парке появилось много новых деревьев, цветов. Ливадийское имение было признано одним из лучших на крымском Южном берегу.

²Александр III, император России в 1881–1894 гг., умер в Ливадийском дворце 20 октября (1 ноября) 1894 г. Царская резиденция в Ливадии перешла к последнему российскому императору – Николаю II (1894–1918 гг.).

³В прежние времена эта территория застраивалась загородными домами. Ныне Хэмпстед – район Лондона с парком и многими достопримечательностями.

Вблизи императорских павильонов на террасах растут гиацинты, тюльпаны, розы, камелии и другие виды цветов. Количество этих цветов приближается к количеству охраняющих резиденцию солдат. На каждом повороте аллея дежурит целый взвод, на полянах солдаты выполняют военные упражнения, некоторые отдыхают на ступеньках императорской лестницы. Цвет солдатской униформы хорошо гармонирует с зеленью парковой листвы. Всё, что мы наблюдаем, – совершенно секретно. Каждый наш шаг внимательно фиксируется сопровождающим нас адъютантом. Под его тревожным взглядом мы становимся похожими на группу робких школьников, которые, совершая экскурсию, держат руки в карманах и изредка тихим голосом переговариваются между собой...

В восемь часов вечера из Севастополя в Ялту прибывает пароход «Великий князь Борис». В первую очередь мы должны убедиться, что наш дополнительный багаж, состоящий из двадцати восьми больших и малых ящиков, оставленных под присмотром гостиничного портье в Севастополе, находится на корабле в целостности и сохранности. Это было одним из самых рискованных моментов нашей экспедиции. Итак, войдя в каюты, мы убеждаемся в том, что весь багаж пребывает в полном порядке. Приятная новость! Наконец в десять часов вечера, после очень сложных маневров по погрузке автомобилей, мы покидаем ялтинский порт, созерцая освещённые лунным светом мирно спящие белоснежные виллы...

Список литературы

1. Андреева М. Ф. Поездка в Крым. Знакомство с Горьким / М. Ф. Андреева // Андреева М. Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. – М.: Искусство, 1961. – С. 40–49.
Andreeva M. F. Pоеzdka v Krym. Znakomstvo s Gor'kim / M. F. Andreeva // Andreeva M. F. Perepiska. Vospominaniya. Stat'i. Dokumenty. – Moskva : Iskusstvo, 1961. – S. 40–49.
2. Анникова Г. Г. Ранний Горький во Франции : 1900–1905 / Г. Г. Анникова // Филологический сборник. – Алма-Ата, 1976. – Вып. 18. – С. 128–143.
Annikova G. G. Ranniy Gor'kiy vo Frantsii : 1900–1905 / G. G. Annikova // Filologicheskii sbornik. – Alma-Ata, 1976. – Vyp. 18. – S. 128–143.
3. Арабатская Ю. Я., Вихляев К. А. Парки Массандры : Прошлое и настоящее / Ю. Я. Арабатская, К. А. Вихляев. – Симферополь : Н. Орианда, 2014. – 57 с
Arabatskaya Yu. Ya., Vikhlyaev K. A. Parki Massandry : Proshloe i nastoyashchee / Yu. Ya. Arabatskaya, K. A. Vikhlyaev. – Simferopol' : N. Orianda, 2014. – 57 s.
4. Бурба Д. В. Крымские дороги графа Льва Толстого – офицера, писателя, мыслителя, человека / Д. В. Бурба. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 336 с
Burba D. V. Krymskie dorogi grafa L'va Tolstogo – ofitsera, pisatelya, myslitelya, cheloveka / D. V. Burba. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2011. – 336 s.
5. Быстрова Ю. М. Из истории русско-французских культурных связей в начале XX века : Популярность раннего творчества М. Горького во Франции / Ю. М. Быстрова // Вестник Саратовского государственного технического университета. – Саратов, 2007. – № 1 (21). – Вып. 1. – С. 228–233.
Bystrova Yu. M. Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazey v nachale XX veka: Populyarnost' rannego tvorchestva M. Gor'kogo vo Frantsii / Yu. M. Bystrova // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – Saratov, 2007. – № 1 (21). – Vyp. 1. – S. 228–233.
6. Быстрова Ю. М. Русско-французские культурные связи в конце XIX – начале XX в. : автореф. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2010. – 26 с.
Bystrova Yu. M. Russko-frantsuzskie kul'turnye svyazi v kontse XIX – nachale XX v. : avtoref. ... kand. ist. nauk. – Saratov, 2010. – 26 s.
7. Васильева Н. В., Брагина Т. А. Хозяева и гости дворянских имений Крыма / Н. В. Васильева, Т. А. Брагина. – М. : Глобус, 2002. – 232 с.

- Vasil'eva N. V., Bragina T. A. Khozyaeva i gosti dvoryanskikh imeniy Kryma / N. V. Vasil'eva, T. A. Bragina. – Moskva : Globus, 2002. – 232 s.
8. В-ий Г. [Вернадский Г.] Французская книга о русской революции / Г. В-ий [Г. Вернадский] // Таврический голос. – Симферополь, 1920. 28 января (10 февраля). – № 147 (297).
- V-iy G. [Vernadskiy G.] Frantsuzskaya kniga o russkoy revolyutsii / G. V-iy [G. Vernadskiy] // Tavricheskii golos. – Simferopol', 1920. 28 yanvarya (10 fevralya). – № 147 (297).
9. Вернадский Г. В. Французская книга о русской революции / Г. В. Вернадский // Филимонов С. Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): Поиски и находки источникововеда. – Симферополь : ЧерноморПресс, 2006. – С. 131–139.
- Vernadskiy G. V. Frantsuzskaya kniga o russkoy revolyutsii / G. V. Vernadskiy // Filimonov S. B. Intelligentsiya v Krymu (1917–1920) : Poiski i nakhodki istochnikoveda. – Simferopol' : ChernomorPress, 2006. – S. 131–139.
10. Вогюэ Э. М. Французская критика о Максиме Горьком / Э. М. Вогюэ / Пер. с франц. А. Пуцелло. – СПб. : Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1904. – 50 с.
- Vogyue E. M. Frantsuzskaya kritika o Maksime Gor'kom / E. M. Vogyue / Per. s frants. A. Putsello. – Sankt-Peterburg : Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1904. – 50 s.
11. Вуль Р. М. А. М. Горький в Крыму : Очерк жизни и творчества / Р. М. Вуль. – Симферополь : Крымиздат, 1961. – 108 с.
- Vul' R. M. A. M. Gor'kiy v Krymu : Ocherk zhizni i tvorchestva / R. M. Vul'. – Simferopol' : Krymizdat, 1961. – 108 s.
12. Выгон М. И. Крымские страницы жизни и творчества Л. Н. Толстого / М. И. Выгон. – Симферополь : Таврия, 1978. – 158 с.
- Vygon M. I. Krymskie stranitsy zhizni i tvorchestva L. N. Tolstogo / M. I. Vygon. – Simferopol' : Tavriya, 1978. – 158 s.
13. Галиченко А. А. Олеиз / А. А. Галиченко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2008. – 52 с.
- Galichenko A. A. Oleiz / A. A. Galichenko. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2008. – 52 s.
14. Галиченко А. А. Старинные усадьбы Крыма / А. А. Галиченко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2008. – 416 с.
- Galichenko A. A. Starinnye usad'by Kryma / A. A. Galichenko. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2008. – 416 s.
15. Горький – Л. Н. Толстому. 18 или 19 января 1900, Н. Новгород // Переписка М. Горького : В 2-х т. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 1. – С. 134. № 63.
- Gor'kiy – L. N. Tolstomu. 18 ili 19 yanvarya 1900, N. Novgorod // Perepiska M. Gor'kogo : V 2-kh t. – Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1986. – T. 1. – S. 134. № 63.
16. Горький – Л. Н. Толстому. 5 (18) марта 1905, Эдинбург // Переписка М. Горького : В 2-х т. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 1. – С. 279–283. № 151.
- Gor'kiy – L. N. Tolstomu. 5 (18) marta 1905, Edinburg // Perepiska M. Gor'kogo : V 2-kh t. – Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1986. – T. 1. – S. 279–283. № 151.
17. Горький – С. А. Венгеру. Июль, около 28 (август, около 10) 1908, Капри // Переписка М. Горького : В 2-х т. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 1. – С. 371. № 199.
- Gor'kiy – S. A. Vengerovu. Iyul', okolo 28 (avgust, okolo 10) 1908, Kapri // Perepiska M. Gor'kogo : V 2-kh t. – Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1986. – T. 1. – S. 371. № 199.
18. Горький – Е. П. Пешковой. 12 или 13 марта 1905 г., из Риги в Ялту // Горький А. М. Письма к Е. П. Пешковой: 1895–1906. (Архив А. М. Горького. – Т. 5.) – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1955. – С. 152–153. № 185.
- Gor'kiy – E. P. Peshkovoy. 12 ili 13 marta 1905 g., iz Rigi v Yaltu // Gor'kiy A. M. Pis'ma k E. P. Peshkovoy : 1895–1906. (Arkhir A. M. Gor'kogo. – T. 5.) – Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1955. – S. 152–153. № 185.
19. Горький – Е. П. Пешковой. 5 или 6 (18 или 19) ноября 1910, Капри // Переписка М. Горького : В 2-х т. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 1. – С. 425–427. № 228.
- Gor'kiy – E. P. Peshkovoy. 5 ili 6 (18 ili 19) noyabrya 1910, Kapri // Perepiska M. Gor'kogo : V 2-kh t. – Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1986. – T. 1. – S. 425–427. № 228.
20. Горький М. Материалы и исследования. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – Т. 2. – 484 с.

- Gor'kij M. Materialy i issledovanija. – Moskva ; Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936. – Т. 2. – 484 s.
21. Горький М. Лев Толстой / М. Горький // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников : В 2-х т. – М. : Художественная литература, 1978. – Т. 2. – С. 461–506.
- Gor'kij M. Lev Tolstoj / M. Gor'kij // L. N. Tolstoj v vospominanijah sovremennikov : V 2-kh t. – Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1978. – Т. 2. – С. 461–506.
22. Горький М. «Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.) / М. Горький. – М.: МСП «Интерконтакт», 1990. – 192 с.
- Gor'kij M. «Nesvoevremennye mysli» i rassuzhdenija o revoljucii i kul'ture (1917–1918 gg.) / M. Gor'kij. – Moskva : MSP «Interkontakt», 1990. – 192 s.
23. Дегтярёв П. А., Вуль Р. М. У литературной карты Крыма: Литературно-краеведческие очерки / П. А. Дегтярёв, Р. М. Вуль. – Симферополь : Крым, 1965. – 400 с.
- Degtjarjov P. A., Vul' R. M. U literaturnoj karty Kryma : Literaturno-kraevedcheskie ocherki / P. A. Degtjarjov, R. M. Vul'. – Simferopol' : Krym, 1965. – 400 s.
24. Кунцевская Г. Н. Благословенная Таврида : Крым глазами великих русских писателей / Г. Н. Кунцевская. – М. : б. и., 2011. – 392 с.
- Kuncevskaia G. N. Blagoslovennaja Tavrida : Krym glazami velikih russkikh pisatelej / G. N. Kuncevskaia. – Moskva : b. i., 2011. – 392 s.
25. Лев Толстой в Гаспре : Воспоминания и документы. – Симферополь : Крымская академия гуманитарных наук, 1998. – 70 с.
- Lev Tolstoj v Gaspri : Vospominanija i dokumenty. – Simferopol' : Krymskaja akademija gumanitarnyh nauk, 1998. – 70 s.
26. Никулин Л. В. <В доме Горького> / Л. В. Никулин // Максим Горький в воспоминаниях современников : В 2-х т. – М. : Художественная литература, 1981. – Т. 2. – С. 233–239.
- Nikulin L. V. <V dome Gor'kogo> / L. V. Nikulin // Maksim Gor'kij v vospominanijah sovremennikov : V 2-h t. – Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1981. – Т. 2. – С. 233–239.
27. Опульский А. И. Л. Н. Толстой в Крыму : Литературно-краеведческий очерк / А. И. Опульский. – Симферополь : Крымиздат, 1960. – 96 с.
- Opu'lskij A. I. L. N. Tolstoj v Krymu : Literaturno-kraevedcheskij ocherk / A. I. Opu'lskij. – Simferopol' : Krymizdat, 1960. – 96 s.
28. Шкапа И. С. Семь лет с Горьким : Воспоминания / И. С. Шкапа. – М. : Советский писатель, 1964. – 384 с.
- Shkapa I. S. Sem' let s Gor'kim : Vospominanija / I. S. Shkapa. – M. : Sovetskij pisatel', 1964. – 384 s.
29. Anet Claude. La Perseen automobile a travers la Russie et le Caucase / C. Anet. – Paris : Felix Juven, 1906. – 313 p.
30. Anet Claude. La Revolution russe : 4 vol. / C. Anet. – Paris : Payot, 1917–1919.
31. М. Anet Claude, notre envoyé spécial à Petrograd, arrêté puis relâché (Petrograd, 2 mai) [Г<осподин> Клод Анэ, наш специальный корреспондент в Петрограде, арестован, а затем отпущен на свободу. Петроград, 2 мая] // LePetitParisien. – Paris, 1918. 17 mai. – Р. 1. (Заметка опубликована под рубрикой «Большевицкий произвол».)
- M. Anet Claude, notre envoyé spécial à Petrograd, arrêté puis relâché (Petrograd, 2 mai) [G<осподин> Klod Anje, nash special'nyj korrespondent v Petrograde, arestovan, a zatem otpushhen na svobodu. Petrograd, 2 maja] // Le Petit Parisien. – Paris, 1918. 17 mai. – R. 1. (Zametka opublikovana pod rubrikoj «Bol'shevistskij proizvol».)

Petrova E. B. The Crimean voyage of the French writer Claude Anet. The year of 1905

Among the travel writings of the early XX century to the Crimea there is a book of the French writer Claude Anet (literary pseudonym of Jean Schopfer) – «The the Persia by car through Russia and the Caucasus» (Paris, 1906), that is subject of historical and literary interest. The author described his voyage performed in April-June of 1905 in the company of friends. Their stay in the Crimea fell on the 18-21 of April. During this time the travelers visited Sevastopol, Balaklava, Bakhchisaray, Yalta and Livadia. In Yalta Claude Anet met with Maxim Gorky and his civil wife, actress M. F. Andreeva. They talked about the revolutionary events of 1905, of L. N. Tolstoy and his work and worldview.

Keywords: travelers in the Crimea in the beginning of XX century, Claude Anet (Jean Shopfer), revolution of 1905, Maxim Gorky and M. F. Andreeva, L. N. Tolstoy.

УДК 86.38

ИСЛАМ И ДЖАХИЛИЯ: МОЛИТВА КАК МЕРА РИТУАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ

Спивак И. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация*

E-mail: lspivaq@mail.ru

Процесс религиозной самоидентификации представителей раннемусульманской общины, начавшийся с возникновением идеологического антагонизма между ними и мекканскими язычниками, требовал не только догматического, но и ритуального оформления. Анализ мусульманского предания позволяет сделать вывод, что первой отличительной чертой ритуальной практики мусульман стало совершение ими ежедневной обязательной молитвы. На основании свидетельств источников предпринята попытка сравнительного анализа ритуальной практики арабов язычников и мусульманской молитвы. В качестве критерия выделены два параметра – выбор времени и места совершения ритуальных действий.

Сделан вывод о беспрецедентном расширении сферы сакрального в ритуальной практике мусульман, по отношению к обрядам и ритуалам арабов эпохи джахилии. Выделены следующие формы почитания божеств в доисламской Аравии: установка и обход идолов, кровавые жертвоприношения, посвящение идолам части урожая, ритуальные возлияния, кормление идолов, многочисленные и разнообразные «дары», приносимые в наиболее почитаемые святилища, обривание головы перед идолами, паломничества к святилищам, посвящение языческим божествам животных, многочисленные индивидуальные стихотворные обращения к божествам, гадания по стрелам. Подавляющее большинство этих ритуальных действий совершалось в сакральных местах с четко очерченными границами. Ислам уничтожил границы сакральных мест, превратив всю Землю в место поклонения. Изучение мусульманского предания о происхождении временной регламентации ежедневного молитвенного цикла позволило прийти к выводу о том, что некоторые его элементы появляются в исламе после 622 г. К таким элементам, по мнению автора, следует отнести запрет на совершение молитвы в моменты восхода, захода и нахождения солнца в зените. Другим элементом этой группы является обязанность совершать молитву пять раз в день. Автором высказывается предположение о том, что такая регламентация ежедневного молитвенного цикла возникла после знакомства мусульман с ритуалами и практиками других религиозных общин, в частности, зороастрийцев и иудеев. Анализ источников позволил прийти к заключению о том, что основным временным циклом совершения ритуальных действий для арабов эпохи джахилии был не дневной, а годовой, с выделением запретных месяцев и паломничествами к различным святилищам. Изучение событийных контекстов, в которых происходили обращения арабов язычников к божествам вне рамок годового цикла, позволяет сделать вывод об их ситуативном характере. Источники не зафиксировали существования в доисламской Аравии сколь-нибудь устойчивого ежедневного ритуального цикла. Ислам, сохранив в измененном виде элементы годового ритуального цикла, такие как хадж, умра и запретные месяцы, дополнив их постом в месяце Рамадан и мусульманскими праздниками, перенес главный акцент в богочитании на каждый день, сделав его днем обязательного поклонения.

Ключевые слова: джахилия, жертвоприношение, ислам, Мекка, молитва, ритуальная практика, хадис.

Ислам, будучи самой молодой из мировых религий, формировался в условиях сложной и неоднородной религиозной ситуации. К VII веку на территории Аравийского полуострова достаточно прочные позиции занимали: иудаизм, христианство, исконное арабское язычество. Кроме того, источники зафиксировали присутствие

здесь членов секты сабиев, относительно которых в историографии высказывались как предположения об их принадлежности к кругу иудео-христианских гностиков [1, с. 201], так и мнения об их тождественности представителям движения монотеистов ханифов [2, с. 469]. Под именем «маджус» в Коране (XXII: 17 (17)) упомянуты и зороастрийцы, занимающие в тексте промежуточное положение между «людьми Писания» и язычниками [3]. Сложность ситуации усугублялась тем, что названные религиозные течения сами по себе были неоднородны, а их внутренняя жизнь характеризовалась непрекращающимся противостоянием различных течений и групп.

Возникший в такой обстановке ислам вынужден был, с одной стороны, вступать с ними в контакты, а с другой, успешно конкурировать. Первым шагом на этом пути для представителей раннемусульманской общины должно было стать определение своего положения по отношению к сосуществовавшим с ними религиозным общинам. Прежде всего, это касалось мекканских язычников. Последнее на практике означало осуществление ориентации относительно доктринальных и ритуальных особенностей вышеназванных конфессиональных групп. Прямым отражением процесса религиозной самоидентификации является история формирования мусульманской обрядности. Следует отметить, что в отечественной историографии неоднократно затрагивались проблемы, связанные с возникновением ритуальных установлений раннего ислама – запрет на употребление вина и запрет на вкушение свинины [4, с. 36–43]. Отмечались важные переломные моменты этого процесса, такие, например, как перемена киблы – ориентации совершающих молитву мусульман с Иерусалима на Мекку [5, с. 105–106]. Вместе с тем, гораздо реже в поле зрения исследователей оказывались вопросы, связанные с возникновением дневного ритуального цикла в исламе, состоящего из пяти обязательных молитв, и имеющего, по крайней мере со времени совершения Мухаммадом хиджры, в качестве внешнего признака словесный призыв к молитве. В этой связи, представляется актуальным попытаться восполнить этот пробел, что могло бы позволить, в свою очередь, более детально реконструировать процесс религиозной самоидентификации раннемусульманской общины. Анализ истории формирования ежедневного ритуального цикла в исламе через призму процесса религиозной самоидентификации предполагает, прежде всего, рассмотрение вопроса об отличиях языческой ритуальной практики от мусульманской молитвы. В рамках данной статьи мы остановимся только на двух, на первый взгляд, внешних, отличительных признаках – выборе места и времени совершения ритуальных действий. Основным источником наших знаний в этом вопросе является мусульманское предание.

Следует отметить, что в оценке мусульманского предания как достоверного исторического источника, в исламоведении сложились два диаметрально противоположных подхода – гиперкритический и позитивный [6, с. 85–108; 7]. Тем не менее, когда речь идет о ритуальных установлениях, существование которых не подлежит сомнению для времени жизни Мухаммада, сообщения литературы хадисов, с известной осторожностью, могут рассматриваться как «действительно отражающие реальные события и ситуации эпохи зарождения ислама» [8, с. 263]. Представляется целесообразным использовать, прежде всего, сообщения, содержащиеся в наиболее авторитетных для мусульманского мира сборниках хадисов – «ал-Джами ас-Сахих»

Мухаммада б. Исмаила Абу Абдаллаха ал-Джуфи ал-Бухари и «Сахих» Абу ал-Хусайна Муслима б. ал-Хаджжаджа б. Муслима ал-Кушайри ан-Найсабури [9; 10]. Кроме собственно сборников хадисов, к анализу следует привлечь основанное на них «Жизнеописание пророка Мухаммада» Абд ал-Малика б. Хишама ал-Химйари [11]. Для верной оценки ритуальной дистанции, которая возникла между мусульманами и аравийскими язычниками после появления в исламе дневного ритуального цикла, большое значение имеют источники по языческой ритуальной практике в Аравии, среди которых следует выделить «Книгу об идолах» Абу-л-Мунзира Хишама б. Мухаммада б. ас-Саиба ал-Калби [12].

Очевидно, что первой конфессиональной группой, относительно которой была осуществлена догматическая и ритуальная ориентация формирующейся мусульманской общины, стало языческое население Мекки. Следует признать, что процесс этот окончательно завершился к моменту совершения Мухаммадом хиджры и, следовательно, датируется временным отрезком между 610–622 гг. Аргументом в пользу того, что для формирования антагонизма между рождающимся исламом и аравийским язычеством потребовалось определенное время, является широко известный случай с так называемыми «сатанинскими стихами» [13, с. 134–146]. В указанном временном промежутке, в свою очередь, следует искать и начало ритуального обособления руководимой Мухаммадом общины от джахилийских ритуалов и обычаев населения Мекки. Вероятно, первым ритуальным нововведением стала обязательная для мусульман ежедневная молитва. По сообщениям Хишама ал-Калби, в культовой практике арабов-язычников отсутствовал какой-либо регламентированный дневной цикл обязательных ритуальных действий. Действительно, как следует из текста «Книги об идолах», в доисламской Аравии получили распространение следующие формы религиозного почитания: установка и обход идолов; кровавые жертвоприношения; посвящение идолам части урожая; ритуальные возлияния; кормление идолов; многочисленные и разнообразные «дары», приносимые в наиболее почитаемые святилища; обривание головы перед идолами; паломничества к святилищам; посвящение языческим божествам животных; многочисленные индивидуальные прозаические и стихотворные обращения к божествам [12, с. 14–38]. Мусульманская традиция в лице Ибн Хишама настаивает на том, что обязанность ежедневной молитвы была «возложена» на пророка впервые, когда он находился в Мекке, а непосредственным его наставником стал Джибрил. «Ибн Исхак сказал: «Рассказал мне Салих ибн Кайсан со слов Урвы ибн аз-Зубайра, передавшего слова Аиши, которая рассказывала: «На Посланника Аллаха была возложена обязанность совершать молитву. Первое, что было предписано ему, это совершение два раза по два колена-преклонения во время каждой молитвы. Потом Аллах предписал в оседлой жизни совершать четыре раката, а во время путешествия – как первое предписание – два раката. Рассказали мне некоторые ученые, что когда было предписано совершение молитвы, к Посланнику Аллаха пришел Джабраиль. Пророк был на северной стороне Мекки. Джабраиль ударил пяткой в сторону долины, и оттуда забил источник. Джабраиль совершил омовение, а Пророк смотрел на него, чтобы увидеть, как нужно очиститься для совершения молитвы. Потом совершил омовение и Пророк, подобно тому, как совершил омовение Джабраиль. Потом встал Джабраиль рядом с ним и

совершил молитву, показывая, как нужно ее совершать. А Пророк повторил за ним. Потом Джабраиль ушел» [11, с. 72]. Анализ хадисов, посвященных введению обязательной молитвы, показывает, что такие детали как порядок омовения, количество ракаатов в молитвах, возможность объединения молитв – устоялись далеко не сразу [7, с. 100–104, 106–110]. Окончательная унификация элементов молитвы была произведена и письменно зафиксирована Мухаммадом аш-Шайбани (ум. в 805 г.) [14, с. 204]. Вместе с тем и сегодня существуют некоторые разночтения относительно элементов обязательных молитв у представителей различных мазхабов [15]. Несмотря на это, хронологическим маркером в данном случае может служить то, что введение ежедневных обязательных молитв в ритуальную практику ислама нашло свое отражение в тексте Корана: «Хвала же Аллаху, когда застигает вас вечер и когда застигает утро! Ему хвала и в небесах, и на земле, и вечером, и когда вас застигает полдень» (XXX: 16 (17)–17 (18)) [3]. Более того, рассказ Ибн Хишама о «первой крови, пролитой в исламе» подтверждает тот факт, что ежедневные молитвы, для совершения которых «сподвижники пророка уходили в горные ущелья и молились втайне от людей своего племени», не имели аналогов среди ритуалов язычников Мекки. «Однажды, когда Саад ибн Абу Ваккас был в числе сподвижников Посланника Аллаха и они молились в одном из горных ущелий Мекки, их обнаружила группа язычников, которые стали осуждать их, поносить за то, что они делают, и даже стали с ними драться. Тогда Саад ибн Абу Ваккас ударил одного из язычников челюстью верблюда и ранил его до крови. Это была первая кровь, пролитая в исламе» [11, с. 76]. Очевидно, что необходимость скрываться от мекканских язычников при совершении молитвы, а также реакция последних при обнаружении молящихся мусульман, наглядно свидетельствуют в пользу того, что молитва была для язычников новшеством, отличительным признаком мусульманской общины. Такое положение сохранялось и позднее. Показательна в этом отношении одна из версий рассказа об истории резни, устроенной Халидом б. ал-Валидом в племени бану джажима, люди которого заверили его, что уже отреклись от язычества, когда в качестве оправдания своим действиям, он сослался на то, что «выжидал полдня, не нападая, пока не убедился, что джажимиты не возглашают призыва на молитву, и лишь после этого атаковал их» [5, с. 163]. Важность сообщения, в данном случае, заключается не в его достоверности, а в том, что с точки зрения его автора невыполнение джажимитами обязательной молитвы автоматически выводило их из ислама. Рассказывая о первых мусульманах Ибн Хишам подчеркивает, что принятие ими ислама было неразрывно связано с совершением молитвы. «Он (*Абу Бакр – И. С.*) начал призывать к Аллаху и к Исламу тех, кому он доверял из своего народа... Когда они согласились, он привел их к Посланнику Аллаха. И они приняли ислам, стали совершать молитву... Ибн Исхак сказал: Эти восемь человек первыми приняли ислам, стали молиться, поверили в Посланника Аллаха и его пророчество» [11, с. 75].

Поскольку, по нашему мнению, именно молитва впервые определила ритуальную дистанцию между исламом и язычеством, закономерен вопрос о ее отличительных особенностях по отношению к ритуальной практике язычников. Первое бросающееся в глаза различие связано с обстоятельствами места совершения ритуальных

действий. Действительно, дошедшие до нас источники указывают на то, что для совершения ритуальных действий аравийским язычникам необходимо было особое «сакральное пространство». Сакральным его делало чаще всего то, что на его территории располагались идолы, посвященные им камни, различного рода сакральные объекты [12]. В литературе высказывалась точка зрения о передвижных святилищах у арабов-язычников, позволявших, при необходимости, подвергнуть сакрализации любую территорию [16]. Хишам ал-Калби донес до нас по крайней мере два свидетельства существования обряда сакрализации пространства в языческой Аравии. «К поклонению истуканам и камням их (*потомков Исмаила – И. С.*) привело то, что никто не покидал Мекки, не взяв с собой камня из Святилища из-за почтения к этому Святилищу и привязанности к Мекке. И где бы они ни селились, они ставили этот камень и обходили вокруг него, как обходили вокруг Каабы, желая снискать этим ее милость и из-за привязанности и любви к Святилищу» [12, с. 14]. Как видно, в данном случае интересующий нас обряд описан через призму исламской концепции «изначального монотеизма» потомков Исмаила. Другое сообщение ал-Калби лежит вне рамок этой концепции: «Когда человек был в пути и делал привал, он брал четыре камня, выбирал из них самый красивый и делал его своим Богом, а из остальных трех делал подставку для котла. Когда же он отправлялся в путь, то оставлял его. А когда делал следующий привал, поступал так же» [12, с. 26–27]. Таким образом, установка камня (сакрального объекта) в том или ином месте делала это место сакральным, а обход вокруг него позволял очертить границы сакральной территории.

Еще одним местом совершения ритуальных действий язычниками являлись могилы, на которых они совершали жертвоприношения. По сообщению Мухаммада б. Абд ал-Карима аш-Шахрагани: «Некто из арабов, находясь при смерти, говорил своим детям: “Похороните со мной мое верховое животное, чтобы я отправился на нем на Собор. Если же вы не сделаете этого, то я должен буду идти на Собор на своих ногах”» [17, с. 40]. Сведения источников о ритуальной практике аравийских язычников в целом подтверждают то, что «любая кратофания или иерофания преобразует место, где происходит, и оно, до того простое, пустое, ничего не значившее – профанное, становится священным... Что бы из себя ни представляли эти священные пространства, у них есть одна общая черта – четкие границы, внутри которых можно соприкоснуться (хотя и во множестве различных форм) со священным» [18, с. 337–338].

Обстоятельства выбора места для совершения мусульманской молитвы коренным образом отличаются от описанного выше. В соответствии с коранической доктриной творения (LVI: 57 (57)–72 (73)) [3] для нее подходит любое ритуально чистое место. Под ритуально нечистыми местами в данном случае понимаются: свалки, бойни, обочины дороги, места водопоя верблюдов, умывальные комнаты [15, с. 164]. Показательны в этом отношении хадисы, которые приводит Муслим: «Передают, что Абу Зарр сказал: “Однажды я спросил: “О посланник Аллаха, какая мечеть была построена на земле первой?” Он ответил: “Запретная мечеть”. Я спросил: “А после нее?” Он ответил: “Отдаленнейшая мечеть”. Я спросил: “А сколько лет прошло между возведением той и другой?” Он ответил: “Сорок лет”, после чего сказал: “Где бы ни застало тебя время молитвы, молись, ибо это место и будет для тебя мечетью”»

№ (238) [10, с. 153–154]. «Передают со слов Абу Хурайры, что посланник Аллаха сказал: “Мне было отдано предпочтение перед другими пророками в шести отношениях... вся земля была сделана для меня местом совершения молитв и средством очищения...”» (260) [10, с. 164–165]. Об этом же говорят хадисы, приведенные в «Сахихе» ал-Бухари: «Посланник Аллаха любил молиться там, где его заставляло время молитвы, и в такие моменты молился даже в загонах для овец» (264 (428)) [9, с. 124]. Все имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют о том, что такой принцип при выборе места совершения молитвы был установлен при жизни Мухаммада после введения обязательных ежедневных молитв [9; 10; 11].

Следует отметить, что целая группа хадисов в мусульманском предании посвящена запрету на совершение молитв среди могил. «Передают со слов Аиши и Абдуллаха бин Аббаса, да будет доволен ими Аллах, что перед самой смертью посланник Аллаха стал накидывать на лицо покрывало, а когда ему стало трудно дышать, он убрал его с лица и сказал: “Да проклянет Аллах тех иудеев и христиан, которые превратили могилы своих пророков в места для совершения молитв!”» (268 (435, 436)) [9, с. 125]. Аналогичный хадис содержится и в сборнике Муслима (258) [10, с. 164]. Противопоставление мусульман христианам и иудеям свидетельствует в пользу более позднего, во всяком случае относящегося ко времени после хиджры, происхождения этих установлений. Об этом же говорит и упоминание в одном из хадисов церкви, расписанной различными изображениями, которую видели сподвижники Мухаммада в Эфиопии, по поводу которой, согласно тексту предания, было сказано: «Когда какой-нибудь праведный человек из них умирал, они строили над его могилой храм для поклонения и расписывали его такими изображениями» (259) [10, с. 164]. Известно, что возвращение мусульман из Эфиопии растянулось на длительный период в четыре года – от сражения при Бадре (624 г.) до победы в Хайбаре (628 г.) [5, с. 150]. Очевидно, что и погребальная обрядность в исламе не могла сложиться в окончательном виде уже в мекканский период жизни и деятельности Мухаммада. Вероятно, предписания, осуждающие обычаи эпохи джахилии, связанные с погребальными обрядами, также должны относиться к периоду после хиджры. К ним, например, следует отнести запрет на чрезмерное проявление траура по покойному: «Передают со слов Абдуллаха ибн Масуда, что посланник Аллаха сказал: “Не относятся к нам люди, бьющие себя по щекам, или разрывающие на себе рубахи, или взывающие к Аллаху так, как это делалось во времена джахилии”» (469) [10, с. 260]. Запрет садиться на могилы и молиться, обращаясь лицами к могилам (504) [10, с. 274]. Учитывая сказанное, можно заключить, что ритуальный разрыв с язычеством, возникший с введением ежедневной обязательной молитвы, для мусульман базировался прежде всего и на новой модели сакрального пространства, характерной для авраамических религий. В этой модели были разрушены почти все, за исключением Мекки, границы сакральных мест, а вся земля стала местом пригодным для молитвы.

Другое, не менее важное отличие, связано с обстоятельствами времени совершения ритуальных действий. На первый взгляд, анализ достаточно большой группы хадисов, регламентирующих время совершения обязательных молитв в исламе, за-

ставляет усомниться в том, что целью этой регламентации является ритуальное дистанцирование мусульман от аравийских язычников. Так, например, обращают на себя внимание хадисы, сообщающие о том времени суток, в которое совершение молитвы для мусульманина запретно – ал-Бухари (338 (581)–341 (587)) [9, с. 150]. Наиболее показательным в этом отношении является следующий хадис: «Передают, что Улейя ибн Рабах сказал: “Я слышал, как Укба ибн амир аль-Джухани сказал: “Посланник Аллаха запрещал нам молиться и хоронить наших покойников в трех случаях: во время восхода солнца, пока оно не поднималось на высоту копья, в полдень, пока солнце не начинало клониться к закату, и незадолго до захода солнца, пока оно не заходило”» (222) [10, с. 148]. Такая временная регламентация дневного ритуального цикла является неслучайной. Молитва, совершенная в запретное время, не только является недействительной, но и относится к разряду греховных деяний. Один из хадисов, приводимый Муслимом, с упоминанием «рогов шайтана», по нашему мнению, позволяет ответить на вопрос о причине такого положения: «Время утренней молитвы продолжается от первых проблесков зари до тех пор, пока не покажется солнце. Когда же солнце покажется над горизонтом, воздержись от молитвы, ибо оно восходит меж двух краев головы шайтана» (208) [10, с. 142]. Приведенный хадис позволяет предположить, что в глазах первого поколения мусульман молящийся в запретное время осуществляет акт поклонения не Аллаху, но солнцу (шайтану). Вероятно, что такое понимание сути запретного для молитв времени могло возникнуть только под влиянием ситуации, в которой мусульмане познакомились с религиозной практикой той общины, для которой молитвы в указанное время были ритуальной нормой. Поклонение солнцу среди представителей конфессиональных групп, упомянутых в тексте Корана, характерно для зороастрийцев. Следует отметить, что традиционным временем для трех (из пяти) суточных зороастрийских молитв являются: восход, полдень и закат [19, с. 59–60]. В известном зороастрийском сочинении Дадастан-и меног-и храд «Суждения Духа разума», написанном, вероятно, при последних Сасанидах [20, с. 11], содержится характерное наставление о том, как следует почитать богов. «Спросил мудрец у Духа разума: “Как надо молиться и восхвалять богов?” Дух разума ответил: “Каждый день три раза (надо) вставать напротив солнца и Михра, так как они движутся вместе. И также надо молиться и восхвалять луну, огонь Вахрама или огонь алтаря на рассвете, в полдень и вечером, и (надо) быть (им) благодарным”» (57) [21, с. 115–116]. О необходимости поклоняться солнцу говорится и в других зороастрийских текстах [22, с. 204–205]. Познакомиться с зороастрийской ритуальной практикой в деталях мусульмане могли в Медине, после того, как был выкуплен из рабства принявший ислам Сальман ал-Фариси. Ибн Хишам приводит следующие сведения из рассказа Сальмана ал-Фариси о себе: «Я был персом из района Исфагана, жителем деревни под названием Джай. Мой отец был главой этой деревни... Я стал усердно заниматься религией огнепоклонников и стал хранителем огня, который зажигали, не давая ему гаснуть даже на час» [11, с. 61]. Таким образом, следует признать, что запрет на совершение молитв в определенное время суток возник в исламе позднее, чем ритуально оформился антагонизм с языческим населением Хиджаза, и связан он был с необходимостью ритуального дистанцирования от представителей зороастрийской общины.

Анализ предания о предписаниях совершать молитву пять раз в день в определенное время показывает, что они также не были связаны с ритуальным обособлением мусульман от арабов язычников. Прежде всего, необходимо учесть тот факт, что пятикратный дневной молитвенный цикл формировался в исламе на протяжении некоторого времени. Так, например, четвертая молитва в середине дня была введена во время пребывания Мухаммада в Йасрибе, то есть уже после оформления ритуального разрыва с мекканскими язычниками [5, с. 104]. Детали рассказа о ночном путешествии и вознесении Мухаммада (ал-Исра ва-л-Мирадж), в результате которого, как это утвердилось в мусульманском предании, и было получено повеление совершать пять ежедневных молитв, также свидетельствуют, по нашему мнению, в пользу его более позднего, чем мекканский период, введения в ритуальную практику. К таким деталям следует отнести, во-первых, то, что в рассказе выделены два сакральных центра – Мекка и Иерусалим. Во-вторых, «путешествие» Мухаммад совершает верхом на Бураке – «верховое животное, на котором до него возили пророков...» [11, с. 122]. Далее, достигнув Иерусалима, Мухаммад «нашел там Ибрахима, Мусу, Ису в числе группы пророков, которые были собраны для него», на шестом небе Мухаммад встречает Мусу, а на седьмом Ибрахима [11, с. 122, 128]. Наконец, сокращение числа обязательных ежедневных молитв с пятидесяти до пяти связано с советами, которые дает Мухаммаду Муса: «Я стал возвращаться. Когда проходил мимо Мусы сына Имрана (а каким хорошим приятелем был он для вас) он спросил меня: “Сколько молитв возложил на тебя?” Я сказал: “Пятьдесят молитв каждый день”. Он сказал: “Молитва тяжела, а народ твой слаб. Вернись к Господу своему и попроси его уменьшить ее для тебя и для твоего народа”» [11, с. 128]. Таким образом, все повествование пронизано авраамическими деталями и, надо думать, в качестве адресата предполагает носителей авраамического же мировоззрения, в данном случае – мусульман и иудеев. Вероятно, количество обязательных ежедневных молитв в исламе и время их совершения является маркером ритуальной дистанции между мусульманами и иудеями. Как известно, в иудаизме обычный ежедневный богослужебный цикл состоит из трех служб: Шахарит – совершаемая утром; полуденная – Минхна; Маарив – вечерняя [23, с. 541]. Такой порядок связан с тем, что после разрушения Храма в 70 г., молитвы в иудаизме пришли на смену храмовым жертвоприношениям [24, с. 227]. Это положение было закреплено в тексте Талмуда: «Время утренней тефиллы – до полудня [р. Иуда говорит – до четырех часов (10 ч. утра)]. Время тефиллы минхи – до вечера [по р. Иуде – до полуминхи]. Вечерняя тефилла не имеет установленного срока, а тефиллу “мусаф” можно читать весь день [р. Иуда говорит до семи часов]» (Берахот, IV:1) [25, с. 12]. Обращает на себя внимание тот факт, что повествование Ибн Хишама, с одной стороны, проникнуто духом превосходства мусульманской общины над иудеями, а, с другой, не содержит традиционных для мусульманского предания обвинений в адрес иудеев. В этой связи выскажем предположение о том, что рассказ о ночном путешествии и вознесении Мухаммада отражает ситуацию, которая сложилась после совершения хиджры, но до изменения киблы с Иерусалима на Каабу, то есть в первые 16–17 месяцев пребывания Мухаммада в Йасрибе.

Если ритуальная дистанция между мусульманами и язычниками в том, что касается времени совершения ритуальных действий, связана не с количеством молитв и не с запретом совершать молитву в моменты нахождения солнца в определенном положении, то в чем она выражена? Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет заключить, что в религиозной практике арабов эпохи джахилии ведущим был не дневной, но годовой ритуальный цикл. Основными элементами этого цикла были ежегодные паломничества и выделение запретных месяцев. Абд ал-Карим аш-Шахрастани, подводя итог описанию ритуальной практики арабов джахилии в описании Хишама ал-Калби, сообщает: «Они посещали Храм, совершали обряды паломничества и устанавливали запреты... Они приводили (в Макку) жертвенных животных, бросали камешки, объявляли заповедными священные месяцы, во время которых они не совершали набегов и не сражались... Курайшиты называли войну, которая была между ними и другими родами “годом беззакония” именно потому, что она была в священные месяцы...» [17, с. 43]. Практика выделения запретных месяцев нашла свое отражение и в кораническом тексте: «Поистине, число месяцев у Аллаха – двенадцать месяцев в писании Аллаха в тот день, как Он сотворил небеса и землю. Из них – четыре запретных, это стойкая религия...» (IX: 36 (36)) [3]. Перечень запретных месяцев у арабов язычников приводит Абу Рейхан ал-Бируни в «Памятниках минувших поколений»: «Аль-Мухаррам получил такое название потому, что четыре месяца из их месяцев являются запретными: один одинокий, и это – Раджаб, и три последовательных, а именно: Зу-ль-Каада, Зу-ль Хиджже и Мухаррам. В эти месяцы арабы объявляли запретной войну» [26, с. 368]. Кроме этих месяцев, арабы до ислама выделяли месяц Рамадан: «Накануне ислама в Мекке существовала традиция посвящать Рамадан благочестивым делам (таханнус)» [27, с. 197]. Абу Рейхан ал-Бируни относительно почитания Рамадана арабами язычниками кратко замечает: «Далее наступал Рамадан, когда начиналась жара и земля обжигала ноги. Арабы почитали этот месяц в эпоху неведения» [26, с. 369]. Наряду с запретом на пролитие крови и ведения войны в определенные месяцы лунно-солнечного календаря, арабы эпохи джахилии совершали ежегодные паломничества к святыням, в том числе, к Каабе: «Но у них все же осталась память о заветах Ибрахима и Исмаила, которые они исполняли: почитание Дома, обход вокруг него, хаджж и умра, стояние на горе Арафа и в Муздалифе, принесение в жертву верблюдиц и громкие обращения к богу во время хаджжа и умры...» [12, с. 15]. Определение границ сакральных отрезков времени в годовом лунно-солнечном цикле было возложено на специальных людей из племени Бену Кинана: «...на “каламмасов” из племени Бену Кинана была возложена обязанность по завершении паломничества читать на ярмарке проповедь и производить вставку месяцев, называя следующий вставной месяц именем текущего месяца» [26, с. 79]. Содержание годового цикла обязательных ритуальных действий в языческой Аравии не ограничивалось совершением паломничества к святыням и выделением запретных месяцев. В разных областях полуострова, у разных племен существовали свои местные традиции. В этой связи обращает на себя внимание рассказ Ибн Хишама о почитании пальмы жителями Наджрана. «А жители Наджрана тогда придерживались веры арабов и поклонялись высокой пальме, которая росла у них на земле. Каждый год справляли праздник в ее честь. Во время этого

праздника развешивали на нее все лучшие одеяния, которые только находили, и женские украшения. Затем выходили к ней и посвящали ей целый день» [11, с. 18].

О существовании или отсутствии какого-либо устойчивого и регламентированного цикла обязательных ежедневных ритуальных действий у арабов-язычников можно судить, проанализировав сообщения источников о наиболее распространенных в доисламской среде формах религиозных практик. Первая группа сообщений, которые можно выделить в этом ряду, сообщения о случаях обращения к идолам, оракулам и кахинам за предсказаниями и ответами на различные затруднительные вопросы. Хишам ал-Калби, рассказывая о культе Хубала, пишет: «Он находился внутри Каабы. Перед ним лежало семь стрел. На одной было написано “чистокровный”, на другой – “чужой”. Когда сомневались относительно отца ребенка, приносили Хубалу жертву, затем бросали стрелы. . . Была стрела для покойника, для заключения брака и три стрелы, назначения которых мне не объяснили. Когда спорили по какому-нибудь делу или имели в виду путешествие или какую-нибудь работу, приходили к нему и бросали стрелы возле него» [12, с. 24]. Хорошо известен рассказ Ибн Хишама о гадании по стрелам перед Хубалом Абд ал-Мутталиба, решающего, сначала, кого из сыновей принести в жертву, а затем – судьбу Абдаллаха [11, с. 42–43]. Кроме Хубала, по сообщениям Хишама ал-Калби, гадание по стрелам совершали перед идолом Зу-л-Халаса, который находился на расстоянии «семи ночей пути от Мекки» в сторону Йемена. Ал-Калби приводит высказывание одного араба, которому гадание по стрелам перед идолом Зу-л-Халасса запретило осуществить кровную месть [12, с. 27]. Согласно мусульманскому преданию, когда Мухаммад вошел в Каабу, он обнаружил там, среди прочего, изображение Ибрахима, гадающего по стрелам [11, с. 365]. Осуждение практики гадания по стрелам было зафиксировано в кораническом тексте (V: 92 (90)–93 (91)) [3]. Наряду с практикой гадания, источники упоминают о функционировании оракулов в святилищах арабов. Так, ал-Калби сообщает, что «у химйаритов было также капище в Сане под названием Рийам, которое они почитали и возле которого старались снискать расположение божеств принесением жертв. Как рассказывают, из него доносились слова» [12, с. 17]. Свой оракул функционировал при одном из святилищ ал-Уззы [12, с. 20]. Ибн Хишам рассказывает о существовании в Йемене практики огненных ордалий: «Как утверждают жители Йемена, в Йемене был огонь, который вершил суд над ними, когда они в чем-либо расходились. Огонь пожирал несправедливого и не вредил потерпевшему» [11, с. 16]. Еще одним способом разрешения «трудных» вопросов у арабов эпохи джахилии было обращение к кахинам – представителям пророческого движения в Аравии [28, с. 21]. Широко известен рассказ Ибн Хишама об обращении Абд ал-Мутталиба к прорицательнице, по вопросу судьбы Абдаллаха [11, с. 42].

Другая группа сообщений источников об обрядах арабов язычников связана не с выяснением воли божества в том или ином случае, но с попытками снискать его покровительство, защиту и обрести справедливость. К этой группе прежде всего следует отнести указания источников на функционирование святилищ, подобных каабе в Наджране, которые «не были местом поклонения, а обителью для людей» [12, с. 32]. На территории такого святилища нуждавшиеся получали убежище, а ее хранители осуществляли функции третейских судей в конфликтах враждующих племен

[29, с. 108–109]. К этой же группе принадлежат свидетельства о ритуальных действиях язычников, направленных на обеспечение безопасности во время путешествий. Кроме уже упомянутой практики сакрализации пространства, путем установки и обхода камней ал-Калби сообщает: «У жителей каждой усадьбы в Мекке был идол, которому они поклонялись. Когда кто-нибудь из них хотел отправиться в поездку, последнее, что он совершал в своем жилище, – это прикоснулся к нему. А когда он возвращался из поездки, первое, что он делал, войдя в жилище, – тоже прикоснулся к нему... Они приносили жертвы и закалывали жертвенных животных перед каждым идолом и старались снискать их милость» [12, с. 26–27].

Многочисленные сообщения источников о жертвоприношениях, которые совершали арабы-язычники в повседневных ситуациях, не подвергаясь превратностям путешествий, не нуждаясь, в силу каких-либо обстоятельств, в особой защите со стороны божества и не выясняя его волю, могут быть выделены в особую группу. Анализ свидетельств этой группы показывает, что совершение жертвоприношений с целью поддержания своей связи с божеством не было обязательным ежедневным ритуалом, а совершался время от времени. Так, ал-Калби, рассказывая о почитании ал-Уззы, сообщает: «Она была самым почитаемым идолом у курайшитов. Они приходили к ней, приносили ей дары и старались снискать ее расположение жертвоприношением. Сообщили нам, что посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, упомянул ее однажды. Он сказал: “Я принес в дар ал-Уззе рыжеватую козу, когда следовал вере моих сородичей”» [12, с. 20]. Однократность ритуального действия, в данном контексте, не позволяет предполагать его обязательную ежедневную повторяемость. Более того, текст «Книги об идолах» содержит прямое свидетельство того, что жертвоприношения у арабов язычников не составляли обязательного ежедневного ритуального цикла. «У арабов были серые камни, поставленные стоймя, вокруг которых они совершали обход и перед которыми они приносили жертвы... Об этом говорит Амир ибн ат-Туфайл. Однажды он пришел к племени гани ибн асур, когда они совершали обход вокруг своего камня, увидел, как красивы девушки, обходившие вокруг камня, и сказал: О, если бы мои дядья по матери из племени гани должны были совершать обход (давар) каждый вечер!» [12, с. 30].

Таким образом, приведенные свидетельства источников всех выделенных нами групп не зафиксировали существование в доисламской Аравии сколь-нибудь устойчивого ежедневного ритуального цикла. Исключением может быть только ритуальная практика хранителей святилищ, таких, например, как Малик ибн Хариса ал-Адждари, который периодически должен был поить «своего бога» Вадда молоком [12, с. 36].

Суммируя сказанное, можно с уверенностью утверждать, что главным отличием мусульманской молитвы от обрядов почитания божеств арабийскими язычниками в том, что касается времени совершения ритуальных действий, является введение в практику раннемусульманской общины – в качестве основной формы богочитания – обязательного ежедневного ритуального цикла. Подобно тому, как ислам уничтожил границы сакральных мест, превратив всю Землю в место для поклонения, он, сохранив в измененном виде элементы годового ритуального цикла, такие как хадж, умра и запретные месяцы, дополнив их постом в месяце Рамадан и мусульманскими

праздниками, перенес главный акцент в богочитании на каждый день, сделав его днем обязательного поклонения. Таким образом, с появлением в практике раннемусульманской общины ежедневного молитвенного цикла в полном соответствии с коранической доктриной смысла жизни, согласно которой «Я ведь создал джиннов и людей только чтобы они Мне поклонялись» (ЛП: 56(56)) [3], было осуществлено беспрецедентное для сознания арабов эпохи джахилии расширение сферы сакрального во времени и пространстве.

Список использованных источников и литературы

1. Пиотровский М. Б. ас-Сабун / М. Б. Пиотровский // Ислам: энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1991. – С. 201.
Piotrovskij M. B. as-Sabiun / M. B. Piotrovskij // Islam: `entsiklopedicheskiy slovar'. – М. : Nauka, 1991. – S. 201.
2. Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата / В. В. Бартольд. – М. : Вост. лит., 2002. – 784 с.
Bartol'd V. V. Raboty po istorii islama i Arabskogo halifata / V. V. Bartol'd. – М. : Vost. lit., 2002. – 784 s.
3. Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. – Баку : Язычы, 1990. – 744 с.
Koran / Per. I. Ju. Krachkovskogo. – Baku : Jazychy, 1990. – 744 s.
4. Шифман И. Ш. О некоторых установлениях раннего ислама / И. Ш. Шифман // Ислам. Религия, общество, государство. – М. : Наука, 1984. – С. 36–34.
Shifman I. Sh. O nekotorykh ustanovleniyah rannego islama / I. Sh. Shifman // Islam. Religija, obschestvo, gosudarstvo. – М. : Nauka, 1984. – S. 36–34.
5. Большаков О. Г. История халифата. Т. 1 : Ислам в Аравии (570–633) / О. Г. Большаков. – М. : Наука, 1989. – 312 с.
Bol'shakov O. G. Istorija halifata. T. 1 : Islam v Aravii (570–633) / O. G. Bol'shakov. – М. : Nauka, 1989. – 312 s.
6. Ермаков Д. В. Хадисы и хадисная литература / Д. В. Ермаков // Ислам: историографические очерки. – М. : Наука, 1991. – С. 85–108.
Ermakov D. V. Hadisy i hadisnaja literatura / D. V. Ermakov // Islam: istoriograficheskie ocherki. – М. : Nauka, 1991. – S. 85–108.
7. Бертон Дж. Мусульманское предание: введение в хадисоведение / Бертон Дж. – М.-СПб. : ДИЛЯ, 2006. – 304 с.
Berton Dzh. Musul'manskoe predanie: vvedenie v hadisovedenie / Berton Dzh. – М.-SPb. : DILJa, 2006. – 304 s.
8. Бойко К. А. Хадис / К. А. Бойко // Ислам: энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1991. – С. 262–263.
Vojko K. A. Hadis / K. A. Vojko // Islam: entsiklopedicheskiy slovar'. – М. : Nauka, 1991. – S. 262–263.
9. ал-Бухари. Сахих / Пер. с араб. В. А. Нирша. – М. : Умма, 2005. – 959 с.
al-Buhari. Sahih / Per. s arab. V. A. Nirsha. – М. : Umma, 2005. – 959 s.
10. Муслим. Сахих: Краткое изложение, составленное имамом аль-Мунзири / Пер. с араб. В. А. Нирша. – М. : Умма, 2011. – 1216 с.
Muslim. Sahih: Kratkoe izlozhenie, sostavlennoe imamom al'-Munziri / Per. s arab. V. A. Nirsha. – М. : Umma, 2011. – 1216 s.
11. Ибн Хишам. Жизнеописание пророка Мухаммада / Пер. с араб. Н. А. Гайнулина. – М. : Умма, 2002. – 485 с.
Ibn Hisham. Zhizneopisanie proroka Muhammada / Per. s arab. N. A. Gajnulina. – М. : Umma, 2002. – 485 s.
12. Хишам ибн Мухаммад ал-Калби. Книга об идолах (Китаб ал-аснам) / Пер. с араб., пред. и прим. В. В. Полосина ; отв. ред. П. А. Грязневич. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – 64 с.
Hisham ibn Muhammad al-Kalbi. Kniga ob idolah (Kitab al-asnam) / Per. s arab., pred. i prim. V. V. Polosina; отв. red. P. A. Grjaznevich. – М.: Nauka, GRVL, 1984. – 64 s.

13. Уотт У. М. Мухаммад в Мекке / Пер. с англ. – СПб. : ДИЛЯ, 2006. – 272 с.
Uott U. M. Muhammad v Mekke / Per. s angl. – SPb. : DILJa, 2006. – 272 s.
14. Боголюбов А. С. ас-Салат / А. С. Боголюбов // Ислам: энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1991. – С. 204.
Bogoljubov A. S. as-Salat / A. S. Bogoljubov // Islam: `entsiklopedicheskij slovar'. – M. : Nauka, 1991. – S. 204.
15. Абд ар-Рахман ибн Мухаммад Авад аль-Джузайри. Намаз в четырех мазхабах. Ознакомление с совершением / аль-Джузайри А. – СПб. : ДИЛЯ, 2015. – 240 с.
Abd ar-Rahman ibn Muhammad Avad al'-Dzhuzajri. Namaz v chetyreh mazhabah. Oznakomlenie s soversheniem / al'-Dzhuzajri A. – SPb. : DILJa, 2015. – 240 s.
16. Lammens H. Le Culte des Betyles et Les processions religieuses chez les arabes preislamites // Bulletin de l'institut français d'archeologie orientale. – 1920. – №17. – С. 39–101.
17. Аш-Шахрастани Мухаммад б. Абд ал-Карим. Верования арабов во времена ал-джахилий / Пер. с араб. С. М. Прозорова // Письменные памятники Востока. – 2005. – №2(3). – С. 26–46.
ash-Shahrastani Muhammad b. Abd al-Karim. Verovanija arabov vo vremena al-dzhahiliji / Per. s arab. S. M. Prozorova // Pis'mennyye pamjatniki Vostoka. – 2005. – №2(3). – S. 26–46.
18. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения / М. Элиаде. – М. : Ладомир, 1999. – 488 с.
Eliade M. Ocherki sravnitel'nogo religiovedenija / M. `Eliade. – M. : Ladomir, 1999. – 488 s.
19. Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи / Пер. с англ. и прим. И. М. Стеблин-Каменского. – СПб. : Азбука-Классика; Петербургское Востоковедение, 2003. – 352 с.
Bojs M. Zoroastrijsy: Verovanija i obychai / Per. s angl. i prim. I. M. Steblin-Kamenskogo. – SPb. : Azbuka-Klassika; Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. – 352 s.
20. Чунакова О. М. Введение / О. М. Чунакова // Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. – М. : Восточная литература РАН, 1997. – 352 с.
Chunakova O. M. Vvedenie / O. M. Chunakova // Zoroastrijskie teksty. Suzhdenija Duha razuma (Dadestan-i menog-i hrad). Sotvorenje osnovy (Bundahishn) i drugie teksty. – M. : Vostochnaja literatura RAN, 1997. – 352 s.
21. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд) / Пер. транслит. и комм. О. М. Чунакова // Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. – М. : Восточная литература РАН, 1997. – С. 10–138.
Suzhdenija Duha razuma (Dadestan-i menog- i hrad) / Per. translit. i komm. O. M. Chunakova // Zoroastrijskie teksty. Suzhdenija Duha razuma (Dadestan-i menog-i hrad). Sotvorenje osnovy (Bundahishn) i drugie teksty. – M. : Vostochnaja literatura RAN, 1997. – S. 10–138.
22. Чунакова О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов / О. М. Чунакова. – М. : Вост. лит., 2004. – 286 с.
Chunakova O. M. Pehlevijskij slovar' zoroastrijskih terminov, mificheskikh personazhej i mifologicheskikh simvolov / O. M. Chunakova. – M. : Vost. lit., 2004. – 286 s.
23. Телушкин Й. Еврейский мир / Пер. с англ. Н. Иванова, Вл. Владимирова. – М. – Иерусалим : Мосты культуры; Gesharim, 2000. – 576 с.
Telushkin J. Evrejskij mir / Per. s angl. N. Ivanova, Vl. Vladimirova. – M. - Ierusalim : Mosty kul'tury; Gesharim, 2000. – 576 s.
24. Шиффман Л. От текста к традиции: история иудаизма в эпоху Второго Храма и период Мишны и Талмуда / Пер. с англ. А. Сиверцева. – М. - Иерусалим : Мосты культуры; Gesharim, 2001. – 275 с.
Shiffman L. Ot teksta k traditsii: istorija iudaizma v `epohu Vtorogo Hrama i period Mishny i Talmuda / Per. s angl. A. Sivertseva. – M. - Ierusalim : Mosty kul'tury; Gesharim, 2001. – 275 s.
25. Талмуд / Критич. пер. Н. Переферковича. – Т. 1 (Книга 1 и 2). – М. : Изд-ль Л. Городецкий, 2006. – 432 с.
Talmud / Kritich. per. N. Pereferkovicha. – T. 1 (Kniga 1 i 2). – M. : Izd-l' L. Gorodetskij, 2006. – 432 s.
26. Бируни Абу Рейхан. памятники минувших поколений / Абу Рейхан Бируни // Избранные произведения. – Т. 1. – Ташкент: Изд-во АНУзССР, 1957. – 488 с.
Biruni Abu Rejhan. pamjatniki minuvshih pokolenij / Abu Rejhan Biruni // Izbrannyye proizvedenija. – T. 1. – Tashkent: Izd-vo ANUzSSR, 1957. – 488 s.

27. Резван Е. А. Рамадан / Е. А. Резван // Ислам: энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1991. – С. 197.
- Rezvan E. A. Ramadan / E. A. Rezvan // Islam: `entsiklopedicheskiy slovar'. – М. : Nauka, 1991. – S. 197.
28. Пиотровский М. Б. Пророческое движение в Аравии VII в. / М. Б. Пиотровский // Ислам. Религия, общество, государство. – М. : Наука, 1984. – С. 19–27.
- Piotrovskij M. B. Prorocheskoe dvizhenie v Aravii VII v. / M. B. Piotrovskij // Islam. Religija, obschestvo, gosudarstvo. – М. : Nauka, 1984. – S. 19–27.
29. Пиотровский М. Б. Южная Аравия в раннее средневековье / М. Б. Пиотровский. – М. : Наука, 1985. – 224 с.
- Piotrovskij M. B. Juzhnaja Aravija v rannee srednevekov'e / M. B. Piotrovskij. – М. : Nauka, 1985. – 224 s.

Spivak I. A. Islam and jahiliyyah: prayer as a mean of ritual distance

Starting with the origination of ideological antagonism between Mecca heathens and representatives of Early Muslim Community, the process of religious identification of the latter required dogmaticas well as ritual figuration. Analysis of Muslim legendary allows to conclude that first distinctive feature of Muslim ritual practice was obligatory daily prayers. The comparative analysis of ritual practice of heathen Arab and Muslim prayer was implemented according to written sources. There are two characteristics taken as criteria: period of time and place of ritual activities accomplishment. The conclusion is that sacral sphere of Muslim ritual practice broadened in an unprecedented way in comparison with ceremonies and ritual of Arabs of Jahiliyyah epoch. The following ways of deities veneration were distinguished in pre-Islamic Arabia: arrangement and round of idols, bloody sacrifices, offering to idol the part of harvest, ritual libation, feeding idols, various and numerous "gifts", brought to the most revered temples, head shaving in front of idols, animal sacrifice to heathen deities, individual dedication of poetic hymns to deities, belomancy. The overwhelming majority of these ritual activities were implemented in sacred places with precise borders. Islam effaced the boundaries of sacred places and turned the whole Earth into place of worship. Due to the research of the Muslim legendary on origin of time regulation of daily prayer cycle it was found out that some of its elements took place in Islam after 622 AD. Basing on authors opinion, these are the elements as prohibition on praying at the time of sunrise, sunset and zenith point. The other element of this group is obligatory prayers five times a day. There is a supposition that such regulation of daily prayer cycle originated since Muslims got to know rituals and practice of other religious communities, such as of Zoroastrians and Jews. The deep analysis of written sources made us reach a conclusion that the main time cycle of ritual practice for Arabs of Jahiliyyah epoch was not daily one, but annual, with forbidden months and pilgrimage to different sanctuaries. Studying situational contexts of the heathen Arabs dedications to deities which took place out of annual cycle, we can conclude that they were rare and had situational nature. There is no recorded evidence of at least stable daily ritual cycle in pre-Islamic Arabia. Islam saved elements of annual cycle in altered form, such as hajj, umrah and prohibited months, and added fasting in the month of Ramadan, Muslim holydays, shifted main emphasis on daily divine worship and made this worship obligatory.

Keywords: Jahiliyyah, sacrifice, Islam, Mecca, prayer, ritual practices, Hadith.

УДК 930

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ А. Н. БОХАНОВА НА ЛИЧНОСТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИКОЛАЯ II И ИДЕЮ МОНАРХИИ В РОССИИ¹

Тарнягина Е. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация*

E-mail: janesmils@mail.ru

Исследуется трансформация взглядов известного доктора исторических наук, профессора А. Н. Боханова на личностные качества и политический курс императора Николая II. Его работы активно публиковались в 1990-е гг., в период становления новой постсоветской историографии, лишенной идеологической подоплёки. Фактически он являлся ведущим биографом императора Николая II, подробно знакомя читателя с мировоззрением и частной жизнью последнего самодержца. Его критичный по отношению к курсу правления Николая II труд «Сумерки монархии» широко известен среди исследователей последних лет существования Российской империи. В последующих работах многие историки отмечали явное изменение взглядов А. Н. Боханова на личность последнего императора и идею монархии в России. От либеральных оценок к монархическим, от научных методов к восприятию истории через религиозную систему ценностей. Автор статьи отвечает на вопросы, с чем же связана трансформация оценок историка? Чем обоснована его позиция?

Автор анализирует вклад историка в развитие темы о правлении Николая II, сравнивая его работы с достижениями дореволюционной, советской и постсоветской историографий. Подробно представлены оценки А. Н. Бохановым персоны царя в его трудах «Сумерки монархии», «Николай II» в серии «Жизнь замечательных людей», «Самодержавие. Идея царской власти», «Русская идея. От Владимира Святого до наших дней» и «Российская Империя. Образ и смысл». Исследуются причины появления в отечественной постсоветской историографии такого явления, как апологетика и пристального общественного интереса к Николаю II.

Ключевые слова: А. Н. Боханов, историография, Российская империя, апологетика Николая II.

Доктор исторических наук, профессор Александр Николаевич Боханов – широко известный и популярный у читателей историк, автор многочисленных монографий и статей о Николае II, его супруге Александре Федоровне, Александре III, Николае I, Иване IV и других правителях России, соавтор учебников для средней и высшей школы. Популярный историк, который увлекательно, даже фанатично [1, с. 175], пишет о выбранных им персонажах, рассказывая историю от первых лиц. В 1990-е – начале 2000-х гг. А. Н. Боханов фактически являлся ведущим биографом императора Николая II. Многие историки считают монографию «Сумерки монархии» лучшей из

¹ Настоящая работа выполнена при поддержке Программы развития Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» на 2015–2024 годы в рамках реализации академической мобильности по проекту ФГАУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» «Сеть академической мобильности “Академическая мобильность молодых учёных России – АММУР”» в ФГБУН Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, отделе истории революций и общественного движения России»

его книг о личности и правлении последнего самодержца. Однако известно о нынешних монархических предпочтениях автора во взглядах на политику Российской империи.

С чем связана подобная трансформация взглядов А. Н. Боханова? Какова новая интерпретация автором личных качеств Николая II, чем обоснована его позиция? Как политическая обстановка в России 1990-х гг. повлияла на формирование в историографии апологетических настроений? Почему пик интереса к правлению последнего самодержца пришёлся на начало постсоветского этапа в России?

Автор ценной научной монографии о крупной буржуазии России [2] А. Н. Боханов не желал мириться с теми искаженными взглядами на личность и деятельность Николая II, которые сложились в советской историографии. Для нее характерна была насмешливая ненависть к личности последнего монарха. Господствующая к концу 1930-х годов советская точка зрения гласила: «Ограниченный и невежественный, как его отец-самодур, с чертами тупого, недалекого, мнительного и самолюбивого деспота. Царь-палач, предпочитавший окружать себя угодливыми ничтожествами» [3, с. 133]. В издании БСЭ 1974 года в связи с политическими переменами язык оценок Николая II смягчился, однако представленный образ кардинально не изменился: посредственный, безвольный, лицемерный, подверженный влияниям, самолюбивый и подозрительный деспот [4, с. 20-22].

По справедливому мнению А. Н. Боханова, советская историография не уделяла должного внимания личности правителя, однако дореволюционная и эмигрантская историография знали немало трудов о Николае II. Следует отметить, что и в советское время такие отечественные историки, как В. С. Дякин [5; 6], Р. Ш. Ганелин [7], А. Я. Аврех [8; 9] стремились прорваться за рамки схем, диктуемых коммунистической идеологией, много внимания уделяя личности и государственной деятельности последнего монарха. В 1984 году вышла в свет коллективная монография «Кризис самодержавия в России» [10] – фундаментальное исследование внутренней политики Николая II, раскрывающее личность самодержца.

Первые статьи о последнем самодержце А. Н. Боханов опубликовал в 1991 году, в переломное для России и отечественной историографии время. Отказ от государственной политической цензуры и крах коммунистической идеологии открыли доступ к ранее недоступным источникам и позволили разрушить советскую концепцию. Открылись большие возможности для научного исследования жизни и деятельности Николая II.

Однако дух свободы, плюрализм мнений породили явление ранее знакомое дореволюционной и эмигрантской историографии – апологетику. Возник эффект «маятника»: слева направо [11, с. 273]. Как отметил профессор Эдвард Актон, отрицание марксизма-ленинизма вызвало, по крайней мере, при Егоре Гайдаре, сильное идеологическое качание вправо, скачок через социал-демократические ценности к голому капитализму. В эти годы в историографии радушнее всего принимали не ревизионистские идеи, а чистокровные традиционные западные интерпретации, переводы мемуаров либералов и правых политиков [12, с. 29].

В статье А. Н. Боханова «Последний самодержец (взгляд на исходе XX века)» читателю представлен новый, по сравнению с советской историографией, образ Николая II как человека с личными и политическими достоинствами. Для историка это первое близкое знакомство с императором как с человеком, первый опыт осмысления его мировоззрения. Исследователь, оценивая политическую ситуацию в Российской империи и перспективы её развития, придерживался, первоначально, либеральных взглядов. Россия начала XX века конституционной монархией не стала, не законодательные правовые нормы, а либеральное общественное мнение регулировали деятельность и решения царя. Был потерян ориентир в будущее, исторические цели и мощная государственно-иерархическая машина часто работала на холостом ходу [13, с. 100]. Кризис самодержавия был вызван сопротивлением переходу от абсолютной к ограниченной парламентской монархии, от административных методов управления к более демократическим. Многим спасение монархии виделось в осуществлении реформ социально-экономических институтов, намеченных П. А. Столыпиным, поддержанных императором. Однако нежелания «российского барства» принять изменения и поступиться привилегиями привело к полумерам.

А. Н. Боханов пытался понять, чем в политике руководствовался император Николай II, поэтому большое внимание уделил религиозным взглядам последнего самодержца. В ходе дальнейшего сравнения перемен в точке зрения историка на идею самодержавия и православия как основ российской государственности этот аспект представляет большой интерес для его подробного описания. Основа жизнепонимания императора – Провидение. А. Н. Боханов отмечает недостаток прагматизма и расчета в решениях императора Николая II, который был убеждён, что императорская власть есть благо для страны, а историческое предназначение монарха в том, чтобы, опираясь на свою волю и чувство, править в согласии с волей Божией для благополучия подданных [14]. Император стал заложником унаследованных им структур и принципов власти, «народное царство» никогда не существовало. А. Н. Боханов переходит здесь к критике подобного мировоззрения Николая II, которое мешало царю видеть и учесть неизбежные перемены в стране и мире.

Монография «Сумерки монархии» в ее аннотации объявлялась первым современным прочтением роковых событий, которые вели к краху царский режим [15, с. 2]. Книга вышла большим для нашего времени тиражом в 30 тысяч экземпляров, переиздана в 2001 году и получила широкий общественный резонанс, до сих пор пользуясь популярностью у тех, кто изучает последние годы монархии в России. А. Н. Боханов представил подробное описание характера и мировоззрения правителя, исходя из нравственно-психологических причин и импульсов, которые обусловили его поведение и поступки. Из-за выбранной формы повествования от первого лица есть впечатление, что автор пытается защитить своего персонажа, выступая, по мнению некоторых историков, в роли придворного летописца [16, с. 5]. А. Н. Боханов пытается понять мотивы поведения Николая II, оправдывая его действия там, где ранее их представляли в негативном свете. Автор привлёк большое количество мемуаров, дневников, архивных источников опубликованных как за границей, так и в СССР, включая воспоминания эмигрантов, материалы переписки, Чрезвычайной

следственной комиссии Временного правительства, бумаги Николая II, дореволюционную прессу. Примечательно: А. Н. Боханов не ссылается на результаты исследований отечественных историков, опубликованные в советские времена, игнорируя их как предвзятые.

В «Сумерках монархии» А. Н. Боханов дал новую интерпретацию императора Николая II, формируя на основе многочисленных источников и документов образ человека и правителя с положительными качествами. Последний император представлен А. Н. Бохановым как высокодуховный человек, ответственный, образованный, воспитанный, дисциплинированный, деликатный и мягкий правитель. Опираясь на воспоминания С. Ю. Витте, А. Н. Боханов отмечал, что Николай II с детства обладал выдержанностью и природной незлобивостью, чего многие его современники не поняли и восприняли как отсутствие характера и слабоволие [17, с. 17].

Однако тогда же Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин, ведущие специалисты по жизни и деятельности С. Ю. Витте и издатели его воспоминаний, иначе интерпретировали его взгляды на Николая II: «С. Ю. Витте отзывался о царе как о человеке "без твердой еще воли", малоподготовленном, решавшем все "сплеча", не осмыслив "значения подготовительной работы к тому или иному решению"» [18, с. 61].

Отмечая, что амбициями правителя царь не обладал, властолюбием не отличался, А. Н. Боханов подчеркивает отношение Николая II к власти как тяжелой обязанности, долгу, которому необходимо следовать вопреки желаниям и настроениям [19, с. 13]. Бог, Россия, семья – представляли для него важнейшие жизненные ценности.

«Сумерки монархии» для современного исследователя последних лет существования Российской империи станут интересным источником для анализа изменения взглядов в отечественной историографии на частную жизнь царской семьи, поиска причин поступков Николая II в его мировоззрении. Но, несмотря на большой пласт приведенных воспоминаний современников последнего императора, оценки А. Н. Боханова всё же субъективны, им не учтены достижения историографии по острым моментам правления Николая II.

А. Н. Боханов не единственный, кто писал о положительных человеческих качествах Николая II и подробностях его частной жизни. Об образованности, дисциплинированности, уме, ответственности императора можно прочесть и у историка Г. З. Иоффе [20], одним из первых описавшего обстоятельства гибели царской семьи, их личную жизнь, увлечения. Он также, как А. Н. Боханов, отрицал всеисилие Распутина.

В 1991 году опубликованы дневники Николая II с комментариями под редакцией видного историка К. Ф. Шацилло. Его вступительная статья содержит колкие оценки последнего царя как «венценосного лентяя» [21, с. 8]. Выводы А. Н. Боханова принципиально расходятся. По его мнению, царь, делая записи в дневнике, приучался к аккуратности и краткому изложению своих мыслей, считая что «так надо», и эти тетрадки не предназначал для посторонних глаз [22, с. 17]. В дневниках государственные дела не упоминались.

В 1992 году М. П. Ирошников, Л. А. Процай, Ю. Б. Шелаев издали альбом «Николай II – последний российский император» – первый в постсоветское время опыт

воссоздания фотолетописи жизни последнего самодержца, подробно раскрывающий личностные качества царя и его частную жизнь. В 1995 году историк-архивист ГАРФ Владимир Хрусталёв совместно с американским историком Марком Стейнбергом опубликовали в США, а затем в Москве ценный сборник документов о Николае II и его семье в период Революции 1917 года и начала Гражданской войны [23]. Трагической судьбе Николая II и его семьи посвящена богато документированная книга С. В. Мироненко (тогда директора ГАРФ) и Андрея Мейлунаса, сначала вышедшая в Великобритании, а затем в Москве [24]. В ней, отдавая должное положительным человеческим качествам, Николай II оценен как слабый правитель.

Предназначен ли был Николай II для роли правителя? Да, люди из близкого окружения отмечали его способности. По мнению А. Н. Боханова, император охотно проводил социально-экономические реформы, однако, когда дело касалось политических нововведений, то симпатии его были на стороне традиций, что объяснялось необходимостью стабильности для преобразований. А. Н. Боханов приводит письмо Николая II к Марии Федоровне о подписании Манифеста 17 октября 1905 года, которое, по словам исследователя, свидетельствует, что император поступился принципами ради мира и согласия в стране. А. Н. Боханов отмечает, что Николай II, в отличие от супруги, вынужден был уступать в политике, считаясь с обстоятельствами, и довольно быстро принимал новые реальности. О кризисах во взаимоотношениях Государственной Думы и императора, о желании наделить её не законодательными, а законосовещательными функциями А. Н. Боханов не пишет. Он справедливым признает высказывание великого князя Константина Константиновича, что твердость не была отличительной чертой государя.

А. Н. Боханов утверждает, что со временем Николай II преодолел неспособность противостоять просьбам родственников, но их попытки воздействовать на монарха предпринимались до конца его правления. Император, лишенный амбициозных претензий на гениальность, при принятии любых важных политических решений был склонен слушать умных и знающих людей, мнением которых постоянно интересовался. В большинстве случаев принимались в расчёт рекомендации, отвечавшие собственным представлениям.

Критика политики Николая II и Александры Федоровны проступает у автора в главах о последних годах царствования, когда политические решения принимались императором исходя из высшей, часто только ему с супругой известной целесообразности. С императрицей они были единомышленники. А. Н. Боханов видит ошибку правителя в критериях при отборе высших чиновников на государственную службу. Преданность трону и борьба с врагами, беспрекословное исполнение воли не могли, по мнению А. Н. Боханова, заменить такое качество, как компетентность.

Остро в историографии 1990-х годов стоял вопрос о влиянии на Николая II Александры Федоровны и старца Григория Распутина. Анализируя переписку супругов, историк приходит к выводу, что императрица советовала утвердить или снять того или иного министра, однако самодержец поступал по-своему, а некоторые просьбы и вовсе игнорировал. Феномен Распутина А. Н. Боханов объясняет глубокой религиозностью царской семьи, нуждавшейся в наставнике, который даст душевный покой.

Людам, претендующим занять желаемый пост, требовалось обязательно угодить ближайшему окружению Николая II и Александры Федоровны, в том числе и их духовнику. Распутину надо было определять для царицы хороший или плохой тот или иной человек [25, с. 174]. Приводя воспоминания А. А. Мосолова, А. Н. Боханов приходит к заключению, что будущие министры пытались сами влиять на Распутина, чтобы тот, в свою очередь, убедил царскую чету в правильности их выбора. Влияние и просьбы старца не играли определяющей роли. Содействию Распутина были обязаны своей карьерой одиннадцать человек, к тому времени имевшие большую служебную биографию [26, с. 181]. Григорий Распутин подсказывал императрице их имена, она собирала о них сведения, а император назначал их на пост с учетом предыдущей деятельности. Карьера любого чиновника, вне зависимости от высоты положения, непосредственно зависела от воли, настроения и симпатий самого правителя. Чтобы пробиться наверх – необходимо было получить рекомендацию. Распутин стал человеком, который мог «замолвить слово», устроить встречу с государем. «Всемогущество» Распутина было условным, но им пользовались [27, с. 186].

Политическое бездействие императора в период «сумерек монархии» исследователь объясняет раздвоением личности у Николая II: с одной стороны, правитель, обязанный для защиты авторитарной системы действовать вопреки гуманным принципам, а с другой – христианин, стремившийся к праведной жизни, постигающий истинный смысл бытия в смирении и любви [28, с. 261]. Религиозное мироощущение всё больше определяло мирские поступки. Этот проигрыш был запрограммирован историей давно, а незлобливость и внутреннее благородство (принимаемое часто за малодушие) лишь ускорили развязку. Николай II пытался сохранить то, что было обречено временем. Драма последнего монарха во многом объяснялась тем, что благочестивый христианин вряд ли мог быть вообще удачным правителем в новейшее время. Система власти Романовых не смогла выработать приемлемую для всех общественных слоев формулу их сосуществования.

На фоне глубоко положительного отношения А. Н. Боханова к Николаю II как к человеку и правителю, в «Сумерках монархии» отчётливо видна критика последних лет царствования монарха, но в последующих работах вина императора в революциях и организации внутренней политики в работах А. Н. Боханова сходит на нет.

Пик общественного интереса к августейшим особам, безусловно, был связан с изъятием из земли недалеко от Екатеринбурга останков царской семьи в 1991 году, проведением экспертиз на подлинность и повсеместное обсуждение в прессе подробностей убийства. А. Н. Боханов также не мог остаться равнодушным к этим событиям. Можно сказать, он занял свою нишу в историографии о правлении и личности Николая II. Подробности расстрела и укрытия останков способствовали огромному спросу на литературу о жизни самодержца, канонизированного Русской Православной Церковью за границей в 1981 году.

А. Н. Боханов, благодаря яркому, эмоциональному и понятному языку своих трудов, сумел привлечь множество читателей, которые испытывали большую потребность к изучению жизни Романовых, ранее неизвестной. Его целью было познакомить читателя с весьма неоднозначной и сложной для понимания личностью, представления о которой в 1990-е годы стали укладываться в два направления: «Николай

Кровавый» и «Николай Святой». Книги А. Н. Боханова стали действительно популярны. Нельзя сказать, что историк следовал модным тенденциям в историографии. Он сам формировал отношение к персоне последнего монарха, во многом способствуя его популяризации и даже канонизации.

В последующих активно публикуемых трудах А. Н. Боханова прослеживается влияние консервативной монархической апологетической мысли. Оценки во многом перекликаются с выводами эмигранта-историка С. С. Ольденбурга, чья широко известная работа «Царствование императора Николая II» начала переиздаваться в России с 1991 г., но в «Сумерках монархии» еще не упоминалась.

В 1997 году в свет вышла новая книга А. Н. Боханова «Николай II», в серии «Жизнь замечательных людей» (10.000 экземпляров, в 1998 году дополнительным тиражом 5000 экземпляров). Историк отметил, что до сих пор нет объективных работ, посвященных персоне царя, а лишь существуют полярные образы правителя в представлении общественности и историков в соответствии с существующими двумя подходами в изучении личности последнего императора: уничижительно-критический и апологетический [29, с. 6]. К апологетам историк себя не отнёс. Оценки А. Н. Боханова личности последнего самодержца во многом повторяли представленные им ранее в «Сумерках монархии». Однако исследователь более не говорит о недостатке прагматизма в действиях правителя, его нерешительности, о руководстве неправильными критериями Александрой Федоровной и Николаем в назначениях министров, о том, что мысли о необходимости самодержавия для России – это отжившая догма. А. Н. Боханов убежден, что последний царь уже не мог противостоять настроениям общества и парализованному административному аппарату. Дарование ответственного министерства не решило бы проблем – это начало конца порядка и государственности [30, с. 319].

Причины крушения монархии автор видит отнюдь не в деятельности или личности последнего царя, Николай II лишь отсрочил этот процесс. Эрозия политических и религиозных чувств, убеждений, пристрастий, стремлений людей – вот где корень событий [31, с. 372]. Случилось предательство родственников, окружения, «просвещенного общества» и народа с потребностями в отречении от «старого мира». Монархия была запрограммирована на провал, но религиозные представления Николая II уже не кажутся А. Н. Боханову пережитком времени. Следует отметить широкую источниковую базу, дополненную по сравнению с предыдущей монографией. Так как целью стало полное жизнеописание монарха, добавились архивные документы из фондов ГАРФа, корреспонденция, недавно опубликованные (в начале 1990-х годов) воспоминания А. И. Гучкова (А. Н. Боханов – автор ряда статей о нём), великого князя Александра Михайловича, М. П. Бок (Столыпиной), Дж. Бьюкенена, А. А. Волкова, А. Ф. Керенского, великого князя Гавриила Константиновича, Ю. Н. Данилова, Н. А. Епанчина, П. Жильяра, Г. Иванова, А. М. Ону, С. Д. Сазонова, А. Спиридовича, А. А. Толстой, А. Ф. Тютчевой, А. Н. Шварца, В. В. Шульгина, статистические данные Б. Л. Бразоля, дневники А. С. Суворина, В. Н. Ламздорфа. Использована иностранная литература: Д. Ливен, Р. Мэсси, М. Д. де Дзулиани, И. Мейер, М. Ферро, которого А. Н. Боханов обвинил в русофобских настроениях, Р. Пайпс. Также иссле-

дования и документы на иностранных языках. Автор уделил большое внимание и актуальной теме ссылки и расстрела царской семьи, поэтому привлёк известные на тот период времени результаты расследования.

В 1998 году в газете «Аргументы и факты» перед оглашением результатов комиссии по идентификации останков появилась статья А. Н. Боханова «Прощание с государем» – о ритуале погребения императоров в Петропавловском соборе. В ней высказано спорное утверждение, что, несмотря на отречение, с юридической и исторической точек зрения Николай II остался монархом [32], что было призывом похоронить его так же, как предыдущих самодержцев.

А. Н. Боханов активно поддерживал канонизацию Московской Патриархией царской семьи в 2000 году. В «Русском вестнике» было опубликовано под его авторством заключение об исторической значимости «Материалов, связанных с вопросом о канонизации Царской Семьи», подготовленных Синодальной комиссией Русской православной Церкви по канонизации Святых (1997).

В этот период А. Н. Боханов опубликовал труды, нацеленные на создание у самого широкого читателя положительного образа монарха: «Император Николай II» [33] (переиздана в 2001 и 2004 гг. Общий тираж 20000 экз.), книга-альбом «Николай II» [34] (переиздана в 2002 году, 5000 экз.) Также позже изданы: «Последний Царь» [35] (тираж 5000 экз.), «Николай II» [36] (тираж 5000 экз.). По количеству изданий и переизданий очевидно, что А. Н. Боханов пользовался большим спросом у многочисленной аудитории читателей.

Ныне А. Н. Боханов смотрит на исторический процесс через призму религиозного восприятия. «Государь Стратотерпец Николай Александрович и государыня Александра Фёдоровна – они выше всего, они Святые... Находятся вне симпатий или антипатий... Без Христа, без православия, без церкви ничего в русской истории понять нельзя. Я раньше пытался математикой постичь метафизику. Есть промыслительные вещи, которые в силу своей грандиозности не всегда можно осмыслить» [37] – отметил А. Н. Боханов в одном из интервью.

В последующих выступлениях историк подчеркивал искренность своих убеждений по отношению к личности Николая II. Знакомство с документами эпохи открыло для него характер императора с другой стороны, убедило в несовместимости качеств православного царя с эпохой начала XX века. Были ли эти взгляды связаны с заигрыванием власти в 1990-х годах с представителями Дома Романовых, когда высказывались мысли о восстановлении монархии в России?

Историк А. Н. Боханов дистанцировался от политических игр монархистов: «Искусственно навязанная монархия будет нежизнеспособной, более того, в таком случае сама идея монархии будет дискредитирована. Поэтому я не вижу возможности восстановления монархии в России в ближайшее время, для этого просто нет надлежащих духовных основ в современной России. Вообще все эти кремлевские игры в монархию, с моей точки зрения, не принесут положительных результатов» [38]. Именно личное открытие для себя личностных качеств и жизни Николая II, убежденность в его святости, изменили взгляды А. Н. Боханова как историка и как человека.

Изменилось и его понимание первооснов Революции 1917 года. В 2013 году прошла конференция РИСИ на тему «Русофобия», где Боханов выступил с докладом

«Русофобия – историческая форма мировосприятия Руси-России»: «Революция 1917 года – историческое проявление апофеоза русофобии. Разрушение России началось в феврале 1917 г. Революция проходила под русофобскими лозунгами. Отрекались от символов, от гербов до названия Российской Империи... Не в экономике, политике, деятельности оппозиционных партий, а причины крушения государства в духовной первооснове, в отходе от веры» [39]. Примечательно, что А. Н. Боханов сделал отсылку к речи В. В. Путина от 1 февраля 2013 года на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви и назвал это историософским чудом, так как сам президент России огласил «истинные» причины падения монархии: «Мы должны помнить и другие страницы своей истории, в том числе извлекать уроки из драматических событий начала XX века. Когда во многом именно с размывания духовных и национальных основ, с настоящей травли Русской Православной Церкви и других наших традиционных конфессий началось разрушение единого государства, единой страны, её срыв в революции и потрясения, в братоубийственный конфликт и войны» [40].

Идеи о Руси-России как о Государстве-Церкви оформлены А. Н. Бохановым в трилогии книг «Самодержавие. Идея царской власти» [41], «Русская идея. От Владимира Святого до наших дней» [42] и «Российская Империя. Образ и смысл» [43]. Основные идеи этих книг таковы. Монархия не могла существовать без православия, духовной основы самодержавия. Царь в России никогда не являлся «первым среди прочих». Он один ответственен за всё, что происходит в стране перед Богом, поэтому у самодержавия в России не было возможности для конституционных реформ. Одной из действенных форм разрушения России, по мнению А. Н. Боханова, оказалась русская интеллигенция, отринувшая Бога, а затем проклявшая и царство [44, с. 538]. Русский монархизм, который олицетворяли представители образованных классов, измельчал и почти сошел на нет как активная политическая сила. Это было неизбежной расплатой за секуляризацию и вестернизацию Петра I. Сознание элиты, чем больше оно становилось «европейским», тем менее оставалось русско-православным. В общественном сознании нарастали идеи русоненавистничества. А. Н. Боханов приводит в пример идеи декабристов, А. И. Герцена, П. А. Бакунина, П. А. Кропоткина. Царь в начале XX века более не воспринимался как сакральный символ. В нём многие видели властителя, наделённого неограниченными полномочиями. Общественное сознание становилось антицерковным, следовательно, и антицарским. Рухнула основа монархии (православие) – пало государство.

А. Н. Боханов убеждён, что основой благополучия для всех являлся «царский режим». Был умалён путём дискредитации престиж власти, поэтому ослабла и её сила. Русское дворянство, в особенности аристократия, повинны в падении монархии не менее, чем различные фракции и партии. Фактически получилось, что не царь отрёкся от власти и России, а именно монархический истеблишмент предал и отрёкся от царя. Николай II этот факт только удостоил своей подписью на документе о сложении с себя высшей властной прерогативы [45, с. 563].

Взгляды А. Н. Боханова на личность и деятельность Николая II и идею монархии в России прошли серьёзную трансформацию с течением времени. От либерализма к монархизму, от критики к обожанию персоны Николая II, от научных методов к личным предпочтениям и религиозной концепции. На сегодняшний день А. Н. Боханов

пишет историю, пропуская через свою формулу, которая уже находится вне поля исторической науки. С чем это связано? В первую очередь с мировоззрением автора. В одном из интервью он отметил, что именно Николай II привел его к Богу [46].

А. Н. Боханов работал с обширным кругом источников и пришел к выводу, что император достиг при своей жизни нравственного совершенства, стал образцом и для него в том числе. Еще в «Сумерках монархии» исследователь записал: «Поражает незлобивость царя, удивительное смирение, являющееся уделом лишь истинно верующих людей» [47, с. 23].

Переориентация историка от либеральных взглядов к монархическим произошла ещё до канонизации царской семьи, А. Н. Боханов сам во многом способствовал формированию положительного образа Николая II у общественности. Его книги нашли читателя, однако многими историками оценены как недостаточно объективные. Исследователя считают историком-монархистом за выражение симпатий к политическому курсу Николая II, за видение большинства проблем в «безнравственной и лживой оппозиции» [48, с. 123]. «Человек фанатично предрасположенный к своим героям... У Боханова собственная мировоззренческая схема, сусальный образ монарха» [49, с. 176]. «Историк должен быть без веры, без государя» [50, с. 303].

Апологетике личности и деятельности Николая II противостояли работы историков Санкт-Петербургского института истории РАН. Академик РАН Б. В. Ананьич и член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин в статье [51] и изданном ими сборнике воспоминаний и дневников о личности последнего самодержца [52] не отрицали благородства натуры и доброты Николая II, оценивали его как умного, воспитанного человека, способного к спокойному, ровному обращению с окружающими, однако слабовольного правителя, приверженного самодержавной идее, искренне убежденного в божественном происхождении царской власти, и в то же самое время неготового к управлению государством, подверженного внешним влияниям, скрытного, не желавшего считаться с возникшими политическими партиями, наивно верившего, что простой народ предан своему царю. В. Ю. Черняев отмечал: «Николай II не мог смириться с эволюцией абсолютной монархии в конституционную. Ему не терпелось вернуться “к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе”, когда “выбор и утверждение” принадлежат царю. Продолжая видеть в народных представителях врага, он с 1909 г. настойчиво высказывал желание превратить Думу из законодательной в законосовещательную, чтобы ее мнение и постановления стали не обязательны для власти» [53, с. 194]. В коллективном труде «Власть и реформы» показано, как в 1913 г. из проекта Манифеста по случаю 300-летия Дома Романовых царь сам вычеркнул упоминание «выборных от народа». В июне 1914 г. на заседании правительства он предложил ликвидировать законодательный статус Думы, но большинство министров не поддержало [54, с. 509]. И. В. Лукьянов подчеркивал: «Самодержавие оказалось не в состоянии найти рецепты решения возникающих трудностей, уступив инициативу в этом вопросе обществу <...> Роковую роль в тех событиях сыграла личность Николая II <...> Царь сыграл роль того камушка, от которого на режим и страну обрушилась лавина проблем» [55, с. 145].

Пик интереса к работам А. Н. Боханова, ставшего известным в России историком, пришёлся на 1990-е гг., что нашло отражение в широком переиздании тогда его трудов.

Благодаря книгам А. Н. Боханова многие читатели стали иначе, чем в советское время, смотреть на личные качества императора. Возрождение положительного образа Николая II во многом обязано также переизданию в современной России трудов историков дореволюционной, эмигрантской историографии. А. Н. Боханов был не первым исследователем, кто сложил ответственность за революцию с Николая II. Об этом ранее писали и в эмиграции И. П. Якобий, Н. Ю. Пушкарский: «В России не было почвы для революции, русский народ не бунтовал, а работал и сражался на фронте, но государство разлагалось благодаря разложению правящего класса. Императору Николаю II пришлось нести бремя правления в годы, когда верхние слои населения из творческих обратились в разрушительные элементы» [56, с. 312]; «Не мужицкая, а аристократическая Россия в первую очередь тяжко согрешила» [57, с. 30].

Какова степень личной ответственности последнего самодержца за разжигание в стране революционных событий? Могло ли тесное сотрудничество императора с Государственной Думой предотвратить крах государства? Эти вопросы продолжают вызывать споры и актуальны для отечественной исторической науки. Всё актуальнее становится и тема возникновения апологетики по отношению к императору Николаю II. Показатель тому – проходящие ныне акции активистов радикального крыла православных фундаменталистов против выхода на экраны художественного фильма Алексея Учителя «Матильда».

Список использованных источников и литературы

1. Телицын В. Л. Слагаемые и их перестановка / В. Л. Телицын // Армагеддон. – 1999. – Кн. 4. – С. 175.
Telicyn V. L. Sлагаемые i ih perestanovka // Armageddon. – 1999. – Кн. 4. – С. 175.
2. Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 год) / Отв. ред. В. И. Бовыкин. – М. : Наука, 1992. – 262 с.
Bohanov A. N. Krupnaya burjuaziya Rossii (konec XIX v. – 1914 god) / Otv. red. V. I. Bovykin. – M. : Nauka, 1992. – 262 s.
3. Николай II (автор не указан) // Большая советская энциклопедия. М. : Советская Энциклопедия, 1939. – Т. 42. – С. 133.
Nikolai II // Bolshaya sovetskaya enciklopediya. M. : Sovetskaya Enciklopediya, 1939. – T. 42. – S. 133.
4. Шацилло К. Ф. Николай II / К. Ф. Шацилло // Большая советская энциклопедия. М. : Советская Энциклопедия, 1974. – Т. 18. – С. 20–22.
Shacillo K. F. Nikolai II // Bolshaya sovetskaya enciklopediya. M. : Sovetskaya Enciklopediya, 1974. – T. 18. – S. 20–22.
5. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917 / В. С. Дякин. – Л. : Наука, 1967. – 362 с.
Dyakin V. S. Russkaya burjuaziya i carizm v gody Pervoi mirovoi voiny 1914–1917. – L. : Nauka, 1967. – 362 s.
6. Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 / В. С. Дякин. – Л. : Наука, 1988. – 228 с.
Dyakin V. S. Burjuaziya, dvoryanstvo i carizm v 1911–1914. – L. : Nauka, 1988. – 228 s.
7. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция / Р. Ш. Ганелин. – СПб. : Наука, 1991. – 223 с.
Ganelin R. Sh. Rossiiskoe samoderjavie v 1905 godu. Reformy i revoluciya. – SPb. : Nauka, 1991. – 223 s.
8. Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы / А. Я. Аврех. – М. : Наука, 1985. – 259 с.

- Avreh A. Ya. Raspad tret'iunskoi sistemy. – M. : Nauka, 1985. – 259 s.
9. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения / А. Я. Аврех. – М. : Наука, 1989. – 256 с.
- Avreh A. Ya. Carizm nakanune sverjeniya. – M. : Nauka, 1989. – 256 s.
10. Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Отв. ред. Дякин В. С. – Л. : Наука, 1984. – 664 с.
- Krizis samoderjaviya v Rossii. 1895–1917 / Otv. red. Dyakin V. S. – L. : Nauka, 1984. – 664 s.
11. Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков / Отв. ред. Дякин В. С. – СПб. : Наука, 1992. – С. 273.
- Reformy ili revoliuciya? Rossiya 1861–1917. Materialy mejdunarodnogo kollokviuma istorikov / Otv. red. Dyakin V. S. – SPb. : Nauka, 1992. – S. 273.
12. Актон Э. Революция и ее историки // Актон Э., Розенберг У., Черняев В. Ю. Критический словарь Русской революции: 1914–1921. – СПб. : Нестор-история, 2014. – С. 29.
- Acton E. Revoliuciya i ee istoriki // Acton E., Rosenberg U., Cherniaev V. U. Kriticeskii slovar Russkoi revoliucii: 1914–1921. – SPb. : Nestor-istoriya, 2014. – S. 29.
13. Боханов А. Н. Последний самодержец (взгляд на исходе XX века) / А. Н. Боханов // Альма Матер. – М. , 1991. – № 12. – С. 100.
- Bohanov A. N. Poslednii samoderjec (vzglyad na ishode XX veka) // Alma Mater. – M. , 1991. – № 12. – S. 100.
14. Там же. С. 100.
- Tam zhe. S. 100.
15. Боханов А. Н. Сумерки монархии / А. Н. Боханов. – М. : Воскресенье, 1993. – С. 2.
- Bohanov A. N. Sumerki monarhii. – M. : Voskresenie, 1993. – S. 2.
16. Вострышев М. В монархических шорах / М. Вострышев // Московская правда. – 2001. – С. 5.
- Vostryshhev M. V monarhicheskikh shorah // Moskovskaya pravda. – 2001. – S. 5.
17. Боханов А. Н. Сумерки монархии. – М. : Воскресенье, 1993. – С. 17.
- Bohanov A. N. Sumerki monarhii. – M. : Voskresenie, 1993. – S. 17.
18. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Николай II // Вопросы истории. – 1993. – № 2. – С. 61.
- Ananich B. V., Ganelin R. Sh. Nikolai II // Voprosy istorii. – 1993. – № 2. – S. 61.
19. Боханов А. Н. Сумерки монархии. – М. : Воскресенье, 1993. – С. 13.
- Bohanov A. N. Sumerki monarhii. – M. : Voskresenie, 1993. – S. 13.
20. Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. – М. : Республика, 1992. – 351 с.
- Ioffe G. Z. Revoliuciya i sudba Romanovyh. – M. : Respublika, 1992. – 351 s.
21. Шацилло К. Ф. Предисловие // Дневники императора Николая II. – М.: Орбита, 1991. – С. 8.
- Shacillo K. F. Predislovie // Dnevniky imperatora Nikolaya II. – M.: Orbita, 1991. – S. 8.
22. Боханов А. Н. Сумерки монархии. – М. : Воскресенье, 1993. – С. 17.
- Bohanov A. N. Sumerki monarhii. – M. : Voskresenie, 1993. – S. 17.
23. Steinberg V. D., Khrustalev V. M. The Fall of the Romanovs: Political Dreams and Personal Struggles in a Time of Revolution. – New Haven : Yale University Press, 1995. – 444 p.
24. Mailunas A., Mirinenko S. A Lifelong Passion. Nicholas and Alexandra. Their own Story. – London : Doubleday, 1996. – 667 p.
25. Боханов А. Н. Сумерки монархии. – М. : Воскресенье, 1993. – С. 174.
- Bohanov A. N. Sumerki monarhii. – M. : Voskresenie, 1993. – S. 174.
26. Там же. С. 181.
- Tam zhe. S. 181.
27. Там же. С. 186.
- Tam zhe. S. 186.
28. Там же. С. 261.
- Tam zhe. S. 261.
29. Боханов А. Н. Император Николай II / А. Н. Боханов. – М. : Молодая гвардия, 1997. – С. 6.
- Bohanov A. N. Imperator Nikolai II. – M. : Molodaya gvardiya, 1997. – S. 6.
30. Там же. С. 319.
- Tam zhe. S. 319.
31. Там же. С. 372.
- Tam zhe. S. 372.

32. Боханов А. Н. Прощание с государем / А. Н. Боханов // Аргументы и факты. — 29 января 1998. — № 5 (902).
Bohanov A. N. Proshanie s gosudarem // Argumenty i fakty. — 29 yanvarya 1998. — № 5 (902).
33. Боханов А. Н. Император Николай II / А. Н. Боханов. — М. : Русское слово, 1998. — 567 с.
Bohanov A. N. Imperator Nikolai II. — M. : Russkoe slovo, 1998. — 567 s.
34. Боханов А. Н. Николай II / А. Н. Боханов. — М. : АСТ–ПРЕСС, 2000. — 205 с.
Bohanov A. N. Nikolai II. — M. : AST–PRESS, 2000. — 205 s.
35. Боханов А. Н. Последний царь / А. Н. Боханов. — М. : Вече, 2006. — 510 с.
Bohanov A. N. Poslednii czar. — M. : Veche, 2006. — 510 s.
36. Боханов А. Н. Николай II / А. Н. Боханов. — М. : Вече, 2008. — 528 с.
Bohanov A. N. Nikolai II. — M. : Veche, 2008. — 528 s.
37. Фрагмент интервью Боханова А. Н. для телепередачи «Поле Куликово» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://youtu.be/hEdDyuw_s6o. (Дата обращения: 27.05.2017).
Fragment interviu Bohanova A. N. dlya teleperedachi «Pole Kulikovo» [Elektronnyi resurs]. — Rejim dostupa: https://youtu.be/hEdDyuw_s6o. (Data obrashenia: 27.05.2017).
38. Боханов А. Н. Монархия как декорация для телекамер нам не нужна [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2011/05/13/aleksandr_bohanov_monarhiya_kak_dekoraciya_dlya_telekamer_nam_ne_nuzhna/. (Дата обращения: 27.05.2017).
Bohanov A. N. Monarhiya kak dekoraciya dlya telekamer nam ne nuzhna [Elektronnyi resurs]. — Rejim dostupa: http://ruskline.ru/news_rl/2011/05/13/aleksandr_bohanov_monarhiya_kak_dekoraciya_dlya_telekamer_nam_ne_nuzhna/. (Data obrashenia: 27.05.2017).
39. Русофобия. Фрагмент выступления Боханова А. Н. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://youtu.be/5_FT4r6wN1c. (Дата обращения: 27.05.2017).
Rusofobiya. Fragment vystupleniya Bohanova A. N. [Elektronnyi resurs]. — Rejim dostupa: https://youtu.be/5_FT4r6wN1c. (Data obrashenia: 27.05.2017).
40. Владимир Путин встретился с участниками Архиерейского собора Русской православной церкви [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/17409>. (Дата обращения: 27.05.2017).
Vladimir Putin vstretilsya s uchastnikami Arhiereiskogo sobora Russkoi pravoslavnoi cserkvi [Elektronnyi resurs]. — Rejim dostupa: <http://kremlin.ru/events/president/news/17409>. (Data obrashenia: 27.05.2017).
41. Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти / А. Н. Боханов. — М. : Русское слово, 2002. — С. 352.
Bohanov A. N. Samoderjavie. Ideya csarskoi vlasti. — M. : Russkoe slovo, 2002. — S. 352.
42. Боханов А. Н. Русская идея. От Владимира Святого до наших дней / А. Н. Боханов. — М. : Вече, 2005. — С. 395.
Bohanov A. N. Russkaya ideya. Ot Vladimira Svyatogo do nashih dnei. — M. : Veche, 2005. — S. 395.
43. Боханов А. Н. Российская Империя. Образ и смысл / А. Н. Боханов. — М. : ФИВ, 2012. — С. 589.
Bohanov A. N. Rossiiskaya Imperiya. Obraz i smysl. — M. : FIV, 2012. — S. 589.
44. Там же. С. 538.
Tam zhe. S. 538.
45. Там же. С. 563.
Tam zhe. S. 563.
46. История – память. Александр Николаевич Боханов. Исторический клуб. Выпуск 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://youtu.be/3yE_HnHsws. (Дата обращения: 27.05.2017).
Istoriya – pamyat. Aleksandr Nikolaevich Bohanov. Istoricheskii klub. Vypusk 1 [Elektronnyi resurs]. — Rejim dostupa: https://youtu.be/3yE_HnHsws. (Data obrashenia: 27.05.2017).
47. Боханов А. Н. Сумерки монархии. — М. : Воскресенье, 1993. — С. 23.
Bohanov A. N. Sumerki monarhii. — M. : Voskresenie, 1993. — S. 23.
48. Полунов А. Ю. Романовы: между историей и идеологией / А. Ю. Полунов // Свободная мысль. — 1995. — № 11. — С. 123.
Polunov A. U. Romanovy: mejdu istoriei i ideologii // Svobodnaya mysl. — 1995. — № 11. — S. 123.
49. Телицын В. Л. Слагаемые и их перестановка / В. Л. Телицын // Армагеддон. — 1999. — Кн. 4. — С. 176.
Telitsyn V. L. Slagaemye i ih perestankovka // Armageddon. — 1999. — Kn. 4. — S. 176.

50. Иоффе Г. З., Боханов А. Н. Распутин. Анатомия мифа / Г. З. Иоффе, А. Н. Боханов // Новый журнал. – Нью-Йорк, 2002. – № 227. – С. 303.
Ioffe G. Z., Bohanov A. N. Rasputin. Anatomiya mifa // Novyi jurnal. – New-York, 2002. – № 227. S. 303.
51. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Николай II / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин // Вопросы истории. – 1993. – № 2. – С. 58–76.
Ananich B. V., Ganelin R. Sh. Nikolai II // Voprosy istorii. – 1993. – № 2. – S. 58–76.
52. Николай II: Воспоминания. Дневники. – СПб. : Пушкинский фонд, 1994. – 560 с.
Nicolai II: Vospominaniya. Dnevniki. – SPb. : Pyshkinski fond, 1994. – 560 s.
53. Черняев В. Ю. Русские революции: демократическая альтернатива и ее крушение / В. Ю. Черняев // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет, 2008: Революционный терроризм и русская революция. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – С. 194.
Chernyaev V. U. Russkie revolucii: demokraticeskaya alternativa i ee krushenie // Sankt-Peterburgskii mejdunarodnyi letnii kulturno-istoricheskii universitet, 2008: Revolucionnyi terrorizm i russkaya revoluciya. – SPb. : Dmitrii Bulanin, 2008. – S. 194.
54. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. – М. : ОЛМА–Пресс, 2006. – С. 509.
Vlast i reformy. Ot samoderzjavnoi k sovetskoj Rossii. – M. : OLMA–Press, 2006. – S. 509.
55. Лукоянов И. В. Когда и почему революция стала неизбежной / И. В. Лукоянов // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет, 2008: Революционный терроризм и русская революция. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – С. 145.
Lukoyanov I. V. Kogda i pochemu revoluciya stala neizbejnoi // Sankt-Peterburgskii mejdunarodnyi letnii kulturno-istoricheskii universitet, 2008: Revolucionnyi terrorizm i russkaya revoluciya. – SPb. : Dmitrii Bulanin, 2008. – S. 145.
56. Пушкарский Н. Ю. Всероссийский император Николай II: жизнь, царствование, трагическая смерть / Н. Ю. Пушкарский. – Саратов: Соотечественник, 1995. – С. 312.
Pushkarskii N. U. Vserossiiskii imperator Nikolai II: jizn, csarstvovanie, tragiceskaya smert. – Saratov: Sootchestvennik, 1995. – S. 312.
57. Якобий И. П. Император Николай II и революция / И. П. Якобий. – Брюссель, 1938. – С. 30.
Jakobii I. P. Imperator Nikolai II i revoluciya. – Brussel, 1938. – S. 30.

Tarnyagina E. A. The evolution of A. N. Bokhanov's views on personality and activity of Nicolas II and idea of monarchy in Russia

The study is devoted to transformation of the views of the well-known doctor of historical sciences, professor A. N. Bokhanov, on the personal qualities and political course of Emperor Nicholas II. His work was actively published in the 1990s, at the becoming's time of a new post-Soviet historiography devoid of ideological underpinnings. In fact, he was the leading biographer of Emperor Nicholas II, acquainting the reader in detail with the world outlook and the private life of the last autocrat. His work critical of the course of the reign of Nicholas II "Twilight of the monarchy" is widely known among researchers of the last years of the Russian Empire. In subsequent works, many historians have noted a clear change in the views of A. N. Bohanov on the personality of the last emperor and the idea of a monarchy in Russia. From liberal assessments to monarchical, from scientific methods to the perception of history through a religious value system. The author of the article answers the questions, what does the transformation of the historian's assessments involve? What is the reason for his position?

The author analyzes the historian's contribution to the development of the topic of the reign of Nicholas II, comparing his work with the achievements of pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet historiographies. The evaluations of A. N. Bokhanov by the tsar in his works "Twilight of the Monarchy", "Nicholas II" in the series "The Life of Remarkable People", "Samoderzhavie. The idea of royal power", "Russian idea. From Vladimir the Saint to our days" and "The Russian Empire. Image and meaning". The reasons for the appearance in the Soviet post-Soviet historiography of such a phenomenon as apologetics and intense public interest in Nicholas II are investigated.

Keywords: A. N. Bokhanov, historiography, The Russian Empire, apologetics of Nicholas II.

УДК 930.1

**ПРОФЕССОР:
ПАМЯТИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ДМИТРИЯ ПАВЛОВИЧА УРСУ**

Горлянский С. П.

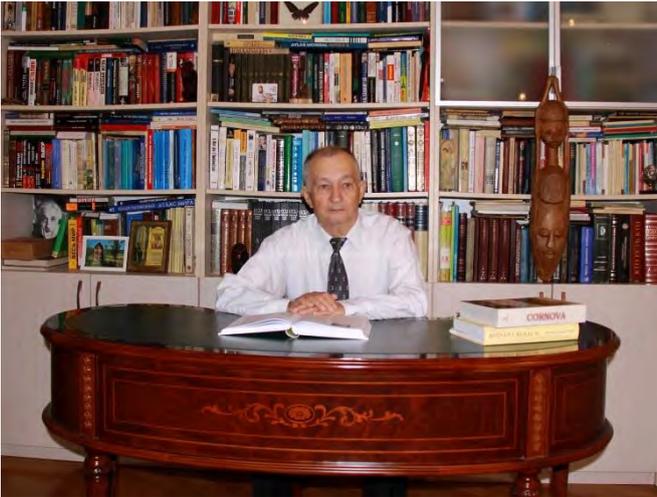
*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: gorlyansky@gmail.com*

Статья посвящена рассмотрению биографии выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора Д. П. Урсу (1936–2017). Более полувека он отдал преподаванию в университетах Одессы, Бамако (Республика Мали) и Симферополя. Он являлся членом Научного совета АН СССР по проблемам Африки (с 1977 г.), членом Российской ассоциации устной истории, вице-президентом Украинского биографического общества. Его научное наследие насчитывает более 400 названий, в том числе 10 монографий, опубликованных в России, Германии, Мали, Мексике, Румынии, Турции, Украине, Франции и Эстонии.

Ключевые слова: Д. П. Урсу, биография, история, культура, англоведение, африканистика, востоковедение, тюркология, крымоведение.

Урсу Дмитрий Павлович появился на свет 22 мая 1935 года (по официальной версии, зафиксированной в документах, – 10 октября 1936 года) в королевстве Румыния во втором по значению после Бухареста городе Яссы, в клинике основанного в 1860 году Ясского университета [1, с. 14]. Но местом своего рождения он считал расположенное в 125 км от бывшей столицы Молдавского княжества бессарабское село Корнова Бельцкого уезда (ныне Унгенский район Республики Молдова), где прошло его самое раннее детство.

Род Дмитрия Павловича со стороны матери насчитывает восемь поколений православных священников, мать его, Надежда Юстиновна Михайлович, получила высшее образование, окончив в 1931 году литературно-философский факультет Ясского университета, отец, Павел Андреевич Урсу, окончил учительскую семинарию, родители работали сельскими учителями. Дома и в школе говорили на румынском языке, а русский Дима выучил уже будучи подростком. Во время Великой Отечественной войны он потерял родителей, воспитывался в детских домах, из которых несколько раз бежал, был беспризорником, бродяжничал и путешествовал на поездах. Аттестат зрелости Дмитрий Павлович получил, окончив среднюю общеобразовательную школу, находясь в изоляции от бескрайнего мира своего босоногого детства, работая в трудовой колонии на Северном Кавказе, в Майкопе – столице Республики Адыгея. Об этой части его биографии и отчаянном мальчишеском желании самоутвердиться в конкурентном и зачастую враждебном окружении осталось напоминание – татуировка в виде восходящего солнца – мечте о свободе, на тыльной стороне ладони, которую профессор пытался прикрывать рукавом рубашки.

Высшее образование Д. П. Урсу получил в Одессе, где с осени 1953 года он на протяжении пяти лет постигал многотрудное ремесло историка, в состоянии полуголода, в выданной в детдоме фуфайке, постоянно находясь на грани отчаянной нищеты, сумел успешно окончить в 1958 году исторический факультет Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова. В 1956 году Дмитрий Павлович доброволь-

цем поехал на сбор урожая на целине в Северном Казахстане [2, с. 8]. Потери войны и трудности послевоенных лет выковали и закалили характер будущего учёного. В 1970–1971 гг. он продолжил образование в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков имени Мориса Тереза, а в 1979–1980 гг. – в Парижском университете, известном как Сорбонна, где ему удалось прослушать лекции выдающегося французского этнолога, основоположника структурной антропологии Клода Леви-Стросса. Впоследствии профессор говорил, что, относясь к корифею мировой антропологии с глубоким уважением и сожалая, что не взял тогда у него автограф, все же не считает себя его учеником.

Дмитрий Павлович является учеником таких выдающихся отечественных ученых, как заведующий кафедрой новой и новейшей истории Одесского университета, профессор Константин Дмитриевич Петряев (1917–1987), заведующий кафедрой новой и новейшей истории, основатель пермской научной школы по проблемам рабочего движения, а также истории и культуры зарубежья XIX–XX веков профессор Пермского университета Лев Ефимович Кертман (1917–1987), а также один из основателей африканистики в СССР, член-корреспондент АН СССР, профессор Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903–1987).

Кандидатскую диссертацию молодой ученый защитил в 1969 году, тема – «Социальная политика Англии 1914–1918 гг.», место защиты – Пермский государственный университет. В 1985 году ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук, тема диссертации – «Современная историография стран Тропической Африки», место защиты – Институт востоковедения АН СССР. Основа будущей докторской диссертации была опубликована им за два года до защиты, в 1983 году в Москве в виде монографии [3]. Помогало в работе то, что Д. П. Урсу в совершенстве владел французским, а также английским, немецким, румынским и латинским языками.

После окончания университета работал учителем в средней школе села Дружбовка, затем директором школы в селах Балашовка и Малые Копани в Херсонской области [1, с. 92]. Там он познакомился со своей будущей женой – Екатериной Даниловной, которой суждено будет внести незаменимый вклад в успехи своего супруга

на протяжении долгой совместной жизни, поддерживая все его начинания, открытия и свершения. Более 50 лет Дмитрий Павлович Урсу отдал преподаванию истории в высшей школе. В 1965–1986 гг. – аспирант, старший преподаватель, заведующий кафедрой Одесского университета. В 1972–1976 гг. – в заграничной командировке, профессор Высшего педагогического института г. Бамако (Республика Мали). В 1986–1997 гг. – заведующий кафедрой Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, в 1997–2003 гг. – заведующий кафедрой Таврического экологического института. С 2003 по 2005 год – профессор кафедры новой и новейшей истории Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. С 2005 г. – профессор кафедры новой и новейшей истории Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Мне посчастливилось познакомиться с Дмитрием Павловичем в 1986 году, в Симферополе, когда он был назначен, а затем избран заведующим кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Симферопольского государственного университета имени М. В. Фрунзе, стал научным руководителем моей дипломной работы и продолжал быть моим наставником на протяжении более чем трёх десятков лет. Вся творческая жизнь Дмитрия Павловича была связана с исследованием исторического прошлого и культуры народов мира. Его научная деятельность основана на лучших традициях отечественного англоведения, африканистики и востоковедения. Область научных интересов Дмитрия Павловича – история и историография стран Африки и Западной Европы, методология истории, востоковедение, история высшей школы Крыма. Он внес огромный вклад в изучение истории Мали в новое и новейшее время [4; 5; 6]. Его перу принадлежит первое учебное пособие по историографии истории Африки, в котором рассматривается возникновение и развитие знаний об истории африканских народов в древности и средневековье, в эпоху колониальных захватов и в XIX – начале XX века. Отдельные главы пособия посвящены вкладу африканских ученых в изучение этого континента, современной историографии Африки [7]. Огромен вклад Д. П. Урсу в изучение истории международных организаций [8], истории высшего образования в Крыму [9] и истории крымскотатарской культуры [10], в том числе в создание первой научной биографии поэта и ученого-тюрколога Бекира Чобан-заде [11].

Научный вклад Дмитрия Павловича составляет более 400 названий, в том числе 10 монографий, опубликованных в России, Германии, Мали, Мексике, Румынии, Турции, Украине, Франции и Эстонии. С докладами он выступал на важных научных конгрессах, конференциях и семинарах в Москве, Париже, Бамако, Братиславе, Брюсселе и Бухаресте. Д. П. Урсу являлся членом Научного совета АН СССР по проблемам Африки (с 1977 г.), членом Российской ассоциации устной истории, вице-президентом Украинского биографического общества, членом Специализированных советов при Институте востоковедения НАН Украины, Запорожском и Одесском университетах, принимал участие в XV Международном конгрессе исторических наук (Бухарест), Международном семинаре африканистов (Братислава), конференции ЮНЕСКО (Париж), семинаре Украина–НАТО (Брюссель).

Дмитрий Павлович, являясь примером активного творческого долголетия, не уставал повторять, что «история – наука кумулятивная, следовательно, специалист

высокого уровня вызревает медленно, потому что ему нужно овладеть большим объемом информации, ... а также навыками нашего ремесла», и что «в отличие от других наук, в истории вершина творчества наступает довольно поздно» [12, с. 193]. Как человека много трудившегося над словом, знавшего несколько языков, удивительно тонко чувствовавшего синонимию, его научные тексты и письма отличает точное словоупотребление, они написаны ёмким, ясным и лаконичным языком. Его уважение к людям проявлялось и в том, каким разборчивым почерком он писал свои рукописи и письма – это отмечал каждый, кто хотя бы раз видел написанный им от руки текст. Всю свою долгую творческую жизнь Дмитрий Павлович исповедовал уточненный им и избранный для себя принцип французского философа Люка де Вовенарга: «Ясность – вежливость профессоров».

К 70-летию профессора Д. П. Урсу был издан библиографический указатель его исторических трудов [13]. Последние его статьи в журнале «Вопросы истории», опубликованные в 2015–2016 годах, были посвящены эволюции колониальной политики европейских держав, в том числе Португалии, на африканском континенте [14] и истории Республики Бенин (до 1975 года – Дагомея) [15]. В 2016 году в журнале «Румынская судьба» была опубликована статья о классике румынской литературы Михеа Эминеску [16]. В 2006 и 2016 годах в Одессе были изданы две книги мемуаров Дмитрия Павловича «Факультет: Воспоминания, разыскания, размышления» [17] и «Университет длиною в жизнь: Путь историка» [18], в которых он подвел итоги своих трудов и которые сделали его жизнь завершённой. Скончался Дмитрий Павлович Урсу 15 февраля 2017 года в Одессе на 81 году жизни [19]. Похоронен на Втором христианском кладбище Одессы [20].

Профессор ушёл в оперируемую им вечность до последних своих дней по-юношески увлечённым, последовательным без изъятий, всегда до предела собранным, пунктуальным, по-европейски образованным человеком, учёным высочайшей культуры, всю свою жизнь мечтавшим о преодолении замкнутости отечественной исторической науки и высшей школы в целом. В качестве профессора-историка, историографа и переводчика Дмитрий Павлович внёс огромный вклад в европеизацию отечественного высшего исторического образования и изучение многочисленных проблем в широком контексте мировой истории, а также применение методов смежных дисциплин, развитие новых направлений, в том числе методологии исторической науки и устной истории, постоянно обращая внимание своих последователей, ученых-африканистов, востоковедов, тюркологов и студентов-историков и страноведов на универсальный характер исторических событий и исторического процесса в целом.

Дмитрий Павлович был замечательным человеком – образцовым семьянином, заботливым отцом и дедом, верным товарищем и другом. Глубоко нравственная личность, истинный бессеребренник, превыше всего ценящий истину в истории в своих воспоминаниях Д. П. Урсу обращал внимание читателей на то, что «история становится кошмаром, как только историк теряет высокие нравственные ориентиры. Кошмар создают не потусторонние силы, а реальные люди, наши соседи и коллеги, люди, лишённые моральных принципов» [17]. Он также в определённой степени был самородком, человеком, сделавшим себя сам, примером научной бескомпромиссности и

творческой неутомимости в поисках истины для своих коллег по школе и университету, учеников и студентов.

В памяти своих коллег и учеников Дмитрий Павлович остался всегда жизнерадостным, с присущим лишь ему особым чувством юмора, значительную часть которого составляла самоирония, он иногда в спорах заявлял о себе: «Нет, я – книжный червь». Примером скромности Дмитрия Павловича может служить история, когда его попутчиком в одном купе оказался заядлый кроссвордист, который на протяжении всей поездки каждый ответ Дмитрия Павловича на свой вопрос сопровождал восклицанием: «Ну, ты, профессор, даешь!» и не сразу поверил, когда Дмитрий Павлович деликатно попросил его говорить тише и сообщил, что он действительно, профессор: «Ну, профессоров-то я много видал. Ты на них совсем не похож». Д. П. Урсу своей жизнью иллюстрировал одну из многих своих, в том числе европейских, точнее – протестантских, ещё точнее – прусских добродетелей: «Будь больше, чем кажешься».

Настоящим профессором, ученым с большой буквы, большим профессионалом, редким по уровню профессионализма преподавателем и хорошим человеком Дмитрия Павловича запомнили несколько поколений будущих историков и страноведов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, Высшего педагогического института г. Бамако (Республика Мали), Таврического экологического института и Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (ныне Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского). И после своей смерти Дмитрий Павлович Урсу остаётся нравственным авторитетом для своих потомков, коллег по профессии, многочисленных учеников и последователей.

Список использованных источников и литературы

1. 1. Урсу Д. П. Университет длиною в жизнь: Путь историка. Одесса: Апрель, 2016. 504 с.
Ursu D. P. Universitet dlinouy v zhizn': Put' istorika. Odessa: April', 2016. 504 s.
2. Самойлов Ф. О. Професору Д. П. Урсу — 70 років // Записки історичного факультету. 2006. Вип.17. С. 7-14. Режим доступу: http://shron.chtyvo.org.ua/Zapysky_istorychnoho_fakultetu/Vypusk_17.pdf.
Samojlov F. O. Profesoru D. P. Ursu — 70 rokiv // Zapiski istorichnogo fakul'tetu. 2006. Vip.17. S. 7-14. Rezhim dostupu: http://shron.chtyvo.org.ua/Zapysky_istorychnoho_fakultetu/Vypusk_17.pdf.
3. Урсу Д. П. Современная историография стран Тропической Африки, 1960-1980 / Отв. ред. Л. Е. Куббель. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. 264 с.
Ursu D. P. Sovremennaya istoriografiya stran Tropicheskoy Afriki, 1960-1980 / Otv. red. L. E. Kubbel'. M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1983. 264 s.
4. Ursu D. P. Archives de l'histoire coloniale francaise en Russie // Revue francaise d'histoire d'outre-mer. Paris, 1993. T.80, №300. P.457-465.
5. Ursu D. P. L'Historie en Afrique Tropicale: centres de recherche, hommes, ideas // Les sciences hors d'Occident an XX siecle: Resumes. Paris: Unesco, 1994. P. 111-112.
6. Новиков С. С., Урсу Д. П. История Мали в новое и новейшее время. / С. С. Новиков, Д. П. Урсу. М.: Наука – Восточная литература, 1994. 288 с.
Novikov S. S., Ursu D. P. Istoriya Mali v novoe i novejshee vremya. / S. S. Novikov, D. P. Ursu. M.: Nauka – Vostochnaya literatura, 1994. 288 s.
7. Урсу Д. П. Историография истории Африки: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. 304 с.
Ursu D. P. Istoriografiya istorii Afriki: Uchebnoe posobie. M.: Vysshaya shkola, 1990. 304 s.
8. Урсу Д. П. Международные организации: Учебное пособие. Симферополь: РИО ТЭИ, 2000. 231 с.
Ursu D. P. Mezhdunarodnye organizacii: Uchebnoe posobie. Simferopol': RIO TENI, 2000. 231 s.
9. Урсу Д. П. Професори Таврійського університету (1918-1941): біографічні нариси. Симферополь: ДіАйПі, 2005. 108 с.

- Ursu D. P. Profesorii Tavrijs'kogo universitetu (1918-1941): biografichni narisi. Simferopol': DiAjPi, 2005. 108 s.
10. Урсу Д. П. Очерки истории культуры крымско-татарского народа (1921-1941). Симферополь: Крымучпедгиз, 1999. 144 с.
- Ursu D. P. Ocherki istorii kul'tury krymsko-tatarskogo naroda (1921-1941). Simferopol': Krymuchpedgiz, 1999. 144 s.
11. Урсу Д. П. Бекир Чобан-заде: жизнь, судьба, эпоха. 2-е изд. Симферополь: Крымучпедгиз, 2013. 276 с.
- Ursu D. P. Bekir CHoban-zade: zhizn', sud'ba, epoha. 2-e izd. Simferopol': Krymuchpedgiz, 2013. 276 s.
12. Урсу Д. П. Річниця науковця / Д. П. Урсу // Записки історичного факультету. 2013. Вип. 24. С. 190-193. Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/zif_2013_24_19.
- Ursu D. P. Richnitsya naukovcya / D. P. Ursu // Zapiski istorichnogo fakul'tetu. 2013. Vip. 24. S. 190-193. Rezhim dostupu: http://nbuv.gov.ua/UJRN/zif_2013_24_19.
13. Дмитро Павлович Урсу: Бібліографічний покажчик / Упоряд.: Г. П. Бахчиванжи, В. В. Самодурова. Одеса: Астропринт, 2006. 72 с.
- Dmitro Pavlovich Ursu: Bibliografichnij pokazhchik / Uporyad.: G. P. Bahchivanzhi, V. V. Samodurova. Odesa: Astroprint, 2006. 72 s.
14. Урсу Д. П. Португалия и «схватка за Африку» // Вопросы истории. 2015. № 11. С. 97-115.
- Ursu D. P. Portugaliya i «skhvataka za Afriku» // Voprosy istorii. 2015. № 11. S. 97-115.
15. Урсу Д. П. Бенинский политик Матье Кереку // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 108-125.
- Ursu D. P. Beninskij politik Mat'e Kereku // Voprosy istorii. 2016. № 11. S. 108-125.
16. Ursu D. P. Eminescu la Odessa. Anul 1885 // Destin romanesc. 2016. № 1 (95). P. 83-107.
17. Урсу Д. П. Факультет: Воспоминания, разыскания, размышления. Одесса: Optimum, 2006. 305 с.
- Ursu D. P. Fakul'tet: Vospominaniya, razyskaniya, razmyshleniya. Odessa: Optimum, 2006. 305 s.
18. Урсу Д. П. Университет длиною в жизнь: Путь историка. Одесса: Апрель, 2016. 504 с.
- Ursu D. P. Universitet dliuoyu v zhizn': Put' istorika. Odessa: Aprel', 2016. 504 s.
19. В Одессе простились с выдающимся ученым Дмитрием Павловичем Урсу / Град. 19.02.2017. Режим доступа: <http://grad.ua/lenta-novostey/69008-v-odesse-prostilis-s-vydayuschimsya-uchenym-dmitriem-pavlovichem-ursu-video.html>
- V Odesse prostilis' s vydayushchimsya uchenym Dmitriem Pavlovichem Ursu / Grad. 19.02.2017. Rezhim dostupa: <http://grad.ua/lenta-novostey/69008-v-odesse-prostilis-s-vydayuschimsya-uchenym-dmitriem-pavlovichem-ursu-video.html>
20. В Одессе простились с выдающимся ученым Дмитрием Павловичем Урсу. / Новости Одессы на телеканале ГРАД. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=TZqxssSM4iw>
- V Odesse prostilis' s vydayushchimsya uchenym Dmitriem Pavlovichem Ursu. / Novosti Odessy na telekanale GRAD. Rezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=TZqxssSM4iw>

Gorlyansky S. P. Professor: in memoriam of the doctor of historical sciences Dmitry Pavlovich Ursu

The article is devoted to the biography of the outstanding scientist, Doctor of Historical Sciences, Professor D. P. Ursu (1936–2017). More than half a century he gave his teaching at the universities of Odessa, Bamako (Republic of Mali) and Simferopol. He was a member of the Scientific Council of the USSR Academy of Sciences on the problems of Africa (since 1977), a member of the Russian Association of Oral History, and vice-president of the Ukrainian Biographical Society. His scientific heritage includes more than 400 titles, including 10 monographs published in Russia, Germany, Mali, Mexico, Romania, Turkey, Ukraine, France and Estonia.

Keywords: D.P. Ursu, biography, history, culture, English studies, African studies, oriental studies, turkology, krymology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бонч-Осмоловская
Ольга Андреевна** аспирант Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).
- Бочаров
Сергей Геннадиевич** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Российская Федерация).
- Горлянский
Сергей Петрович** кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Крестьянников
Валерий Васильевич** историк, в 1998–2008 гг. – директор Государственного архива города Севастополя (Севастополь, Российская Федерация).
- Лейбенсон
Юлия Тарасовна** аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Неделькин
Евгений
Владимирович** научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Российская Федерация).
- Непомнящий
Андрей Анатольевич** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения; директор Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Орехов
Владимир
Викторович** доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания филологических дисциплин Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
- Петрова
Элеонора Борисовна** доктор исторических наук, профессор, кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

**Спивак
Игорь Александрович** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

**Тарнягина
Евгения Андреевна** ассистент кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Бонч-Осмоловская О. А. Концепция гань у в контексте китайских теорий музыки и литературы	3
Бочаров С. Г., Неделькин Е. В. Селения Чембальского консульства в XIV–XV вв. : материалы к археологической карте	16
Крестьянников В. В. Белая контрразведка в Крыму в гражданскую войну	42
Лейбенсон Ю. Т. Авл Ситесий – представитель философско-медицинской школы на Боспоре	55
Непомнящий А. А. «Имел много благодарностей и неоднократно был премирован»: декан исторического факультета и заведующий кафедрой истории СССР Федор Загородских	69
Орехов В. В. Путешественники по Крыму супруги Омер де Гелль: опыт биографической реконструкции	79
Петрова Э. Б. Крымский вояж французского писателя Клода Анэ. Год 1905-й	105
Спивак И. А. Ислам и джахилия: молитва как мера ритуальной дистанции	140
Тарнягина Е. А. Эволюция взглядов А. Н. Боханова на личность и деятельность Николая II и идею монархии в России	154
Горлянский С. П. Профессор: памяти доктора исторических наук Дмитрия Павловича Урсу	168
Сведения об авторах	174